

18+

От автора бестселлера
The New York Times Bestseller

ОРУДИЯ СМЕРТИ
АКАДЕМИЯ
СУМЕРЕЧНЫХ ОХОТНИКОВ
ХРОНИКИ
КАССАНДРА КЛЭР

**Робин Вассерман
Морин Джонсон
Сара Риз Бреннан
Кассандра Клэр**

**Академия Сумеречных
охотников. Хроники**

Серия «Миры Кассандры Клэр»
Серия «Сумеречные охотники»
Серия «Орудия Смерти»
Серия «Хроники Академии
Сумеречных охотников»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40496871
К. Клэр. Академия Сумеречных охотников. Хроники: ООО
«Издательство АСТ»; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-102623-3*

Аннотация

Десять захватывающих историй об обитателях Нижнего мира и Дикой Охоте, о славных традициях и магических ритуалах, о

друзьях и возлюбленных, о парабатах и подкидышах, о жизни, смерти и любви.

Содержание

Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников	6
Потерянный Эрондейл	89
Дьявол из Уайтчепела	161
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Кассандра Клэр

Академия Сумеречных охотников. Хроники

Cassandra Clare

The Tales From The Shadowhunter's Academy

Copyright © 2015 by Cassandra Clare, LLC

Jacket illustration copyright © 2015 by Cliff Nielsen

© Н. Власенко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников

Саймон понятия не имел, что значит «клево потусить». И в этом вся проблема.

Сходить в поход с палатками? Да о чем речь! Остаться ночевать у Эрика или рвануть куда-нибудь на выходные – подзаработать на жизнь? Не вопрос. Смотаться с мамой и Ребеккой поближе к морю и солнцу? Никаких проблем. В любую минуту бросаешь в рюкзак лосьон для загара, шорты, пару подходящих футболок и чистое белье – и всё, считай, готов.

К нормальной жизни, разумеется.

А вот к чему он точно не был готов – так это к тому, что окажется на элитной тренировочной базе, где нефилимы – они же борцы с демонами, они же Сумеречные охотники – попробуют сделать из него еще одного члена своего воинственного племени.

И какие, интересно, вещи могут ему там понадобиться?

В книжках и фильмах эту тему как-то ловко обходят: либо герои оказываются в волшебной стране чуть ли не в той же пижаме, в которой встали с кровати, либо вообще никто даже пальцем не шевелит, а все прибаамбасы появляются как будто сами собой. Да, средства массовой информации

определенно упускают самое главное... А ему-то что теперь делать? Закинуть в сумку парочку кухонных ножей? Или в срочном порядке освоить искусство боя на тостерах?

Так и не решив, какой вариант лучше, Саймон выбрал самый безопасный вариант: чистое белье и прикольные футболки. Сумеречным охотникам ведь нравятся прикольные футболки? Да ладно, они всем нравятся.

– Даже не могу представить, как в военной академии отнесутся к футболкам с неприличными шутками.

Сердце скакнуло к горлу. Саймон повернулся – слишком быстро для обычного человека.

Мама стоит в дверях. Руки скрещены на груди; беспокойство на лице кажется еще сильнее обычного. Взгляд, которым она смотрит на сына, как всегда, полон любви и заботы.

Ага. Если забыть о том, что, когда ее сын стал вампиром, она вышвырнула его из дома. Но об этом она не помнит.

Об этом помнит только Саймон.

Как раз поэтому он и собирается сейчас в Академию Сумеречных охотников. И на голубом глазу заявил матери, что отчаянно хочет уехать. Магнус Бейн – маг с кошачьими глазами (и да, они у него правда кошачьи) – состряпал липовую бумажку и без труда убедил ее, что Саймон получил стипендию (липовую!) в некой военной академии (тоже, естественно, липовой!).

Так что Саймону не придется теперь каждый день видеть маму и вспоминать, какими глазами она на него смотрела,

когда боялась и ненавидела его.

Когда предала его.

– Да ладно, мам, футболки вполне приличные, – ответил он. – Я же не совсем спятил. Ничего такого там нет. Даже для солдат, которые юмора вообще не понимают. Джентльменский набор королевского шута, вот и всё. Честное слово.

– Я тебе верю. Иначе никуда бы не отпустила.

Подойдя к сыну, она чмокнула его в щеку. Саймон вздрогнул. И понял, что маму это удивило. Но она ни слова ему не сказала – не перед расставанием же выяснять отношения.

– Я люблю тебя. Помни об этом, – добавила она.

Саймон чувствовал, что несправедлив сейчас, но ничего не мог с собой поделать. Мать выгнала его, считая, что под маской родного сына скрывается чудовище, – хотя должна была любить, несмотря ни на что. Он точно это знал и не мог простить такого предательства.

Пусть она об этом никогда не вспомнит, пусть даже никто в мире об этом не будет знать – Саймон не забудет. Просто не сможет.

И поэтому уходит.

Он постарался расслабиться и не отстраняться от объятий, чтобы не напугать маму еще больше. Положил руку ей на предплечье.

– Я там наверняка буду занят по горло. Но попытаюсь не забыть.

Он отступила на шаг.

– Вот и умница. Тебя точно друзья доvezут? Может, такси вызывать?

Она имела в виду Сумеречных охотников (Саймон выдал их за однокашников, сподвигших его поступить в ту самую военную академию). Кстати говоря, вот и еще одна причина уйти из дома. Друзья.

– Точно. Пока, мам. Я тебя люблю.

Саймон не кривил душой. Он никогда не перестанет любить маму – ни в этой жизни, ни в какой-либо другой.

Я люблю тебя безо всяких условий, – говорила она когда-то еще маленькому Саймону. – *Так любят родители. И им все равно, какой у них ребенок.*

Люди так легко произносят эти слова. Им даже в голову не приходит, что мир может перевернуться, как и в страшном сне не приснится, – и любовь исчезнет, словно ее и не бывало. И уж тем более никто не помышляет, что любовь может просто не пережить испытаний.

Ребекка прислала ему открытку: «Удачи, салага!» Мягкий голос сестры, ее рука, обнимающая его за плечи, – вот дверь, которая никогда не закрывалась, в отличие от двери родного дома. Саймон помнил, что сестра любила его всегда, несмотря на что. Но этого недостаточно, чтобы остаться.

На самом деле он уже просто не мог дальше разрываться между двумя мирами и двумя комплектами воспоминаний. Надо бежать, пока не поздно. Надо пойти и совершить какой-нибудь подвиг, стать героем – в конце концов, такое с

ним уже случалось. Тогда, по крайней мере, мир хоть чуть-чуть перестанет быть бесполезным. И жизнь обретет капельку смысла.

Лишь бы только ему самому от этого не стало еще хуже.

Саймон закинул сумку на плечо и вышел на крыльцо. Положил в карман открытку сестры. Он снова уходит из дома – и снова уносит с собой любовь Ребекки.

История повторяется.

Хотя никто из обитателей Института в Академию не собирался, Саймон все равно пообещал, что заглянет к ним и попрощается перед отъездом.

Было время, когда он и сам мог пробиться через чары, окружающие здание. Но сейчас ему без помощи Магнуса не обойтись.

Разглядывая внушительную и одновременно изящную громаду Института, Саймон с беспокойством и смущением вспоминал, что столько раз проходил мимо – и видел лишь заброшенные руины. Да, это другая жизнь. В голове невольно всплыли слова Библии – о детях, которые смотрят на мир словно бы через тусклое стекло. Но когда вырастаешь, начинаешь видеть ясно¹. Впечатляющее здание возвышалось над

---

¹ Имеется в виду отрывок из Послания апостола Павла к Коринфянам: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:11, 12). – *Здесь*

ним во всей своей красе. Словно оно и построено-то было лишь затем, чтобы показать людям их ничтожность, чтобы каждый, кто входит внутрь, чувствовал себя муравьем, копошащимся где-то там, внизу.

Толкнув тяжелые узорчатые ворота, Саймон спустился с узкой тропинки, оббегающей Институт по периметру, и зашагал прямо по лужайке.

Стены вокруг Института отгораживали от шумных нью-йоркских улиц небольшой сад, каким-то чудом умудрявшийся выживать в чадном городском воздухе. Широкие каменные дорожки. Скамьи. Статуя ангела, от которой у фанатов «Доктора Кто» точно бы разыгрались нервы. Правда, ангел не плакал – но уныния в его взгляде, на вкус Саймона, было многовато. На каменной скамье посреди сада расположились Магнус Бейн и Алек Лайтвуд, высокий темноволосый Сумеречный охотник, сильный и немногословный – по крайней мере, в присутствии Саймона он обычно держал язык за зубами. Магнус, тот самый маг с кошачьими глазами, как всегда, выпендривался: сегодня он выбрал футболку с черно-розовыми полосками, сидевшую на нем в облипку. Магнус и Алек уже довольно давно встречались, так что, похоже, надоедливая болтливость мага объяснялась необходимостью говорить за двоих.

За ними, прислонившись спиной к стене и задумчиво глядя вдаль, куда-то поверх деревьев, замерла Изабель. Выгля-

дела девушка так, словно ее застали посреди шикарной фотосессии для какого-нибудь гламурного журнала. Впрочем, она всегда так выглядит. Это ее талант.

Клэри, опершись о стену плечом, не сводила взгляда с лица Изабель и что-то упорно ей втолковывала. Саймон даже не сомневался, что с *ее*-то талантом добиваться своего она рано или поздно заставит подругу обратить на нее внимание.

При виде любой из этих девушек сердце Саймона всегда болезненно сжималось, словно в грудь воткнули нож. А при виде обеих сразу боль стала практически невыносимой и отпускать не спешила.

Поэтому Саймон предпочел побыстрее перевести взгляд на Джейса. Тот, опустившись на колени в давно не стриженную траву, точил о камень короткий кинжал. Возможно, у него были причины делать это именно здесь и именно таким образом; хотя, скорее всего, Джейс просто знал, что за таким занятием выглядит неотразимо, и работал на публику. У них с Изабель получилось бы отличное фото на обложку еженедельника «Круче всех».

Итак, собрались все. Ради него.

Наверное, они его действительно любят и ценят. Но Саймону сейчас было все равно. Он чувствовал только странную раздвоенность. Какие-то кусочки воспоминаний говорили ему, что он хорошо знает людей, ждущих его в саду Института, что это его друзья. Но остальные фрагменты памяти – целая жизнь, если уж на то пошло, – утверждали совершен-

но обратное: что все пятеро – вооруженные, сильные и опасные незнакомцы, от которых лучше держаться подальше.

На самом деле это вовсе не они, а старшие Лайтвуды, мать и отец Алека и Изабель, а вместе с ними и другие взрослые члены Конклава предложили Саймону пройти обучение в Академии, если он хочет стать Сумеречным охотником. Двери этого заведения открылись впервые за несколько десятилетий – перед теми, кто мог бы пополнить ряды охотников, изрядно поредевшие в недавней войне.

Клэри идею не одобрила. Изабель вообще ничего по этому поводу не сказала, но Саймон знал, что ей тоже не понравилось предложение родителей. Джейс заявил, что сам прекрасно может выучить кого угодно – здесь, в Нью-Йорке, причем всем предметам сразу, и предложил ускоренную программу, чтобы Саймон быстро догнал Клэри.

Какая трогательная забота. В другое время Саймон непременно воспользовался бы этим предложением, да и они с Джейсом, вероятно, дружили по-настоящему, хоть он этого и не помнил. Но ужасная правда заключалась в том, что он не хотел оставаться в Нью-Йорке.

Не хотел оставаться рядом с *ними*.

Потому что просто не смог бы вынести постоянное разочарованное ожидание, явно написанное на их лицах – особенно у Клэри и Изабель. На него смотрели как на давно знакомого, прекрасно известного человека – и чего-то от него ждали. А он каждый раз приходит – и ничего. Пустота. Слов-

но раскапываешь яму, в которой когда-то спрятал нечто ценное, копаешь, копаешь и понимаешь: что бы ты ни спрятал в этой яме – его там уже нет. А ты все равно копаешь, потому что не можешь смириться с потерей, потому что это ужасно и потому что... ну а вдруг?

А вдруг.

Он, Саймон, и есть то самое потерянное сокровище. Он и есть то самое «а вдруг». И именно это он и ненавидит.

Вот он, секрет, который Саймон всеми силами старался от них скрыть. Потому что боялся, что его однажды снова предадут.

Надо просто как-то пережить прощание. Выйдя за ворота Института, он исчезнет – и не появится до тех пор, пока не сможет снова стать тем Саймоном, которого они хотят видеть. По крайней мере, тогда не останется места разочарованиям и никто не будет смотреть на него как на пришельца с другой планеты. Он станет своим.

Саймон не хотел, чтобы его заметили все разом. Бесшумно ступая по траве, он остановился рядом с Джейсом.

– Привет.

Джейс поднял взгляд, равнодушно скользнул по его лицу золотыми глазами и снова отвернулся.

– А-а, это ты.

Слова прозвучали так, будто Джейс и не торчал невесть сколько в саду Института в ожидании Саймона, чтобы попрощаться с ним. Впрочем, чего еще ждать от парня, чье

кредо – «Я слишком крут, чтобы ходить в школу», а второе имя – себялюбие?

– А я-то уж думал, не видать мне второго шанса, – отозвался Саймон. – Все-таки мы с тобой крепко связаны, как ни крути.

Джейс на секунду поднял на него взгляд – лицо застывшее, словно маска, – и вновь уставился себе под ноги.

– Вот именно. Мы с тобой – как вот это, – он скрестил пальцы. – А вообще-то даже больше. Скорее, как это, – он попытался скрестить уже скрещенные пальцы еще раз. – Сначала, правда, были у нас с тобой нелады – если ты когда-нибудь сможешь вспомнить об этом, – но потом мы это дело разрушили. Когда ты приехал и заявил, что просто все это время жутко мне завидовал, потому что я – ты вот точно так и сказал – потрясающий красавчик и неотразимый очаровашка.

– Серьезно, что ли?

Джейс ткнул его кулаком в плечо.

– Абсолютно, старик. Я помню это слово в слово.

– Ладно, неважно. Дело в том... – Он перевел дух. – При мне Алек никогда ни слова не говорит. Он просто застенчивый, или это я так сильно его раздражаю и не помню об этом? Не хочется уезжать, не разобравшись и не исправив того, что можно исправить.

Лицо Джейса снова закаменело.

– Рад, что ты спросил, – наконец сказал он. – Вообще-то,

если ты не заметил, есть еще кое-какие проблемы. Девчонки не хотели, чтобы я тебе это рассказывал, но штука в том, что...

– Джейс, хватит отнимать у нас Саймона.

Клэри произнесла это твердым голосом, как всегда, и Джейс тут же обернулся и ответил ей – тоже как всегда. Только с ней одной он разговаривал вот так, больше ни с кем.

Клэри направилась к ним, и чем ближе Саймон видел ее рыжие волосы, тем больше проворачивался нож, засевший в сердце. *Какая она все-таки маленькая.*

На одной из злополучных тренировок – Саймон тогда потянул запястье и был из участника временно переведен в статус наблюдателя – Джейс бросил Клэри в стену. Через несколько секунд девушка ответила ему тем же.

И все-таки Саймону по-прежнему казалось, что ее нужно защищать. Вот еще один его личный кошмар – эмоции без воспоминаний. Так и спятить недолго: он точно знает, какие чувства испытывает к этим пятерым незнакомцам, но не может объяснить их. Не может вспомнить. Не может дать друзьям то, чего они хотят. Как будто все эмоции и ощущения – вполсилы.

Клэри телохранитель точно не нужен, но где-то в глубине души Саймона прочно засел призрак – парень, всегда готовый встать на защиту этой хрупкой рыжеволосой девушки. А он теперешний, без памяти и без нормальных эмоций, точно не может им быть. Оставаться рядом с Клэри, пока он вот

такой, – только зря расстраивать ее.

Нет, память понемногу возвращалась. Иногда воспомина-
ния захлестывали его с головой, но чаще всего проступали
только крохотные кусочки мозаики, упорно не складывав-
шиеся в целую картину. Вот они с Клэри, совсем маленькие,
идут в школу, и он держит ее крошечную ладонь в своей ру-
ке. Тогда он гордился и чувствовал себя большим – взрос-
лым и ответственным за нее. И ему даже в голову не могло
прийти, что настанет день, когда он ее подведет.

– Привет, Саймон.

Глаза Клэри блестели от слез, и он знал: девушка плачет
из-за него. Взяв ее за руку, Саймон почувствовал, какая все-
таки у нее маленькая ладошка – когда-то нежная и мягкая,
но теперь огрубевшая от оружия и постоянного рисования.
Если бы он только мог поверить, что он и впрямь ее верный
защитник, – что осколки воспоминаний ему не лгут!

– Клэри, пожалуйста, будь осторожна. Я знаю, ты смо-
жешь. – Он чуть помедлил. – И позаботься о нашем бедном
беспомощном блондине.

Джейс ответил ему неприличным жестом, и Саймон вдруг
понял, что ничуть этому не удивляется. Скорее, даже наобо-
рот.

Вот и еще один кусочек мозаики.

Из-за угла Института вышла Катарина Лосс. Джейс тут же
опустил руку.

Эта женщина тоже была магом, как и ее друг Магнус.

Только вместо кошачьих глаз у нее была другая особенность – синяя кожа. Саймон почувствовал, что не особо ей нравится. Может, маги вообще любят только магов? Хотя вот Магнусу же Алек вроде нравится...

– Всем привет, – сказала Катарина. – Ты готов?

Саймон ждал этого несколько недель. Но сейчас почувствовал, как в горло, словно когтями, вцепилась паника.

– Почти. Еще пару секунд.

Он кивнул Алеку с Магнусом – те кивнули в ответ. Надо бы все-таки разобраться, что произошло между ним и Алем, прежде чем очертя голову соваться в самое пекло.

– Пока, ребята, спасибо за все.

– Было большим удовольствием снять с тебя чары... пусть даже частично. – Магнус поднял руку. Множество перстней, усеивавших пальцы мага, ослепительно сверкнули в свете весеннего солнца. Должно быть, он не только волшебством ослепляет своих врагов, мимоходом подумал Саймон. Иначе зачем ему столько колец?

Алек просто кивнул.

Наклонившись и стараясь не обращать внимания на боль в груди, Саймон обнял Клэри. Ее запах, чувства, которые рождались в нем от этих объятий, казались одновременно незнакомыми и привычными. Мозг заявлял одно, тело утверждало другое. Он попытался не обнимать девушку слишком крепко, хотя она сама, похоже, вознамерилась его раздавить. Но возражать ему бы и в голову не пришло.

Наконец отпустив Клэри, Саймон повернулся и обнял Джейса. Клэри смотрела на них. По щекам девушки бежали слезы.

– Уф, – Джейс явно был ошарашен. Хлопнул Саймона по спине и тут же отстранился.

Саймон понятия не имел, как это принято у Сумеречных охотников. Видимо, они обычно ограничивались дружескими тычками. Или каждый по-своему? Может, Джейса раздражало, что у него от этих объятий прическа испортилась? А, неважно.

Осталось самое главное.

Собрав всю храбрость, Саймон развернулся и подошел к Изабель.

Она – последняя, кому он должен сказать «до свидания». И с ней это труднее всего. Изабель не Клэри – слез от нее не дождешься. Но и на других она не похожа. Джейсу, Алеку и Магнусу, по крайней мере, жаль, что он уезжает, – но, в принципе, их мир от этого не перевернется. Изабель же казалась совершенно равнодушной – слишком равнодушной. Саймон знал, что на самом деле все не так.

– Я планирую вернуться, – сказал он.

– Кто бы сомневался. – Изабель смотрела вдаль, куда-то за его плечо. – Ты вечно выскакиваешь в самый неподходящий момент.

– Вот увидишь, я еще всех удивлю.

Саймон вовсе не был уверен, что ему удастся сдержать

обещание. Просто... надо же было что-то сказать. Он знал: Изабель хочет, чтобы он вернулся – но не таким, как сейчас. Она хочет, чтобы вернулся прежний Саймон.

Девушка пожала плечами.

– Не рассчитывай, что я буду ждать, Саймон Льюис.

Но прозвучало это не менее фальшиво, чем всеми силами демонстрируемое наигранное безразличие.

Саймон несколько секунд не сводил с Изабель взгляда. Потрясающе красивая – чересчур красивая, чтобы можно было вот так запросто ее удержать. Он так до конца и не поверил своим новым воспоминаниям. Мысль, что Изабель Лайтвуд – его девушка, казалась не менее невероятной, чем существование вампиров и то, что Саймон когда-то был одним из них. Саймон понятия не имел, как умудрился завоевать эту неприступную красавицу – и как сделать это снова. Все равно что его бы попросили полететь.

Тогда, несколько месяцев назад, она и Магнус приехали к нему домой и попытались восстановить память. Сделали все, что могли, но этого оказалось недостаточно.

С тех пор они с Изабель один раз танцевали, дважды пили вместе кофе, но... вместо воспоминаний – по-прежнему пустота. И каждый раз, когда они встречались, девушка не сводила с Саймона испытующего взгляда, словно ждала чуда. Но чудо это – он знал – ему не под силу.

Рядом с Изабель у него пропадал дар речи – больше всего Саймон боялся ляпнуть что-то не то и разрушить все, что

с таким трудом воссоздано. Не хватало еще, чтобы девушка страдала из-за него.

– Ну что ж поделать, – сказал он. – Я буду по тебе скучать.

По-прежнему не глядя на Саймона, Изабель схватила его за руки.

– Если я тебе понадобится – только позови.

И сразу отпустила – так же резко.

– Окей. – Он отступил в сторону, где Катарина Лосс уже наводила портал в Идрис – страну Сумеречных охотников. Расставание получилось таким неуклюжим и болезненным, что Саймону совершенно наплевать было на удивительное волшебство, творящееся прямо перед ним.

Он помахал всем пятерым – людям, которых едва знал, но все равно любил. И надеялся, что они никогда не узнают, с каким облегчением он сейчас с ними расстается.

Словно гора с плеч свалилась.

Кое-что об Идрисе Саймон помнил: башни, тюрьма, строгие лица, кровь на улицах – но все это случилось в городе, в Аликанте.

А портал вывел их с Катариной за город, в долину, склоны которой изумрудно зеленели от пышных лугов. На мили вокруг – только различные оттенки зеленого, сменяющие друг друга до самого горизонта, где в солнечном сиянии хрустально сверкали башни Города Стекла. В другую сторону тянулись леса – темно-зеленое изобилие, испещренное тенями.

Верхушки деревьев трепетали на ветру, словно павлиньи перья.

Катарина огляделась, сделала несколько шагов и оказалась прямо на вершине холма. Саймон последовал за ней. В то же самое мгновение тень от ближайшего леса накрыла их с головой, как полупрозрачная вуаль.

В следующую секунду Саймон обнаружил, что стоит на краю тренировочной площадки – ровного поля, со всех сторон обнесенного оградой. Глубокие метки в земле показывали, куда нужно бежать или в какую сторону метать оружие.

В середине площадки, в самом сердце леса, словно вставленное в оправу из вековых деревьев, возвышалось настоящее чудо архитектуры – высокое серое здание с башенками и шпилями. На ум Саймону пришло мудреное слово «контрфорс» – а как иначе описать, что камень, вырезанный в форме ласточкиных крыльев, поддерживает крышу?

Фасад здания украшал витраж. В потемневшем от времени изображении еще можно было угадать величавого и жестокого ангела, воинственно поднявшего меч.

– Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников, – нежным голосом пропела Катарина.

И стала спускаться по склону. Саймон шел рядом, кроссовки его скользили по мягкой, осыпающейся земле, так что Катарине даже пришлось ухватить его за рукав куртки, чтобы не дать скатиться по холму.

– Надеюсь, ты захватил туристические ботинки.

– В жизни не носил ничего подобного, – отозвался Саймон, уже понимая, что выбор вещей оказался не совсем верным. Инстинкты его не подвели – они просто оказались совершенно бесполезны.

Катарина, видимо, окончательно разочаровавшись в Саймоне – даже не смог узнать, что нужно взять с собой! – притихла и молча шла под сенью ветвей, в зеленом лесном сумраке. Деревья понемногу редели, расступались; наконец в лицо ударил солнечный свет, и Академия выросла перед ними во всей своей красе.

Чем ближе они подходили, тем больше мог разглядеть Саймон – и здание уже не казалось ему таким прекрасным, как там, на вершине холма, когда он был исполнен благоговейного страха. Одна из высоких тоненьких башен угрожающе наклонилась. В арках чернели птичьи гнезда; в окнах то тут, то там, словно воздушный тюль, трепетала на редкость толстая и плотная паутина. Из витража выпало одно стеклышко, и ангел, лишившийся глаза, теперь больше смахивал на пирата, чем на небесного воина.

Воодушевления от увиденного Саймон не испытывал.

Перед фасадом Академии, под пристальным взглядом ангела, он заметил еще нескольких человек: высокую женщину с пышной копной розовых волос и двух девушек, своих ровесниц, у нее за спиной – видимо, тоже учениц Академии, предположил Саймон.

Под кроссовкой хрустнула ветка, и все трое испуганно за-

озирались. В следующее мгновение розовая блондинка перешла в наступление: ринувшись прямо к новоприбывшим, она повисла на Катарине, словно та оказалась давно пропавшей и наконец-то найденной сестрой. Катарина, похоже, ничуть этому не обрадовалась.

– Мисс Лосс, слава Ангелу, вы здесь, – воскликнула розоволосая. – Все пропало, совсем пропало!

– Кажется, мы не имели удовольствия быть... знакомы, – помедлив, заметила Катарина.

Женщина взяла себя в руки и отступила от мага, кивая так усердно, что розовые волосы так и летали вокруг ее плеч.

– Я Вивиана Пенхоллоу. Ректор Академии. Счастлива с вами познакомиться.

Несмотря на ее официальный тон, Саймон никак не мог отделаться от мысли, что Вивиана Пенхоллоу слишком молода, чтобы возглавлять Академию, особенно сейчас, когда Сумеречным охотникам так отчаянно нужны новые воины, а Академия десятилетиями стояла закрытая.

Вот что бывает, когда ты дальний родственник Консула, предположил Саймон. Правда, разобраться в хитросплетениях власти в Идрисе, как и в генеалогических древах нефилимов, ему так и не удалось. Похоже, у них все так или иначе родственники друг другу.

– И в чем проблема, ректор Пенхоллоу?

– Если начать с самого начала, то мне кажется, что нескольких недель, выделенных на ремонт Академии...

иных слов, чтобы описать ситуацию, кроме «чудовищно недостаточно», я подобрать не могу, – выпалила Вивиана Пенхоллоу. – Многие преподаватели уехали, и я не думаю, что они намереваются вернуться. Строго говоря, они мне это заявили лично – и в выражениях не стеснялись. В помещениях холодно, а сами классы... вполне могут просто обрушиться. К тому же у нас проблема с едой.

Катарина подняла бровь цвета слоновой кости.

– Что за проблема?

– Еды просто нет.

– А-а. Да, это проблема.

Плечи ректора опустились, будто не в силах выдерживать свалившийся на них груз.

– Эти девушки – старшие ученицы Академии и представительницы славных фамилий Сумеречных охотников: Жюли Боваль и Беатрис Велес Мендоса. Они прибыли вчера и оказались просто неоценимыми помощницами. А это, должно быть, юный Саймон, – улыбнулась ему Вивиана.

Саймон испытал странное удивление – и никак не мог понять почему, пока не вспомнил, что лишь немногие взрослые нефилимы станут улыбаться затесавшемуся среди них вампиру. Однако никаких прямых причин возненавидеть его у ректора не было – по крайней мере, пока. Вдобавок она явно была очень рада видеть Катарину – видимо, надеялась, что та ей поможет.

– Верно, – ответила Катарина. – Нечего было и надеяться,

что здание, простоявшее пустым столько десятилетий, можно будет полностью привести в порядок за несколько недель. Вы бы лучше показали мне самые опасные места. Вместе мы что-нибудь придумаем, чтобы потом не пришлось причитать над трупиком малолетнего Охотника, сломавшего себе шею.

Все уставились на нее.

– Я имею в виду, чтобы избежать подобной невыносимой трагедии, – поправилась Катарина и широко улыбнулась. – Может быть, кто-нибудь из девушек покажет Саймону его комнату?

Она явно старалась избавиться от Саймона. Все-таки он ей не нравится. Неужто он и магу чем-то успел насолить?

Ректор несколько секунд не сводила с Катарины взгляда, потом опомнилась.

– Ах да, конечно. Жюли, можно тебя попросить? Отведи его в башню.

Брови девушки взметнулись.

– Точно?

– Да, точно. Первая комната, как войдешь в восточное крыло, – напряженным голосом повторила ректор и снова повернулась к Катарине. – Мисс Лосс, я снова выражаю вам искреннюю благодарность за визит. Вы действительно можете помочь нам справиться с некоторыми проблемами?

– Есть такая поговорка: чтобы убрать бардак за нефилимом, нужен кто-нибудь из нежити, – заметила та.

– Ни... никогда не слышала, – смутилась Вивиана.

– Очень странно, – голос Катарины становился тише – она уже направилась к зданию Академии. – А в Нижнем мире ее часто повторяют. Очень часто.

Саймон, оставленный на попечение Жюли Боваль, внимательнее присмотрелся к своей спутнице. Вторая девушка ему понравилась больше. Нет, Жюли очень симпатичная, но лицо, нос и рот – странно узкие, словно ее голову однажды взяли и сильно сжали.

– Саймон, верно? – спросила она, и ее узенький ротик показался ему еще уже. – Пойдем.

Она развернулась – резко, как сержант-инструктор на строевой подготовке. Саймон следом за ней переступил порог Академии и оказался в огромном зале со сводчатыми потолками. Здесь вовсю гуляло эхо. Задрав голову, он попытался разглядеть, чем вызван зеленоватый отсвет на потолке: это лучи солнца, проходящие через витраж, или просто мох, выросший на балках?

– Не отставай, – голос Жюли донесся откуда-то со стороны темного дверного проема, прячущегося в нише каменной стены. Всего Саймон насчитал шесть таких дверей. Владелица голоса уже исчезла, и пришлось нырять в темноту на ощупь.

За дверью его ждала еле освещенная каменная лестница, ведущая в такой же темный коридор. Со светом тут явно были проблемы: его давали крошечные окошки, вырезанные в толще стен. Саймон вспомнил, что читал про такие ок-

на-бойницы: в стрелка, прячущегося в ней, попасть снаружи практически невозможно, а сам он может спокойно стрелять по нападающим.

Жюли провела его по одному коридору, спустилась в другой по короткой лестнице, прошла по третьему и пересекла маленькую круглую комнату, за которой открылся очередной проход. Пялясь в темноту, чувствуя под пальцами гладкий камень, вдыхая странный запах, Саймон вышагивал по бесконечным коридорам и не мог отделаться от мысли, что попал не в нефилимскую Академию, а в какой-то некрополь.

– Значит, ты охотник на демонов, – перевесив сумку с одного плеча на другое, он догнал Жюли. – И на что это похоже – убивать всякую нечисть?

– Я – Сумеречный охотник. А ты здесь как раз для того, чтобы найти ответ на свой вопрос, – ответила девушка, остановившись перед одной из множества одинаковых дверей – из потемневшего от времени дуба, с чугунными петлями и ручкой в форме ангельского крыла. Столетиями к ней прикасались сотни рук, и теперь металл матово блестел, а некогда тщательно вырезанные перья стерлись почти до гладкости. Жюли открыла дверь.

За порогом оказалась маленькая комната с каменными, конечно же, стенами. Напротив двери – окно; сквозь запыленное стекло едва пробивается свет. Из мебели тут имелись только две узкие кровати с резными деревянными колоннами и огромный гардероб, кренящийся набок, словно ему от-

пилили одну из ножек. На кровати Саймон заметил раскрытый чемодан.

Что ж, похоже, скучать в одиночестве ему тут не придется: на табурете спиной к ним стоял незнакомец. Он медленно повернулся к вошедшим и теперь взирал на них сверху вниз, словно статуя на постаменте.

Да, именно на статую парень и походил больше всего – если только одеть ее в джинсы и красно-желтую рубашку поло. Черты лица – ровные, чистые, словно совсем недавно вышедшие из-под резца скульптора. Золотой летний загар, темно-карие глаза, вьющиеся русые волосы, свисающие до бровей. Широкие плечи, спортивный вид – точно так выглядели практически все Сумеречные охотники. Саймон уже начинал подозревать, что Ангел просто не выбрал бы себе в помощники астматика или человека, хоть раз в жизни получившего в лицо волейбольным мячом.

Парень улыбнулся, и на щеке появилась ямочка.

Саймон не считал себя знатоком мужской красоты. Но, услышав позади еле слышный звук, обернулся через плечо.

Жюли резко выдохнула и чуть подалась вперед, кажется, сама того не сознавая, – он ясно это видел.

Саймон закатил глаза. Похоже, нефилимы через одного – несостоявшиеся (а может, и состоявшиеся, кто их знает?) модели нижнего белья, включая его нового соседа. В таком случае над ним, Саймоном, жизнь определенно подшутила.

Жюли, видимо, интересовал исключительно чувак на та-

буретке. У Саймона на языке вертелась куча вопросов, от «кто это?» до «почему он на табуретке?», но вмешиваться в происходящее он точно не хотел.

– Спасибо, что заглянули, ребята. Только... без паники, – прошептал незнакомец.

Жюли попятилась.

– Что тут происходит? – спросил Саймон. – Когда мне говорят «только без паники», это, знаешь ли, как-то не располагает к спокойствию. Давай конкретнее.

– Окей. Сейчас сами поймете, – у нового соседа слышался легкий акцент – он слишком четко выговаривал отдельные звуки. Саймон был практически уверен, что тот родом из Шотландии. – В общем, я думаю, что в гардеробе сидит демон-опоссум.

– Ради Ангела! – скривилась Жюли.

– Смешно, – заметил Саймон.

Из гардероба действительно доносились странные звуки: кто-то скребся, хрюкал и так жутко шипел, что волосы на затылке вставали дыбом.

Молнией метнувшись к свободной кровати, Жюли с изяществом Сумеречного охотника нырнула под одеяло. Саймон предположил, что кровать эта – его. Ну надо же, он тут всего пару минут, а девушки уже сами к нему в постель прыгают. Какой волнующий факт для будущей автобиографии.

Если забыть о том, что девушки просто спасаются от демонических грызунов.

– Саймон, сделай что-нибудь!

– Да, Саймон... Значит, ты – Саймон? Привет, Саймон. Да, так вот, сделай, пожалуйста, что-нибудь с демоном-опоссумом, – поддержал беседу парень на табуретке.

– Никакой это не демон.

Впрочем, до конца Саймон в этом уверен не был. Звуки из гардероба доносились действительно не совсем обычные, словно там ворочался кто-то огромный и опасный.

– Я родилась в Городе Стекла, – заявила Жюли. – Я Сумеречный охотник и могу справиться почти с любым демоном. Но я росла в приличном доме, где не водилось никакой дикой фауны!

– Ну а я из Бруклина, – отозвался Саймон. – И можно сколько угодно поливать мой город грязью и называть его вонючей кучей мусора с хорошей музыкой или чем хотите, но в чем в чем, а в грызунах я разбираюсь. Кроме того, кажется, я и сам успел побыть грызуном, но это было давно и неправда, я об этом не помню и обсуждать не хочу. Так что, думаю, с опоссумом я как-нибудь справлюсь... если он не демон, конечно.

– Я его видел, а ты – нет! – сказал парень с табуретки. – Говорю тебе, он как-то подозрительно огромный. *Дьявольски* огромный.

Из гардероба снова донеслись шелест и угрожающее сопение. Саймон принялся изучать чемодан, валяющийся на кровати. Куча рубашек поло, а сверху...

– Это оружие? – спросила Жюли.

– Увы, – отозвался Саймон. – Это теннисная ракетка.

Да уж, у нефилимов просто куча времени остается, чтобы заниматься внеклассной работой.

Ракетка – это, конечно, не пистолет и не кинжал, но лучше так, чем с голыми руками. Вернувшись к гардеробу, Саймон распахнул дверцу.

В темной глубине, среди изгрызенных щепок притаился опоссум. Красные глазки зверька сияли яростью, пасть открылась, издав жуткое шипение.

– Какая гадость, – пробормотала Жюли. – Убей его, Саймон.

А парень с табуретки заявил на полном серьезе:

– Саймон, ты наша единственная надежда!

Опоссум дернулся вперед, как будто собираясь напасть. Ракетка хлопнула по тому месту, где зверек был мгновение назад. Зашипев, опоссум кинулся в другую сторону. Саймону в голову пришла дикая идея – что хитрый грызун его обманывает, заставляя впустую хлопать ракеткой.

В следующую секунду опоссум вырвался из гардероба, пробежав между ног своего потенциального убийцы.

С боевым кличем, больше смахивающим на банальный визг, Саймон отпрыгнул назад, едва не споткнувшись, и принялся беспорядочно молотить ракеткой по каменным плитам пола, целясь в опоссума, но неизменно промахиваясь. К визгу зверька присоединился визг Жюли. Саймон крутил-

ся, пытаюсь понять, куда забился грызун. Краем глаза уловив промельк чего-то пушистого, он повернулся в ту сторону.

Парень с табуретки – то ли от страха, то ли действительно стараясь помочь – вцепился Саймону в плечи и попытался развернуть в нужную сторону.

– Там! – крикнул парень ему прямо в ухо.

От неожиданности Саймон потерял равновесие и шагнул назад.

Под коленку уперся угол табуретки. Неустойчивая конструкция наклонилась, и новый сосед, пытаясь не свалиться, опять вцепился в плечи Саймона. У того уже кружилась голова, его шатало, и поэтому, увидев опоссума на собственной кроссовке, он сделал роковую ошибку.

Он врезал ракеткой себе самому по ноге.

Очень сильно.

Саймон, табуретка, парень с табуретки, ракетка – все рухнули на каменный пол. Опоссум выскочил в открытую дверь. Саймону даже почудилось, что напоследок зверек победно сверкнул красными глазками.

Разумеется, о погоне сейчас не могло быть и речи. Сперва предстояло разобраться в мешанине ног – человеческих и табуреточных – и понять, насколько сильно он приложился головой о деревянный столбик кровати.

Он попробовал сесть. Потер лоб. Голова закружилась, когда Жюли прыгнула с кровати – столбик зашатался от ее движения и снова задел уже ушибленное место.

– Так, парни, пойдү-ка я отсюда, пока эта зверюга не вернулась в гнездо, – возвестила девушка. – То есть, я хотела сказать, я вас тут пока оставляю... ненадолго. – Она остановилась в дверях, высматривая, не поджидает ли опоссум снаружи, прощбетала: «Пока-пока!» и унеслась прочь.

– Оу. – Саймон отказался от попыток сесть прямо и уронил голову на руки. Скривился. – И еще раз оу. Это... Это было...

Он обвел рукой табуретку, открытую дверь, раскуроченный гардероб и остановился на себе самом, лежащем поперек комнаты.

– Это было... – Саймон понял, что трясет головой и смеется, не в силах удержаться. – В общем, впечатляющая демонстрация возможностей трех великих недоохотников на демонов.

Парень, уже не на табуретке, удивленно глянул на него – без сомнения, он решил, что Саймон немного не в себе. А Саймон все никак не мог остановиться.

Любой из нью-йоркских нефилимов расправился бы с опоссумом, не моргнув глазом. Изабель просто оторвала бы зверьку голову своим хлыстом. А они тут верещат, разводят панику, прыгают по табуреткам, молотят ракетками по чему попало и не могут справиться с одним-единственным грызуном. И Саймон вместе со всеми.

Они просто нормальные, обычные дети.

От этой мысли он почувствовал такое облегчение, что го-

лова сразу же закружилась снова. Или это потому, что ей просто очень сильно досталось?

Саймон все еще смеялся, когда повернул голову и перехватил взгляд нового соседа.

– Как жалко, что наши преподаватели не видели этого захватывающего представления, – серьезно заметил тот. А в следующее мгновение тоже рассмеялся – звонко, заливисто, прикрывая рот рукой. От глаз его разбегались тонкие лучики морщинок. – Юные борцы с демонами вышли на охоту за опоссумом.

Кое-как пережив новый взрыв хохота, они наконец поднялись и познакомились по-человечески.

– Прости за это все. Не очень-то я умею с мелочью справляться. Демоны обычно ростом повыше, чем этот красноглазый гаденыш. Кстати, я – Джордж Лавлейс, – парень опустился на кровать рядом с раскрытым чемоданом.

Саймон уставился на собственный рюкзак, забитый прикольными футболками. Подозрительно покосился на гардероб, не зная, стоит ли доверять ему такое сокровище в свете последних событий.

– Значит, ты – Сумеречный охотник?

Он уже худо-бедно разбирался в типичных для нефилимов именах и с первого взгляда заподозрил, что его новый знакомец – один из них. Только раньше он по крайней мере надеялся, что Джордж – обычный, просто очень клевый парень. Сейчас же его надежды разбились в пух и прах – Сай-

мон прекрасно знал, как нефилимы относятся к простецам.

А как было бы хорошо учиться в Академии вместе с кем-то, кто вообще не в теме. Но, видимо, не судьба. Как было бы хорошо снова делить комнату с крутым соседом – типа Джордана, с которым он познакомился, когда стал вампиром. Правда, Саймон толком его не помнил, но хотя бы имя всплыло в памяти – уже хорошо.

– Ну да, я же Лавлейс, – ответил Джордж. – Мои предки были слишком ленивыми и в восемнадцатом веке бросили это дело, уехали из Глазго. Занялись кражами овец. Слава гремела на всю страну. А другая ветвь Лавлейсов порвала с Сумеречными охотниками в девятнадцатом веке. Кажется, одна из дочерей тогда все-таки вернулась, но вскоре погибла, и семья окончательно отказалась от Конклава. Время от времени нефилимы еще стучались к нам в двери, а мои храбрые предки только и знай твердили: «Нет уж, мы как-нибудь и с овцами проживем», – пока в конце концов Конклав не забил на Лавлейсов, потому что устал от их непроходимой лени. Так что сам видишь, мой род – это род лодырей и бездельников.

Джордж пожал плечами и махнул ракеткой, словно говоря: «Ну а я что тут могу поделать?» Струны на ракетке лопнули. Но она по-прежнему оставалась единственным их оружием на случай, если вредный грызун решит вернуться.

Саймон проверил телефон и даже не удивился. Ну естественно, какая тут может быть связь? Они же в Идрисе. Он

запихнул телефон обратно между футболками.

– Оставляю на память.

– Представляешь, я несколько недель назад вообще понятия обо всем этом не имел. Нефилимы снова нас нашли: пришли и заявили, что им нужны новые... э-э... охотники на демонов, чтобы бороться со злом, потому что очень многие пали на войне. Ну что я могу сказать? Эти ваши Сумеречные охотники действительно знают, как расположить к себе и добиться того, что им нужно.

– Им стоит напечатать побольше флаеров, – предложил Саймон, и Джордж усмехнулся, оценив шутку. – Они ведь вечно смотрятся так круто и носят исключительно черное. А на флаере пусть будет написано: «Готов стать круче всех?» Эх, надо мне связаться с их отделом маркетинга, я бы накидал им идей по вербовке новобранцев.

– Боюсь, это не поможет. Ты вообще знаешь, как нефилимы обращаются со всякой техникой типа ксерокса? Ответ: никак. К тому же, как оказалось, родители все время были в курсе, просто мне не сообщали. Ну действительно, зачем мне о такой мелочи говорить-то? Вешали лапшу на уши, что бабушка просто была не в себе, когда рассказывала о танцах с фейри. В общем, я, оказывается, столько всего не знал! В конце концов отец сказал, что бабушка и правда танцевала с фейри. А это как минимум значит, что фейри существуют. Правда, не знаю, как насчет бабушкиного любимого – десяти сантиметров росту по имени Колокольчик.

– Что-то сомнительно, – хмыкнул Саймон, перебирая в памяти все, что смог вспомнить о фейри. – Но я не так много всего знаю, чтобы сказать наверняка.

– Так, стало быть, ты из Нью-Йорка? – спросил Джордж. – Круто.

Саймон пожал плечами. Что тут скажешь? За всю свою жизнь он так свыкся с Нью-Йорком, а теперь, получается, родной город его предал – как и его собственная душа.

Еще и поэтому он так мучительно стремился оттуда смыться.

– А ты как обо всем узнал? У тебя открылось Зрение?

– Нет, – медленно ответил Саймон. – Нет, я самый обычный человек. Просто однажды моя лучшая подруга узнала, что она нефилим, а заодно и дочь самого главного здешнего злодея. И сестра другого главного здешнего злодея. В общем, с родственниками ей не повезло. Я, честно говоря, сам в этом запутался – просто всего не помню, потому что...

Он замолчал, пытаясь подобрать слова, чтобы объяснить причины своей амнезии. А то Джордж еще подумает, что у соседа те же проблемы, что и у его бабушки.

Лавлейс смотрел на него расширенными от удивления глазами.

– И тебя зовут Саймон, – выдохнул он. – Саймон *Льюис*.

– Точно, – подтвердил Саймон. – Эй, подожди. У меня что, на двери написано, кто здесь живет? Или я уже успел тут где-то засветиться?

– Вампир, – продолжал Джордж. – Лучший друг Мэри Моргенштерн!

– Вообще-то она Клэри, – поправил Саймон. – Ну... да. Хотя я предпочитаю считать себя бывшим вампиром.

Джордж не сводил с него взгляда, в котором скорее читалось восхищение, чем разочарование. Саймон чуть смутился. Никто еще не смотрел на него вот так – ни в старой жизни, ни в новой. Что ж, следует признать, это приятно.

– Ты не понимаешь. Я приперся в эту богом забытую замороженную дыру, заросшую мхом и кишашую наглыми грызунами, а вся Академия только что на ушах не стоит, обсуждая великих героев, которые не старше меня, но уже сражались в адских мирах. Кстати, тут, в этой вашей Академии, даже туалеты не работают.

– Туалеты не работают? Но... как же... Как же тогда...

Джордж хмыкнул.

– Воссоединяемся с природой, если ты понимаешь, о чем я.

Они глянули в окно.

Внизу темнел лес. За зелеными ромбовидными стеклами мягко колыхалась листва, колеблемая еле заметным ветром.

Саймон с Джорджем мрачно и печально переглянулись.

– Серьезно, о вас тут каждая собака на углах тявкает, – Лавлейс вернулся к более веселому предмету разговора. – Окей, о вас и о голубях, свивших гнезда в каминах. Вы же спасли мир. Или я ошибаюсь? А, ты же не помнишь ничего.

Как-то это странно.

– То, что я ничего не помню? Конечно, странно, кто бы спорил. Спасибо, кстати, что напомнил.

Джордж рассмеялся и швырнул ракетку на пол. Он не сводил с Саймона глаз, словно смотрел на что-то невиданное.

– Офигеть. Саймон Льюис. Нет, сюда точно стоило приехать – хотя бы для того, чтобы занять такого классного соседа.

Джордж отвел Саймона на обед, за что тот был очень ему благодарен.

Столовая практически ничем не отличалась от остальных помещений Академии – такая же квадратная комната с каменными стенами и полом, правда, малость побольше. И на одной из ее стен, над камином, висела огромная – тоже каменная – доска с изображением скрещенных мечей и девизом, настолько стершимся, что прочитывать его было невозможно.

Посреди зала стояло несколько круглых столов. Рядом – куча разномастных деревянных стульев. Да тут не отыщется и двух одинаковых предметов мебели! Саймон сразу же заподозрил, что для Академии нефилимы закупались на какой-нибудь гаражной распродаже.

За столами сидели ученики. Большинство – года на два младше его самого; попадались и совсем дети. Саймон занервничал: выходило, он тут один из старших. Но потом он

разглядел в толпе знакомые лица и перевел дух.

Беатрис, еще один незнакомый парень и узкилицая Жюли призывно махали им с Джорджем. Саймон до последнего надеялся, что энтузиазм девушек связан не с ним, а с красавчиком Лавлейсом, но надежды эти развеялись в пух и прах, стоило только сесть за стол.

Жюли сразу же наклонилась к нему.

– Не могу поверить: ты не сказал, что ты Саймон *Льюис*! – во всеуслышание заявила она. – Я думала, ты обычный простец.

Саймон немного отодвинулся.

– Я обычный простец.

Девушка рассмеялась.

– Ты знаешь, о чем я.

– Она о том, что мы все перед тобой в долгу, Саймон, – улыбнулась ему Беатрис Мендоса. Улыбка у нее была просто шикарная. – Мы об этом не забываем, поверь. Очень рада познакомиться. И рада, что ты здесь, с нами. Не будь здесь Джона, могли бы многое обсудить.

Парень, которого она назвала Джоном, с бицепсами величиной с голову Саймона, протянул руку. Выглядела она, конечно, устрашающе, но Саймон все-таки рискнул ее пожать.

– Джонатан Картрайт. Взаимно.

– Джонатан, – задумчиво повторил Саймон.

– Очень распространенное имя среди нефилимов, – заметил Джон. – После Джонатана Сумеречного...

– Да-да, я знаю, – перебил Саймон. – «Кодекс» у меня есть.

Клэри одолжила ему свою книгу, и в свободное время он развлекался тем, что читал пометки, оставленные в ней почти всеми обитателями Института. Так можно было кое-что узнать о каждом из них, не опасаясь, что ему укажут на очередные провалы в памяти.

– Просто... Я знаю несколько Джонатанов. Правда, не всех из них зовут так по-настоящему... то есть звали.

Да, не так уж много он помнит о брате Клэри. Но, по крайней мере, имя знает – а это уже кое-что. А все остальное даже вспоминать не хочется.

– А, да, Джонатан Эрондейл, – прогудел Джон. – Конечно, ты его знаешь. Мы с ним, типа, хорошие друзья. Научил его в свое время парочке трюков. Наверняка он с их помощью не одного демона завалил, да?

– Это ты про Джейса? – неуверенно уточнил Саймон.

– Ну естественно, – ответил здоровяк. – Он наверняка обо мне говорил.

– Что-то не припоминаю... Но у меня демоническая амнезия. Так что все может быть.

Джон кивнул, пожал плечами.

– Ну, он не мог не рассказывать, точно тебе говорю. Просто ты забыл из-за этой своей амнезии. Не хочу хвастать, но мы с Джейсом были довольно близки, да.

– Как бы я хотела быть поближе к Джейсу Эрондейлу, –

вздохнула Жюли. – Он просто ослепителен.

– Как солнце, что внезапно вышло из-за туч, когда на улице льет дождь, – мечтательно согласилась с ней Беатрис.

– А это еще кто? – Джон покосился на Джорджа, вольготно развалившегося в кресле и озирающего всю компанию с легким удивлением во взгляде.

– Ты про того, кого наши девочки сравнивают с солнцем? Или про меня? Если про меня, то я – Джордж Лавлейс, – отозвался он. – И я произношу свою фамилию, ничуть того не стыдясь, так как намерен защищать честь семьи до конца.

– Лавлейс? – переспросил Джон, хмуря брови. – Да, ты можешь сидеть с нами.

– Должен сказать, что до сих пор моей семье не очень-то удавалось завоевать себе славу, – заметил Джордж. – Сам не знаю почему. Нефилимы – они такие, поди их пойми.

– Кстати, о нефилимах, – встряла Жюли. – Ты ведь можешь тусоваться... то есть учиться вместе с обычными людьми.

– Чего-чего? – переспросил Саймон.

– В Академии есть два потока, – объяснила Беатрис. – Поток для простецов, где ученикам рассказывают все о нашем мире и дают минимально необходимую подготовку. И поток для детей Сумеречных охотников, где нас натаскивают по более серьезной программе.

Жюли скривила губки.

– Короче, Беатрис хотела сказать, что у нас тут, как и вез-

де, есть своя элита и есть отстой.

Саймон усталился на остальных нефилимов.

– Значит... Значит, я буду учиться на отстойном потоке?

– Нет! – рявкнул Джон, совершенно ошарашенный. – Об этом не может быть и речи.

– Но я простец, – повторил он.

– Ты не обычный простец, – вмешалась Жюли. – Ты исключительный. А значит, для тебя сделают исключение.

– Если кто попытается запихнуть тебя к простецам, будет иметь дело со мной, – высокомерно заявил Джон. – Ежу понятно, что друзья Джейса Эрондейла – мои друзья.

Жюли погладила Саймона по руке, и ему на мгновение показалось, что рука ему больше не принадлежит, что она чужая. Нет, учиться вместе с лузерами – это не клево, но и терпеть надутых выскочек – тоже удовольствия мало.

Он вспомнил – или показалось, что вспомнил, – обрывки разговоров, которые Изабель, Джейс и Алек вели о простецах. А ведь они далеко не такие снобы. Просто их так воспитали: на самом деле это была дурная привычка, не более того. Саймон в этом почти не сомневался.

Беатрис – девушка, которая сразу ему понравилась, – наклонилась и сказала:

– Поверь, ты более чем заслужил это место.

И застенчиво улыбнулась – так что Саймон просто не смог не улыбнуться в ответ.

– Стало быть... Я буду учиться на направлении для про-

стецов? – медленно проговорил Джордж. – Я же ничего не знаю ни о Сумеречных охотниках, ни о Нижнем мире, ни о демонах...

– Только не это, – возразил Джон. – Ты Лавлейс. Мигом со всем разберешься. Тебе даже учить ничего не надо – у тебя все в крови.

Джордж закусил губу.

– Ну, если ты так в этом уверен...

– Большинство студентов Академии – такие же, как ты, Джордж, – поспешила пояснить Беатрис. – Совсем новички. Сумеречные охотники рыщут по всему миру в поисках людей с кровью нефилимов.

– И эта самая кровь автоматически причисляет их к элите, – подытожил Лавлейс. – Кровь, а не знания.

– И совершенно справедливо, между прочим, – вмешалась Жюли. – Погляди на Саймона. Конечно, он должен учиться вместе с нефилимами. Он ведь доказал, что достоин этого.

– Ага. То есть, чтобы попасть в элиту, Саймону пришлось спасти мир, а нам, остальным, довольно и того, что у нас правильные фамилии? – как бы вскользь поинтересовался Джордж и подмигнул Саймону. – Да ты просто везунчик, дружище.

Над столом повисла напряженная тишина. Саймон готов был побиться об заклад: кому здесь хуже всего, так это ему, Саймону.

– Если кто-нибудь из нефилимов по крови себя опозорит, его отправляют в отстойный поток, – нарушила молчание Жюли. – Но... да, это направление – для простецов. Нефилимам там не место. Академия всегда так работала. Так же она будет работать и сейчас. Мы отбираем простецов – со Зрением или просто с хорошими физическими данными – и отправляем учиться в Академию. Для них это отличная возможность, шанс добиться гораздо большего, такого, о чем они и мечтать не могли. Но им не по плечу тягаться с настоящими Сумеречными охотниками. Да и несправедливо было бы ставить всех на одну доску. Не каждому суждено стать Саймоном.

– Некоторым не хватит способностей, – надменно заметил Джон. – Некоторые просто не переживут Восхождение.

Саймон открыл рот, но задать вопрос так и не успел. В столовой раздались одинокие аплодисменты.

– Мои дорогие ученики. Мои настоящие и будущие Сумеречные охотники, – ректор Пенхоллоу поднялась из своего кресла. – Добро пожаловать! Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников. Это огромная радость – видеть вас всех здесь, на официальном открытии нашей Академии, в которой вы, наше новое поколение, отныне будете учиться соблюдать закон, данный нам ангелом Разиэлем. Это большая честь для вас – быть избранным и переступить порог этого здания. Мы счастливы, что вы с нами.

Саймон огляделся. В столовой собралось человек двести,

и все кучками сгрудились вокруг столов. Он вновь отметил, что некоторые ученики – совсем юные, кое-кто даже не успел умыться и сверкал теперь чумазой физиономией. Глядя на них, Саймон снова задался вопросом, что же все-таки здесь за проблемы с водопроводом.

Особого благоговения на лицах тоже не заметно. Интересно, как нефилимы вербуют себе сторонников? Жюли только что разглагольствовала о благородстве Сумеречных охотников, которые предлагают простецам потрясающие возможности... но некоторым детям тут и двенадцати, кажется, нет! На что же должна быть похожа твоя жизнь, чтобы ты в двенадцать лет все бросил и пошел сражаться с демонами неизвестно ради чего?

– К сожалению, мы понесли невосполнимые потери среди наших преподавателей. Но я уверена, что мы справимся – ведь вас будут учить блестящие мастера своего дела, – продолжала Вивиана Пенхоллоу. – Позвольте представить вам Делани Скарсбери, инструктора по боевой подготовке.

Из кресла рядом с ней поднялся высокий мужчина. Бицепсы его были раза в два огромнее, чем у Джона Картрайта, а глаз закрывала черная повязка, живо напомнившая Саймону об одноглазом ангеле на витраже.

Саймон медленно повернулся к Джорджу, надеясь, что тот поймет, и одними губами произнес: «Не может быть».

Лавлейс, очевидно, испытывал те же чувства, потому что кивнул и точно так же ответил: «Сумеречный пират!»

– С нетерпением жду, когда же разотру вас в порошок, а потом слеплю из этого что-то похожее на настоящих свирепых вояк, – громогласно объявил Скарсбери.

Джордж с Саймоном снова переглянулись.

Раздались рыдания. Девчонка, сидевшая за столом позади Саймона, никак не могла сдержать слез. Сколько ей, тринадцать?

– И Катарину Лосс, почтенного мага, которая будет подавать вам всю богатую событиями историю славных Сумеречных охотников!

– Ура. – Катарина, сидевшая с другой стороны от ректора, едва пошевелила синими пальцами в знак приветствия.

Ректор невозмутимо продолжала:

– В прошлые годы, когда в Академии, как и сейчас, учились Сумеречные охотники из всех уголков планеты, каждый день на стол подавали какое-нибудь особенное, восхитительное национальное блюдо. И мы обязательно продолжим эту славную традицию! Но, к сожалению, кухня еще требует некоторого ремонта, поэтому сегодня на обед...

– Суп, – скучным голосом объявила Катарина. – Целые чаны густого коричневого супа. Приятного аппетита, дети.

Ректор захлопала в ладоши, но ее, как и в первый раз, никто не поддержал.

– Да, именно так. Приятного аппетита! И еще раз: добро пожаловать!

Действительно, на обед их не ждало ничего, кроме огром-

ных кастрюль, полных весьма сомнительного варева. Встав в очередь, Саймон с подозрением поглядел на маслянистую темную жидкость.

– А крокодилов там, случайно, не водится?

– Ничего не буду тебе обещать, – отозвалась Катарина, изучая собственную тарелку.

Той ночью, заползая в постель, Саймон чувствовал себя совершенно измотанным – и по-прежнему голодным. Чтобы отвлечься, он попытался вспомнить, когда же в последний раз, не считая сегодняшнего, в его кровати была девушка. Память поддавалась медленно и не до конца, словно полупрозрачное облако, которое вроде и не закрывает луну, но все равно не дает ничего разглядеть толком.

Саймон вспомнил, как они с Клэри дрыхли в одной кровати – совсем маленькими; он тогда надевал на ночь пижаму с грузовиками, она – с пони. Вспомнил, как поцеловал ее: на вкус Клэри – как свежий лимонад.

А потом пришло другое воспоминание. Изабель. Темные волосы разметались по подушке, горло доверчиво обнажено, ногти на пальцах ног царапают ему кожу – точь-в-точь любовная сцена из какого-нибудь вампирского фильма. Тот, другой Саймон был не только героем, но и сердцеедом. Ну, по крайней мере, куда в большей степени, чем сейчас.

Изабель. Губы сами собой сложились как нужно, произнесли имя – но услышала его только подушка. Саймон в очередной раз напомнил себе, что не собирался думать о девуш-

ке, когда окажется в Академии, – по крайней мере, пока не сможет стать лучше. Стать таким, каким она хочет его видеть.

Повернувшись на спину, он уставился на каменные плиты потолка.

– Не спится? – прошептал Джордж. – Мне тоже. Боюсь, вдруг опоссум вернется. Откуда он вообще тут взялся, Саймон? И куда убежал?

Ответ на вопрос о том, каким образом из них собираются делать Сумеречных охотников, Саймон получил уже наутро.

Первым делом Скарсбери обмерил их всех, чтобы подобрать подходящую форму. Попутно он отпускал неделикатные комментарии о телосложении своих учеников.

– У тебя такие узкие плечи, – глубокомысленно заметил он. – Как у девчонки.

– Я просто стройный и гибкий, – с достоинством парировал Саймон.

Джордж маялся от безделья, сидя на скамейке и выжидая, пока закончат измерять его соседа. Экипировка ему досталась без рукавов, и Жюли уже не преминула похлопать его по руке и похвалить форму – типа, сидит классно.

– Знаете что, – задумался Скарсбери. – У меня тут есть кое-что подходящее, но это женская фо...

– Отлично, – прошипел Саймон. – То есть это ужасно, конечно, но пойдет! Давайте уже ее сюда.

Скарсбери сунул в руки Саймону черный сверток.

– Думаю, будет как раз. Это для высокой девушки, – утешающе пробормотал он. То есть это он думал, что пробормотал; на самом деле его слова слышали все, кто был в зале.

Ученики заозирались, кое-кто уже откровенно на них пялился. Саймон с трудом подавил желание раскланяться – в шутку, конечно, – и потопал в раздевалку, чтобы переодеться.

Облачившись в форму Сумеречных охотников, студенты получили приказ вооружаться. Им, как и простецам, которые не могли наносить руны и пользоваться стилем – и кучей других побрякушек из арсенала охотников на демонов, – раздали человеческое оружие. Мимоходом объяснили, что нефилимам это нужно исключительно для расширения познаний. Саймон хмыкнул: вряд ли его собственные познания были толще палочки спагетти.

Ректор Пенхоллоу притащила огромные коробки, полные ножей всевозможных форм и размеров, – что как-то слабо вязалось с ее ученым видом, – и попросила каждого выбрать себе кинжал по вкусу.

Саймон вытащил свой практически не глядя и сразу же вернулся за парту.

Джон кивнул.

– Неплохо.

– Ага, – отозвался Саймон, вертя кинжал в руках. – Именно так я и думал. Неплохо. Очень острый.

Он воткнул кинжал в стол, и лезвие застряло в дереве. Пришлось повозиться, чтобы вытащить его из толстой дубовой доски.

Саймон думал, что тренировки – это не так страшно, как подготовка к ним.

Оказалось, он сильно ошибался.

Половину каждого учебного дня в Академии отдавали физической подготовке. Половину дня ученики проводили в спортзале. А точнее, в фехтовальной комнате.

Преподав основы боя на мечях, их разбили на пары. Саймона поставили с девушкой, которую он когда-то уже заметил в столовой. Это была та самая девчонка, которая разрыдалась от слов Скарсбери.

– Она с отстойного потока, но я так понимаю, ты не особо искусен в фехтовании, – заявил инструктор. – Если будет слишком легко – скажи.

Саймон уставился на Скарсбери. Он не мог поверить, что взрослый Сумеречный охотник назвал кого-то отстоем вот так вот запросто, практически в лицо.

Потом перевел взгляд на девушку. Темная головка наклонена, меч вспыхивает на свету в дрожащих руках.

– Привет. Я Саймон.

– Я знаю, кто ты, – пробормотала она.

Ого. Похоже, он, сам того не заметив, стал местной знаменитостью. Но, может, это нормально? Может, так всегда и

было, просто Саймон об этом не помнит? Если бы вернулась память, можно было бы по крайней мере знать, что он это заслужил, а не терзаться угрызениями совести, что на самом деле он этого недостоин.

– Как тебя зовут? – спросил Саймон.

– Марисоль, – неохотно ответила она. Руки девочки больше не тряслись – видимо, потому, что Скарсбери убрался подальше.

– Да не дрожи ты так, – ободряюще заметил он. – Я для тебя легкая добыча.

Она хмыкнула, сузила глаза. Похоже, плакать девчонка больше не собиралась.

Саймон не мог похвастаться большим опытом общения с людьми намного младше себя. Но они оба простецы, и он искренне сочувствовал этой девочке.

– Хорошо устроилась? Скучаешь по родителям?

– У меня нет родителей, – еле слышно, но твердо ответила она.

Саймон замер, как громом пораженный. Какой он идиот. А он еще гадал, с чего вдруг дети простецов могли согласиться сюда приехать – бросить семьи, родителей, наплевать на всю свою предыдущую жизнь.

А если бросать некого? Если нет ни семьи, ни родителей? Ведь приходила ему уже эта мысль в голову, а он, тупица, так заиклился на себе самом и на собственных воспоминаниях, что совершенно об этом забыл. У него, по крайней мере,

есть куда возвращаться, пусть даже это место сложно назвать идеальным. У него есть выбор. А у нее?

– Слушай, а что тебе сказали нефилимы, когда приглашали в Академию?

Марисоль уставилась на него – холодными и ясными глазами.

– Сказали, что я буду сражаться.

Сколько себя помнила, она занималась фехтованием, так что все было predetermined заранее. Девчонка налетела на него, словно крошечный сияющий вихрь сразу из нескольких мечей – хотя в руках у нее был только один. Ловко подбив Саймона лезвием под колени, она свалила его на пол и оставила там глотать пыль. Вдобавок он, падая, саданул себя по ноге собственным мечом – но из-за этого даже расстраиваться не стоило.

– Хорош с легкотней маяться. – Джон, проходя мимо, помог Саймону встать. – Отстой не учится, если только его не учат, ты же знаешь.

Голос Картрайта звучал мягко, но взгляд, который он бросил на Марисоль, ничего хорошего девочке не сулил.

– Оставь ее в покое, – пробормотал Саймон. Но сказать, что Марисоль побила его совершенно справедливо, он уже не смог – духу не хватило. Все ведь думают, что он герой.

Джон ухмыльнулся и отошел.

Девочка уставилась на свои ботинки.

Саймон разглядывал ноющую рану на ноге.

Нет, далеко не все так уж ужасно. Многое из того, чем они занимались каждый день, не требовало каких-то особых навыков. Например, бег. Но поскольку соревноваться ему приходилось с людьми, гораздо лучше физически подготовленными, чем он сам, в голове все время всплывали воспоминания о тех временах, когда легкие не разрывались от недостатка воздуха, а сердце не колотилось как сумасшедшее от любого перенапряжения. Тогда он порвал бы тут любого одним пальцем. Тогда он был быстрым – быстрее любого из учеников Академии, – холодным, сильным хищником.

И мертвым, напомнил Саймон сам себе, в очередной раз плетясь позади всех. Нет, мертвым ему быть точно не хотелось.

Бегать лучше, чем ездить верхом. Он понял это в пятницу, когда всех отправили на верховую прогулку. Причем поначалу Саймон искренне считал, что это должно быть здорово.

Во всяком случае, остальные определенно получали удовольствие. Верховой ездой занимались только на элитном потоке, и в перерыве, поглощая все тот же ужасный суп, они вовсю подшучивали над отстоем. Казалось, это даже примирило Жюли и Джона с недостатком разнообразия на столе.

С трудом удерживаясь на спине огромного животного, которое косило глаза и то и дело пыталось изобразить ногами чечетку, Саймон все больше убеждался, что езда верхом – это удовольствие на любителя. Простецы между тем изучали историю Сумеречных охотников, и Джон заверил Саймона,

что урок этот – скучнее не придумаешь. Но сейчас Саймон охотно согласился бы немного поскучать.

– Сай, – позвал Джордж. – Маленькая подсказка. Если не хочешь врезаться в дерево, лучше держать глаза открытыми.

– Мой последний урок верховой езды проходил на карусели в Центральном парке, – выдохнул Саймон.

Сам-то Джордж прекрасно держался в седле, что уже успели заметить девчонки. Казалось, конь и всадник движутся как единое целое. Животное легко и изящно отвечало на малейшее движение Лавлейса, и солнечный свет играл в гриве одного и в непокорных вихрах другого. Джордж словно сошел с экрана какого-нибудь фильма о средневековых рыцарях.

Саймон еще помнил книги о волшебных лошадях, которые читают все мысли своих всадников, – о конях, рожденных Северным ветром. Если ты волшебный воин, тебе просто необходим благородный скакун. Так вот у Джорджа с этим явно нет никаких проблем.

А Саймону, похоже, достался конь-садист. Иначе, если он читает все мысли всадника, зачем поперся куда-то в самую чашу, не обращая внимания на мольбы, угрозы и уговоры? Руки бы оторвать тому, кто решил, что он справится с этой зверюгой.

Только когда под вечер стало холодать, конь решил, что пора ему возвращаться в теплую конюшню. На подходе к Академии Саймон скатился с лошади и побрел в вестибюль,

не чувствую от холода ни ног, ни рук.

– Ага, вернулся все-таки, – прогудел Скарсбери. – А то Лавлейс уже хотел собрать для тебя поисковую группу.

– Ага, – криво ухмыльнулся Саймон. – Но тут кто-то сказал, типа: «Да не, оставим его там одного, пускай характер закаляет». Угадал?

– Честно говоря, меня не особо волновало, удастся ли медведям сожрать тебя на ужин. – Скарсбери вообще, казалось, ничего никогда не волнует.

– Ну еще бы вас это волновало. Вы же...

– У тебя был кинжал, – походя добавил инструктор и пошел прочь, не обращая внимания на вопли Саймона.

– Кинжал? Вы что, шутите? Предлагаете мне завалить медведя одним кинжалом? Как в каком-нибудь дешевом фильме? В этом лесу действительно водятся медведи? Эй, вы! Вы же учитель! Это же ваша ответственность! Это вы должны предупредить меня, что в здешних лесах есть медведи!

– Увидимся завтра на метании, Льюис. – Скарсбери исчез наверху лестницы, даже не оглянувшись.

– В лесу водятся медведи? – сам себя спросил Саймон. – Ну простой же вопрос. Почему Сумеречные охотники не умеют отвечать на самые простые вопросы?

Дни слились в одно бесконечное пятно. Саймон все время был чем-то занят. Если не метал в цель ножи и копья, то со-

бирал тумачи на тренировках по боксу (Джордж потом извинялся, но что толку). Если не отрабатывал технику владения кинжалом, то фехтовал до посинения, неизменно сдаваясь на милость куда более искусным, чем он, Сумеречным охотникам. Если не бегал с мечом, то носился по полосе препятствий – в конце концов эта полоса надоела ему до зубовно-го скрежета, и он даже с Джорджем отказался ее обсуждать. Хорошо хоть, Джон с Жюли все меньше позволяли себе шутить за обедом по поводу простецов.

На очередном занятии по метанию, когда Саймон уже ошалел от количества острых предметов, посланных им в цель, но так в нее и не попавших, Скарсбери раздал им луки.

– Я хочу, чтобы каждый из вас по очереди попробовал выбить мишень, – сказал он. – И надеюсь, что Льюис не застрелит ненароком кого-нибудь из своих коллег.

Саймон взвесил лук в руке. Отлично сбалансирован, в меру тяжелый, но управляться с ним должно быть легко. Он наложил стрелу и почувствовал упругое напряжение тетивы, готовой вот-вот освободиться и устремиться к цели.

Он отвел локоть, сильнее натягивая тетиву. Вот оно, «яблочко». Есть! Он выстрелил еще и еще раз; стрелы неизменно ложились именно туда, куда и планировалось. Руки горели, сердце от счастья колотилось, словно у бегуна на стометровке. Саймон радовался как ребенок, ощущая, что мышцы вновь ему подчиняются. Он снова чувствовал себя живым!

Саймон опустил лук. Остальные не сводили с него глаз.

– А повторить сможешь? – то ли спросил, то ли скомандовал Скарсбери.

Он учился стрелять в летнем лагере, но стоя здесь, с луком в руках, словно бы вспомнил что-то еще, давно забытое. Дыхание участилось, сердце колотилось уже где-то в ушах, нефилимы не сводили с него глаз. Он все еще обычный человек, простец, представитель расы, которую все они презирают. Но он здесь, среди них, потому что убил демона. Саймон вспомнил: тогда он просто сделал то, что должен был сделать. Как и сейчас.

Тот Саймон и этот Саймон – не такие уж они на самом деле и разные.

Улыбка сама собой растянула губы чуть ли не от уха до уха.

– Ага. Думаю, что смогу.

За обедом Джон с Жюли внезапно стали куда общительнее, чем в последние несколько дней. Саймон рассказал им, как убивал демона, – все, что вспомнил. Картрайт великодушно предложил научить его парочке фехтовальных приемов.

– А я бы с радостью послушала еще что-нибудь о ваших приключениях, – размечталась Жюли. – Все, что вспомнишь. Особенно если это касается Джейса Эрондейла. Ты, случайно, не знаешь, откуда у него этот сексуальный шрам на шее?

– Э-э... Вообще-то... Вообще-то знаю. Это всё... это всё

я.

Сумеречные охотники перестали жевать.

– Пришлось его укусить. Так, чуть-чуть. Я и распробовать-то толком не успел.

Повисла задумчивая пауза. Наконец Жюли опомнилась:

– Ну и как он, вкусный? Потому что выглядит Джейс вполне... м-м... аппетитно.

– Ну... Он же не пакет с соком.

Беатрис утвердительно кивнула. Кажется, девушек эта тема не на шутку заинтересовала. Как-то даже слишком. Вон, даже глаза разгорелись.

– Слушай, а как ты это сделал? Сначала вот так вот медленно добрался до шеи, а потом опустил голову и вонзился прямо в нежную, пульсирующую кожу?

– А ты лизал его горло или сразу укусил? А бицепсы его почувствовал? – Жюли смущенно пожала плечами. – Нет, ну а что такого? Мне просто любопытны все эти... вампирские штучки.

– Я прямо представляю себе такого мягкого и одновременно властного Саймона в этот волнительный момент, – мечтательно протянула Беатрис. – Ну... то есть он же был волнительным, правда?

– Нет! – рявкнул Саймон. – И хватит об этом. Я кусал нескольких Сумеречных охотников. Изабель Лайтвуд. Алека Лайтвуда. Так что ничего волнительного с Джейсом тогда не произошло, уж поверьте!

– Ты кусал Изабель и Алека Лайтвудов? – Жюли, похоже, была совершенно ошарашена. – А Лайтвуды-то тебе что сделали?

– Офигеть, – заметил Джордж. – Нет, я, конечно, могу представить, что страшные, смертельно опасные демоны – это вам не фунт изюму, но пока что твои приключения выглядят как безостановочное ням-ням-ням...

– Все было совсем не так!

– А нельзя ли как-нибудь сменить тему? – резким, неприятным голосом вмешался Джон. – Уверен, что вы там все делали то, что должны были делать, но Сумеречный охотник в роли кормушки для нежити – это омерзительно.

Саймону не понравилось, как Картрайт это сказал: как будто слова «нежить» и «омерзительно» означали для него практически одно и то же. Впрочем, может быть, он просто досадует, что вообще ввязался в дискуссию. Неудивительно: Саймон помнил, как сам тогда места себе не находил. И уж тем более не желал превращать друзей в добычу.

День прошел на удивление неплохо. Не хотелось ничего рушить, пусть все идет как должно идти. Саймон определенно чувствовал себя намного лучше...

...до той минуты, когда он проснулся посреди ночи, беспомощно барахтаясь под напором воспоминаний, обрушившихся на него, как многотонный водопад.

Саймон и прежде помнил своего бывшего соседа по комнате. Помнил, что они были друзьями. Звали парня Джор-

даном. И этого Джордана убили. Вот только память до сих пор молчала о чувствах, которые он тогда испытывал. Как-то это было – когда мать выгнала Саймона из дому и Джордан пригласил его пожить. Когда они разговаривали о Майе. Когда, болтая с ним, заливисто смеялась Клэри, – неудивительно, Джордан отлично умел нравиться девчонкам. Когда он, неизменно добрый и терпеливый, возился с ним, словно Саймон был не надоедливый вампиром, а работой, за которую платят большие деньги.

Он вспомнил, как Джейс с Джорданом рычали друг на друга, а через пять минут уже резались в «иксбокс». Как Джордан нашел его, Саймона, когда он пытался уснуть на жестком полу гаража. С каким неизбывным сожалением и вечной виной во взгляде он смотрел на Майю.

А еще Саймон помнил, как держал в руках его кулон с надписью «Praetor Lupus» – там, в Идрисе, когда Джордана уже было не вернуть. С тех пор он не раз сжимал в кулаке тяжелый кусок металла, пытаясь вернуть воспоминания и спрашивая себя снова и снова, что означает этот латинский девиз.

Саймон знал, что Джордан был его соседом по комнате. А потом пал одной из многочисленных жертв войны.

Но не понимал, что все это значит. Просто не мог почувствовать.

До сегодняшней ночи.

Воспоминания ударили так мощно, что на мгновение ста-

ло невозможно дышать, словно все камни Академии разом обрушились ему на грудь. Саймон выпутался из простыней, свесил ноги на край кровати и с облегчением почувствовал под ступнями остужающий холод каменного пола.

– Что... что такое? – пробормотал Джордж. – Оппоссум вернулся?

– Джордан мертв, – отстраненным, бесцветным голосом ответил Саймон. И спрятал лицо в ладонях.

Воцарилась тишина.

Джордж не спрашивал его ни о чем. Ни кто такой Джордан, ни зачем ради него посреди ночи вскакивать с кровати. Вряд ли Саймон бы смог объяснить ему тот клубок из горя, вины и бог знает каких еще чувств, которые терзали сейчас его грудь; как он ненавидит себя за то, что забыл Джордана, хотя все равно не смог бы ничем помочь; как он себя чувствовал, когда впервые понял, что Джордан погиб, – и когда снова и снова об этом вспоминал, бередя старую рану. Рот наполнился горечью, словно Саймон нахлебался старой-старой, древней крови.

Джордж потянулся и сжал его плечо, но руку убирать не спешил. Теплая и сильная, она стала якорем, наконец вытащившим Саймона из холодных, мрачных глубин собственной памяти.

– Мне очень жаль, – прошептал Джордж.

Саймону тоже было очень жаль.

Назавтра на обед снова был суп. Как и всегда. Утром, днем и вечером им дают все время одно и то же. Саймон уже не мог припомнить, как он раньше жил без этого восхитительного блюда, и потерял надежду когда-нибудь оказаться в мире без супа. Впору задуматься, есть ли у Сумеречных охотников руна, защищающая от цинги.

Они, как обычно, сидели вокруг уже ставшего родным стола и болтали, когда Джон вдруг заявил:

– Как бы я хотел, чтобы борьбу с демонами нам преподавал кто-то, кто выше всех этих дурацких правил. Если вы понимаете, о чем я.

– Э-э... – Саймон не скрывал изумления. Он в основном просиживал уроки охоты на демонов в уголке и испытывал невероятное облегчение, что его никто не просит ничего делать. – А разве нам плохо преподают... борьбу с демонами?

– Ты в курсе, что я имею в виду, – ответил Джон. – Мы должны изучать и знать прежние преступления нежити. Магов, например. Мы должны бороться с Нижним миром. Так же, как и с демонами. Наивно предполагать, что мы их всех вот так вот взяли – и разом приручили.

– Значит, нежити, – повторил Саймон. Суп у него во рту словно превратился в пепел – неужто рецепт поменялся? – Например, вампиров.

– Нет, – перебила Жюли. – Вампиры – это круто. Знаешь, у них есть... как это... стиль. По сравнению с остальной нежитью. Но вот, например, оборотни – дело другое. Сай-

мон, ты же должен признать – это совсем не такие люди, с которыми нам по пути. Если их вообще можно назвать людьми.

При слове «оборотни» Саймон не смог удержаться от мыслей о Джордане. Вздрогнув, как от удара, он понял, что больше ни секунды не выдержит. Оттолкнул тарелку с супом и отодвинул стул.

– Не рассказывай мне, что я должен и чего не должен, Жюли, – рявкнул он. – Да будет вам известно, что каждый оборотень стоит больше, чем тысяча таких задниц, как ты и Джон. Я сыт по горло вашими вечными издевательствами над простецами и напоминаниями, что «нет, Саймон, ты не такой, как они, ты особенный». Я вам что, домашний любимец? А даже если и так – на черта мне такие хозяева, которые измываются над всяким, кто моложе и слабее? И еще: я надеюсь, что Академия так-таки выполнит то, для чего предназначена, и простецы вроде меня переживут Восхождение. Потому что такими темпами без нас следующего поколения Сумеречных охотников может уже и не быть.

Он глянул в сторону Джорджа. Обычно тот сразу же подхватывал шутку и вообще был на одной волне с Саймоном – и за едой, и на занятиях. Соглашался с ним во всем.

Но сейчас он сидел, уставившись в тарелку.

– Да ладно тебе, – наконец пробормотал Лавлейс. – Хорош. Не... не надо. А то тебя отсюда вышвырнут. Просто сядь, мы все извинимся, и все станет как прежде.

Саймон глубоко вздохнул, унимая обиду и разочарование,

и сказал:

– Я не хочу, чтобы все становилось как прежде. Я хочу, чтобы все изменилось.

Он отвернулся от стола – от всех нефилимов, – твердыми шагами прошел прямо к тому месту, где сидели ректор со Скарсбери, и объявил во весь голос:

– Ректор Пенхоллоу, я желаю перейти на поток для простецов.

– Чего? – переспросил инструктор. – В отстой?

Ректор с плеском уронила ложку в тарелку.

– Это называется курс для простецов, мистер Скарсбери! Будьте так любезны, не оскорбляйте наших учеников! Саймон, спасибо, что пришел с этим ко мне, – чуть поколебавшись, заявила Вивиана Пенхоллоу. – Понимаю, что тебе нелегко дается программа, но...

– Не то чтобы мне было нелегко, – поправил ее Саймон. – Скорее, я не хочу связываться с нефилимской элитой. Просто считаю, что мне с ними... э-э... не по пути.

Его голос, казалось, долетел до самых верхних замшелых балок потолка. Теперь на Саймона пялились все, кто был в столовой. В том числе и Марисоль, взиравшая на него полудивленно-полузадумчиво. Но никто не произнес ни слова. Все таращились на него молча.

– Что ж, я сказал все, что хотел сказать, мне стыдно, и я пошел к себе, – закончил Саймон и поспешил исчезнуть, пока никто не опомнился.

И чуть не впечатался в Катарину Лосс – та наблюдала за происходящим, подпирая плечом косяк двери.

– Простите, – пробормотал Саймон.

– Ничего, – отозвалась маг. – Вообще-то я, наверное, пойду с тобой. Помогу собраться.

– Что? – переспросил Саймон, торопясь за длинноногой Катариной. – Значит, меня и правда вышвырнут?

– Ну, если это можно так назвать. Просто отстой живет в подвале, – объяснила она.

– То есть они запихнули маленьких детей в подземелье, и никому и в голову до сих пор не пришло, что это отвратительно?

– Серьезно, что ли? – весело отозвалась Катарина. – Еще ты мне будешь рассказывать, какие все Сумеречные охотники несправедливые. И не притворяйся, что для тебя это новость. А что касается подвала, то наши ангельские друзья утверждают, что в случае нападения подземелье будет легче защитить.

Она перешагнула через порог комнаты и оглянулась в поисках вещей Саймона.

– Я практически ничего не распаковал, – виновато потупился он. – Боялся опоссума в гардеробе.

– Боялся кого?

– Мы с Джорджем решили, что это тоже какая-то здешняя тайна, – искренне ответил Саймон, вытаскивая сумку и запихивая в нее раскиданные вокруг вещи. Форму он положил

первой, боясь, что забудет о ней.

– Так, хватит об опоссумах, – перебила Катарина. – Я хотела поговорить о другом. Знаешь, я... наверное, я неправильно тебя поняла.

Саймон удивленно моргнул.

– То есть?

Маг улыбнулась.

– Я не особо-то стремилась сюда попасть, даже в качестве преподавателя, сам понимаешь. Сумеречным охотникам и нежити вместе делать нечего, а я и вовсе старалась держаться от нефилимов как можно дальше – в отличие от остальных представителей моего рода. Но когда-то у меня был друг по имени Рагнор Фелл. Он жил в Идрисе и преподавал в Академии – несколько десятков лет, пока она не закрылась. Не могу сказать, что он был хорошего мнения о Сумеречных охотниках – но он любил это место. А недавно Рагнор... в общем, ушел навсегда. Я знала, что в Академии не хватает преподавателей, и хотела сделать что-то в память о нем – несмотря на то, что идея учить кучку зазнавшихся нефилимских щенков меня, мягко говоря, не привлекала. Но своего друга я любила сильнее, чем ненавижу Сумеречных охотников.

Саймон кивнул, думая о своих воспоминаниях. О Джордане. О том, как невыносимо тяжело было смотреть на Изабель с Клэри. Без памяти они все потеряны друг для друга. А кто по доброй воле согласится потерять того, кого любит?

– Так что, когда мы сюда попали, я была немного не в се-

бе, – продолжала Катарина. – И из-за тебя в том числе, потому что, как я знаю, ты не очень-то высокого мнения о тех временах, когда был вампиром. Но вот тебя исцелили, и ты – о чудо! – больше не вампир, и нефилимы тут же прибрали тебя к рукам. Ты достиг того, чего всегда хотел, – стал одним из них. От той поры, когда ты был одним из нас, уже почти ничего не осталось.

– Я не... – Саймон сглотнул. – Я ничего этого не помню. И временами чувствую себя так, словно на меня навесили преступления другого человека.

– И тебя это раздражает.

Он невесело рассмеялся.

– Вы даже не представляете насколько. Я не хочу... не хотел становиться вампиром. И не хотел бы снова им стать, честно. Остаться навсегда шестнадцатилетним, пока все друзья и родные будут расти и стариться без меня? Все время думать, как бы не причинить никому вред? Я ничего этого не хотел. Я не особо много помню, но того, что помню, вполне хватает. И я помню, каким я тогда был человеком. В сущности, я таким и остался. И превращение в Сумеречного охотника тоже ничего не изменит – если я вообще когда-нибудь им стану. Может, я и много чего забыл, но этого я не забуду никогда.

Саймон повесил сумку на плечо и жестом попросил Катарину отвести его в новую комнату. Она стала спускаться по истертым каменным ступеням, которые – он точно это знал

– вели в подвал. Неужели нефилимы и правда держат детей простецов в подземелье?

На лестнице было темно. Саймон оперся ладонью о стену, чтобы не потерять равновесие, и тут же отдернул руку.

– Ну и мерзость!

– Увы, большинство здешних стен – царство черной слизи, – притворно безразличным тоном заметила Катарина. – Будь осторожен.

– Спасибо за предупреждение.

– Не за что, – сдерживая смех, отозвалась она.

Саймону пришло в голову, что они с магом так мило общаются впервые с момента их знакомства.

– Ты сказал: «Если я вообще когда-нибудь стану Сумеречным охотником». Что, решил все бросить?

– После того как я уже измазался в здешней слизи? – пробормотал Саймон. – Ну уж нет. Я вообще не знаю, чего хочу. Но бросать Академию пока что не собираюсь.

Впрочем, когда Катарина открыла дверь, он понял, что готов передумать прямо сейчас.

Планировкой комната ничем не отличалась от прежней, хотя была гораздо темнее. Те же узкие кровати с деревянными витыми колоннами. А в углах – вязкие черные водопады отвратительной слизи.

– Я, конечно, толком ад не помню, – Саймон с ужасом осматривался. – Но, сдается мне, там было куда приятнее, чем здесь.

Рассмеявшись, Катарина наклонилась и чмокнула Саймона в щеку.

– Удачи, светолуб, – она хихикнула, увидев ошарашенное выражение его лица. – И что бы ни случилось, не вздумай пользоваться ванными на этом этаже. На остальных тоже не надо, но здесь – ни в коем случае!

Саймон даже не стал спрашивать почему – оторопел от испуга. Присев на кровать, тут же вскочил – мебель издала жуткий скрип и выплюнула целое облако пыли. Соседа у него здесь, видимо, не будет – придется бороться с клаустрофобией и слизью в гордом одиночестве.

Собрав мысли в кучу, Саймон сосредоточился на том, что нужно сделать прямо сейчас. Надо распаковать вещи.

Гардероб встретил его девственной пустотой и чистотой. Хоть на этом спасибо. Он был таким огромным, что Саймон спокойно мог бы поселиться внутри. *Ага, и спать в обнимку с футболками.*

Он уже почти все разложил и развесил, когда в комнату ввалился Джордж с ракеткой наперевес и чемоданом за спиной. Колесики скрипели по каменному полу.

– Привет, приятель.

– Привет, – осторожно отозвался Саймон. – А... э-э... какого че... что ты тут делаешь?

Джордж, не обращая внимания на плотный ковер из слизи, свалил свои вещи на пол и с разбегу запрыгнул на кровать. Та зловеще взвыла, но Лавлейс и ухом не повел. Разва-

лился на одеяле, свесив руки-ноги чуть не до полу.

– Как по мне, так продвинутый курс – он какой-то слишком сложный, – заявил он, увидев улыбку Саймона. – А я тебе, кажется, уже говорил: мы, Лавлейсы, – всем лентяям лентяи.

На следующий день занятий у Саймона было куда меньше. Так что они с Джорджем могли спокойно шататься по школе и сидеть вместе, а не за одним столом с тринадцатилетними простецами. Те и так весь день не давали им проходу – конечно, когда не шептались о своих телефонах.

А за обедом все оказалось куда круче.

На стул рядом с Саймоном шлепнулась Беатрис.

– Не, ты не думай, я не собираюсь бросать продвинутый курс, чтобы стать твоим верным последователем, как наш мистер Кудряшка, – она нежно дернула Джорджа за волосы, – но мы же можем остаться друзьями, правда?

– Эй, полегче, – устало отмахнулся Джордж. – Я в нашей милой слизистой комнатенке так и не смог заснуть. Мне кажется, там в стене кто-то живет. Я его слышу. Слышу, как он скребется там, внутри. А что до Саймона... Может, это не так уж и умно с моей стороны – решиться стать, как ты выражаешься, его верным последователем. Может, я вообще дурак. Может, неотразимая красота – это единственное мое достоинство.

– Вообще-то... я, конечно, не хочу торчать вместе с вами

на скучных уроках и терпеть насмешки одноклассников... но то, как ты всех уделал, Саймон, – это просто класс, – закончила Беатрис и улыбнулась – тепло и восхищенно. На фоне шоколадной кожи ослепительно сверкнули зубы. Пожалуй, это было лучшее, что Саймон сегодня видел.

– Вот именно. Дух наш крепок, чего не сказать о стенах этой хваленной школы. А интересные предметы у нас тоже есть, – добавил Джордж. – И это... ты не волнуйся, Сай: нас с тобой все равно будут посылать в мясорубки с демонами и преступниками из Нижнего мира. Так что от скуки не помрем.

Саймон подавился супом.

– Меня другое волнует. Неужели наши преподаватели собираются отправлять на битву с демонами недообученных и недовооруженных простецов?

– Простецов необходимо испытать на храбрость, прежде чем они будут допущены к Восхождению, – объяснила Беатрис. – Непригодных лучше отсеять сразу. Неважно, из-за чего они уйдут: просто испугаются или демон оттяпает им ногу. Важно то, что лучше уйти, чем погибнуть при Восхождении.

– Какая замечательная, жизнеутверждающая тема для застольной беседы, – саркастически заметил Саймон.

– Ну, лично я с нетерпением жду, когда же нас отправят в реальный бой, – сказал Джордж. – Кстати, слышал, завтра приезжает какой-то Сумеречный охотник – проведет ма-

стер-класс по использованию всякого разного оружия. Надеюсь, это будет захватывающее зрелище.

– Только не в спортзале, – предупредила Беатрис. – Прикинь, что боевой арбалет сделает со стенами?!

Предупреждение девушки еще звучало в ушах Саймона, когда он следующим утром входил в спортзал. Джордж наступал ему на пятки.

Ректор Пенхоллоу уже разливалась перед учениками соловьем. Она явно пребывала в хорошем настроении. Спортзал забился до отказа, яблоку негде упасть: собрались и нефилимы, и простецы.

– ...Несмотря на юные годы, эта Сумеречная охотница уже снискала себе славу и признание. Кроме того, она научит вас обращаться с нестандартными видами оружия, например с хлыстом. Итак, поприветствуем нашего приглашенного преподавателя, первого в этих стенах за много лет: Изабель Лайтвуд!

Изабель резко повернулась к ним. Волосы гладкой темной волной взметнулись вокруг плеч, юбка захлестнула стройные ноги. Она выбрала темно-сливовую помаду, так что губы ее казались почти черными. Глаза темнели на бескровном лице – тоже черные.

Нет, они не черные. Очередной нож воспоминаний вонзился в сердце – естественно, совершенно не вовремя. Память услужливо подкинула картинку: когда Изабель только-только открывает глаза, они кажутся темно-карими, дей-

ствительно практически черными. Но потом светлеют, приобретая мягкий оттенок благородного коричневого бархата...

Саймон споткнулся о ножку парты и с грохотом рухнул на стул.

Когда ректор наконец исчезла за дверью, Изабель несколько секунд разглядывала собравшихся в классе, даже не пытаясь скрыть презрение.

– Строго говоря, я здесь не за тем, чтобы показывать недоученным тупицам, за какой конец держать нож, – наконец процедила она и пошла вдоль парт, звонко постукивая шпильками по полу. – Хотите пользоваться хлыстом? Ну так тренируйтесь! А если случайно отхватите себе ухо, не рыдайте и не жалуйтесь.

Кое-кто из парней кивнул как замороженный. Да почти все они не сводили с Изабель загипнотизированного взгляда – словно кобры, пляшущие перед факиром. Многие девчонки тоже не отрывали от нее глаз.

– Я здесь для того, – девушка наконец перестала вышагивать и остановилась перед ними, грозно прищурившись, – чтобы разобраться со своей личной жизнью.

Саймон вытаращил глаза. Нет, она ведь не о нем говорит. Или о нем?

– Видите этого человека? – спросила она, ткнув пальцем в его сторону. *Значит, она все-таки обо мне.* – Это Саймон

Льюис, и он *мой парень*. Так что, если кто-нибудь тронет его пальцем из-за того, что он простец, или – не дай Ангел, конечно, – будет на нем виснуть, я приду за вами, найду вас, где бы вы ни прятались, и сотру в порошок.

– Не-не, мы с тобой как братья, – быстро повернул Джордж, пихнув Саймона локтем в бок.

Беатрис предпочла отодвинуться подальше.

Изабель опустила руку. Краска волнения сбежала с ее лица, как будто девушка действительно приехала лишь для того, чтобы это сказать. И как будто бы она лишь сейчас начала осознавать, что именно только что произнесла.

– У меня все, – объявила Изабель. – Спасибо за внимание. Можете быть свободны.

Она развернулась и вышла из класса.

– Мне надо... – Саймон поднялся на ноги и тут же вцепился в парту – его шатало. – Мне надо выйти.

– Да иди уже, ради бога, – съехидничал Джордж.

Выскочив за дверь, Саймон понесся по коридору Академии. Он знал, что Изабель ходит нечеловечески стремительно, поэтому бежал так быстро, как никогда не бегал даже на тренировках. И все равно догнал ее только в холле.

– Изабель!

Услышав его голос, девушка остановилась – прямо в пятне тусклого света, лившегося сквозь витражное окно над входом. Она ждала Саймона. Губы ее приоткрылись и блеснули, словно сладкие сливы, прибитые первым заморозком

и оттого ставшие лишь слаще. Саймон будто со стороны наблюдал, как подбегает к ней, подхватывает на руки и целует – зная, что именно ради этого, именно ради него приехала сюда эта смелая, блистательная девушка. Душа его пела, купаясь в водовороте любви и нежности... но все это он видел словно через запыленное стекло. Будто все это происходило в другом измерении и не с ним: видеть можно, а прикоснуться – никак.

Саймон почувствовал, как тело, от макушки до пяток, пронзает горячая ослепительная молния. Нет, он все-таки должен это сказать.

– Я не твой парень, Изабель.

Она побледнела – резко, словно разом лишилась всей крови. Саймона чуть самого удар не хватил, когда он понял весь ужас сказанного.

– В смысле... я не могу быть твоим парнем, – поправился он. – Я не он. Я не тот Саймон, который был твоим парнем. Тебе нужен он, а не я.

С языка чуть не сорвалось: *«И мне жаль, что я не могу им быть»*. Когда-то эти слова были правдой. Из-за них он и оказался в Академии – чтобы научиться быть тем парнем, возвращения которого ждали его друзья. Саймон действительно хотел быть героем, которым все восхищаются, как в книгах или в кино. И был уверен, что ему это нужно.

Вот только для того чтобы снова стать тем Саймоном, которого все ждут, пришлось бы стереть того Саймона, кото-

рый есть сейчас: нормального счастливого парня, любящего свою маму и не просыпающегося в самый глухой час ночи, чтобы снова и снова оплакивать погибших друзей.

А самое главное – Саймон не знал, сможет ли вообще стать тем, которого ждала Изабель. Независимо от того, хотел ли он сам этого или нет.

– Ты все помнишь, а я... я помню мало что, – продолжал Саймон. – Да, я причинил тебе боль, пусть и не нарочно... и я думал, что в Академии мне станет лучше. Но, кажется, это была плохая идея. Понимаешь, игра изменилась. И ее мне никогда не пройти, потому что уровень навыков уже не тот, а квесты стали на порядок слож...

– Саймон, – перебила Изабель, – ты разговариваешь как задрот.

Она произнесла это с такой любовью в голосе, что Саймон не выдержал и сорвался:

– И я понятия не имею, как снова стать для тебя тем же самым прилизанным и сексуальным вампиром по имени Саймон!

Прекрасный рот девушки искривился, словно темный месяц на бледном небосводе.

– Вот уж каким ты никогда не был, Саймон, так это прилизанным.

– Правда? Ну слава богу. Я просто знаю, что у тебя было много парней. Даже кто-то из фейри, если я ничего не путаю. И... – еще одна непрошенная вспышка памяти, – и лорд

Монтгомери? Ты встречалась с лордом? Ну и как же, интересно, я могу тягаться со всем этим гаремом?

Изабель по-прежнему смотрела на него влюбленными глазами, но было видно, что она начинает закипать.

– Лорд Монтгомери – это ты, Саймон!

– Не понял. Когда становишься вампиром, тебе еще и титул дают?

А кстати, почему бы и нет? Вампиры – они же такие аристократы...

Изабель раздраженно потерла лоб над бровью. Ее жест мог означать, что она просто устала от всего этого. Но глаза были закрыты, словно девушка даже не хотела на него смотреть.

– Это была шутка. Наша с тобой личная шутка.

Саймон тоже чувствовал, что его все достало. Бесило, что он так хорошо знает Изабель, даже цвет ее глаз. Мучило, что он не тот, кого она хочет видеть.

– Нет, – возразил он. – Твоя с ним личная шутка.

– Он – это ты, Саймон!

– Нет, я не он. Теперь я все понял и не знаю... не знаю, что дальше делать. Я думал, что смогу научиться быть тем, прежним Саймоном, но с тех пор, как попал в Академию, с каждым днем все больше понимал: нет, не смогу. Я никогда не смогу пережить заново все то, что было между нами. И никогда не смогу быть тем самым славным парнем, которого все знают как Саймона Льюиса. Я просто стану другим.

Другим Саймоном.

– А после Восхождения память вернется! – рывкнула Изабель. – И что тогда?

– До Восхождения мне еще минимум два года. Я как-то не расположен столько времени притворяться. И даже если память вернется, то... понимаешь, к тому моменту накопится столько новых впечатлений, что прежним я уже не стану все равно. Да и ты изменишься, Изабель. Ты в меня веришь. Я знаю об этом, потому что ты... ты всегда заботилась о том Саймоне. Мне... мне даже слов не хватает, чтобы все выразить. Но, Изабель... будет несправедливо, если я воспользуюсь твоей верой. И несправедливо заставлять тебя ждать того, кто никогда не вернется.

Девушка скрестила руки на груди, судорожно вцепилась пальцами в бархат темно-сливовой куртки, словно ей внезапно стало жарко.

– Вообще-то здесь все несправедливо. Несправедливо, что у тебя из души просто взяли и вырезали огромную часть. Несправедливо, что нас с тобой разлучили. И я очень из-за этого злюсь, имей в виду, Саймон.

Он сделал шаг и взял Изабель за руку. Мягко отвел ее пальцы от многострадальной куртки. Не обнял, но встал совсем рядом, держа ладони девушки в своих. Губы Изабель тряслись, ресницы сверкали – то ли от упрямо сдерживаемых слез, то ли от туши с блестками.

– Изабель, – пробормотал он. – Изабель.

Девушка прижималась к нему, такая настоящая и живая, а Саймон... Саймон даже понятия не имел, кто он на самом деле.

– Тебе вообще известно, почему ты здесь? – вдруг требовательно спросила она.

Он глянул ей в глаза. За этим вопросом могло стоять все что угодно – и ответить на него можно было как угодно.

– В смысле, в Академии, – уточнила Изабель. – Знаешь, с чего ты вдруг захотел стать Сумеречным охотником?

Саймон колебался, не зная, что ответить.

– Хотел стать прежним, – наконец выдавил он. – Тем героем, которого вы все помнили... А эта школа, кажется, как раз и учит быть героями, нет?

– Чушь, – отрезала девушка. – Академия – просто училище для Сумеречных охотников. Нет, это, конечно, крутое место, все дела, и я правда думаю, что спасти целый мир – это очень героический поступок, но... На свете есть и трусливые Сумеречные охотники, и злые Сумеречные охотники, и совершенно бесполезные Сумеречные охотники. И уж если ты решил окончить Академию, то должен хотя бы представлять, зачем тебе нужно стать одним из нас и что это для тебя значит, Саймон. Но если ты просто хочешь быть особенным, Академия – не то место, которое тебе нужно.

Он вздрогнул от безжалостной правды.

– Да, все верно. Я понятия не имею, что тебе ответить. Но я точно знаю, что хочу быть здесь. И точно знаю, что мне

нужно быть здесь. И если бы ты посмотрела на здешние ванны, ты бы поняла, что это решение далось мне совсем нелегко.

Изабель прожгла его испепеляющим взглядом.

– Но, – продолжал Саймон, – я не в курсе, зачем мне становиться Сумеречным охотником. Я не знаю – не помню – себя самого настолько, чтобы разобраться в этом. Я помню, что сказал тебе тогда. И я знаю, что ты надеялась услышать иное, – что я смогу вновь превратиться в того Саймона, которого ты знала. Но я ошибался. Прости меня.

– Простить? – заорала девушка. – Ты хоть представляешь, чего мне стоило припереться сюда и вот так вот выставить себя душой перед парочкой сотен недоразвитых кретинов? Ты знаешь... да нет, конечно, откуда тебе знать. Значит, не хочешь, чтобы я в тебя верила? Не хочешь, чтобы я тебя ждала?

Она вырвала руки из его ладоней и отвернулась – точно так же, как тогда, в саду Института. Только на этот раз, понял Саймон, это полностью его вина.

Изабель уже почти исчезла за дверью Академии, когда он услышал:

– Поступай как знаешь, Саймон Льюис. Меня это больше не касается.

Он не знал, как спастись от уныния. Казалось, после того как ушла Изабель – а точнее, после того как он ее выгнал, –

Саймону уже никогда не хватит сил слезть с кровати. Растянувшись поверх одеяла, он молча слушал болтовню Джорджа и отколупывал от стены гадкую слизь. Кусок чистой каменной кладки становился все больше.

Когда голос соседа по комнате окончательно его достал, Саймон все-таки нашел в себе силы подняться и спрятаться там, где, как он думал, его никому не придет в голову искать, – в ванной. Раковины были завалены битым камнем, в одной из кабинок виднелось что-то подозрительно темное. Он изо всех сил надеялся, что это остатки вылитого в канализацию супа, а не что-нибудь похуже.

Уединение в окружении унитазов продлилось ровно полчаса. Потом в дверь просунулась лохматая башка Джорджа.

– Эй, чувак, я бы не рискнул пользоваться здешними ванными. Еще больше расстроишься, поверь.

– Даже не собирался, – мрачно ответил Саймон. – Может, я и полный лузер, но пока что не идиот. Просто хочу побыть один и пострадать в свое удовольствие. Кстати, хочешь, открою тебе страшную тайну?

Лавлейс помолчал пару секунд.

– Только если ты сам этого хочешь. Иначе – нет, не надо. У каждого должны быть тайны.

– Я только что порвал с самой удивительной девушкой, которую когда-либо встречал. Просто потому что слишком тупой, чтобы разобраться в себе. Вот она, моя страшная тайна: я хочу быть героем, но я не герой. Все думают, я такой

крутой вояка, который на раз вызывает ангелов, спасает Сумеречных охотников и весь мир в придачу... а я даже не могу вспомнить, что тогда сделал. Не могу представить, как умудрился это сделать. Я никакой не особенный, а люди вокруг меня тоже не идиоты, водить их за нос долго не удастся. Я даже не знаю, зачем вообще приперся в эту дурацкую Академию. Вот как-то так. Ну что, хорошая тайна? Наверняка у тебя такой нет.

Со стороны кабинок донеслось утробное бульканье. Саймон даже головы не повернул. Источник странного звука его ничуть не заинтересовал.

– А я вообще не нефилим, – выпалил Джордж.

Сидение на холодном полу ванной как-то не способствовало большим откровениям. Саймон нахмурился.

– В смысле, ты не Лавлейс?

– Да нет, я Лавлейс, – обычно беззаботный голос Джорджа внезапно огрубел и посуровел. – Но я не нефилим. Я приемный ребенок. Сумеречные охотники, которые пришли к нам, об этом даже не подумали. Им не пришло в голову, что потомки ангелов могут усыновить ребенка простецов, дать ему обычное для Сумеречных охотников имя и воспитывать как родного сына. Я все время собирался сказать правду, но как-то не срослось. Потом решил, что расскажу все, когда приеду в Академию, – чтобы обратной дороги уже не было. А потом познакомился с другими учениками, да и занятия начались уже, и я понял, что вовсе не обязательно спешить и выбал-

тивать всем свою маленькую тайну. К тому же я видел, как они относятся к простецам. Ну и подумал, что вполне могу, никому ничего не говоря, попасть на элитный поток и учиться вместе с нефилимами. По крайней мере, какое-то время.

Джордж засунул руки в карманы и не сводил взгляда с каменных плиток под ногами.

– Потом я познакомился с тобой. И у тебя тоже не было никаких особенных талантов. Но, несмотря на это, ты уже умудрился сделать больше, чем все здешние зазнайки, вместе взятые. Ты не боялся проявлять характер – например, перешел к простецам, хотя вовсе не обязан был это делать. А следом за тобой и я. Да, я тоже сказал ректору, что я из простецов. Вот так мы снова оказались соседями. И всё благодаря тебе, понял? Так что хватит заниматься самобичеванием. Потому что я никогда не отправился бы в слизистый подвал или в такую же слизистую ванную следом за настоящим неудачником. А я – вот он, стою тут среди булькающих унитазов и болтаю с тобой. – Джордж помолчал и продолжил резким тоном: – Прости, кажется, последнее предложение мне говорить не стоило. Но я не знаю, чем его заменить, так что пускай все остается как есть.

– Неважно. Суть я уловил, – отозвался Саймон. – И... спасибо, что рассказал. Я с самого начала надеялся, что буду делить комнату с каким-нибудь клевым простецом.

– А хочешь узнать еще один секрет? – вдруг спросил Джордж.

Саймон кивнул, мимоходом подумав: а вдруг Джордж – чей-нибудь тайный агент? Может, не стоило так откровенничать?

– Все, кто учится в этой Академии, – нефилимы и простецы, Зрячие и нет, – каждый из нас надеется стать героем. Мы все на это рассчитываем, добиваемся этого и с радостью прольем ради этого кровь, если будет нужно. Ты точно такой же, как и мы, Сай. За исключением только одного: мы хотим стать героями, а ты точно знаешь, что уже им стал. Пусть даже это произошло в другой жизни... да хоть в другой вселенной! Что бы ты там себе ни думал, ты – герой. И снова им станешь, если потребуются. Может, все произойдет и не точно так же, как в прошлый раз, но в тебе самом уже есть все, чтобы сделать правильный выбор. Это очень трудно выдержать. Но это куда лучше, чем вечно терзаться неизвестностью, как мы, все остальные. Вот о чем тебе надо подумать, Саймон Льюис: о том, что на самом деле ты – настоящий везунчик.

Саймону эта идея ни разу не приходила в голову. Он почему-то представлял, что вот поворачивается какой-нибудь таинственный переключатель – и Саймон Льюис снова становится прежним Саймоном Льюисом, героем, спасшим весь мир от уничтожения. Изабель права: если он просто хочет быть особенным, Академия – не то место, которое ему нужно.

Саймон вспомнил, как впервые смотрел на это старинное

здание. Каким внушительным и прекрасным оно представлялось издалека и каким оказалось на самом деле.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что превращение в Сумеречного охотника чем-то похоже на тот злополучный спуск с холма к Академии. Раны от мечей напарников, убежавший конь, ужасный суп, даже слизь на стенах – все это приходится терпеть только лишь ради того, чтобы медленно, оступаясь и возвращаясь на каждом шагу, понять, кем же Саймон хочет стать на самом деле.

Джордж опрометчиво прислонился к стене ванной и ухмыльнулся. Эта ухмылка и то, что Лавлейс даже секунды не может побыть серьезным, напомнили Саймону кое-что еще из первого его дня в Академии.

Они напомнили о надежде.

– Кстати о везении. Изабель Лайтвуд – это отпад. Нет, не так. Она круче, чем просто отпад. Вот так просто пришла и заявила всему миру, что ты – ее парень! И я так понял, что никакой другой герой ей нафиг не сдался. Так что тебе и правда стоит задуматься, зачем ты здесь торчишь. Изабель Лайтвуд верит в тебя. И я тоже, если это для тебя хоть что-то значит.

Саймон уставился на Джорджа.

– Да, это очень много значит, – наконец пробормотал он. – Спасибо, что сказал мне все это.

– Да не за что. А теперь, ради всего святого, встань уже с пола, – попросил Лавлейс. – Тут, мягко говоря, не очень

чисто.

Поднявшись на ноги, Саймон двинулся следом за Джорджем и в дверях едва не столкнулся с Катариной Лосс, которая тащила за собой огромную кастрюлю, противно скрежещавшую по каменным плитам.

– Мисс Лосс, могу я спросить, что вы делаете? – он опешил от неожиданности.

– Ректор Пенхоллоу решила, что не стоит пополнять кладовые свежими запасами, пока у нас еще остается такой восхитительный, вкусный, питательный суп. Так что я иду избавляться от этого варева – куда-нибудь подальше в лес, – объяснила Катарина. – Хватайся-ка за вторую ручку.

– Отличный план, – хмыкнул Саймон. Они с магом кое-как уравнивали тяжеленную посудину между собой и направились к выходу. Джордж страховал их, то и дело поправляя грозившую перевернуться кастрюлю.

Потянулись длинные, продуваемые всеми мыслимыми и немыслимыми сквозняками коридоры Академии.

Саймон посмотрел на Катарину.

– У меня только один вопрос. Про здешний лес. И про медведей.

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан

Потерянный Эрондейл

Еще до приезда в Академию Саймон Льюис был на сто процентов убежден, что все физруки – демоны, сбежавшие из родных измерений, прижившиеся на Земле и больше всего на свете обожающие наблюдать за мучениями своих подопечных.

А теперь он получил тому доказательство.

Строго говоря, настоящего тренажерного зала в Академии не имелось. Да и Делани Скарсбери, инструктор по физической подготовке, был Сумеречным охотником, а значит, вряд ли мог оказаться демоном. Но его понятия об идеальной тренировке ушли не так уж далеко от демонических: например, выйти на охоту субботней ночью и отрезать пару-другую черепушек у какого-нибудь многоголового адского монстра. И в этом отношении он ровным счетом ничем не отличался от других физруков, с которыми Саймона за его недолгую, но бурную жизнь сводила судьба.

Саймон распластался на полу, не в силах больше отжаться ни одного раза.

– Льюис! – Скарсбери навис над ним. – Чего прохлаждаемся? Тебе что, отдельное приглашение нужно?

Ноги тренера по толщине могли бы спокойно поспорить с парочкой вековых деревьев. Бицепсы тоже не отставали. Пожалуй, только это и отличало его от школьных физруков,

большинство которых ничего тяжелее пакетика с чипсами поднять не могли.

Да, и еще: никто из знакомых Саймону учителей физкультуры не носил повязку на глазу и не таскал повсюду устрашающий ангельский меч, изрезанный рунами.

Но в остальном Скарсбери был точь-в-точь как остальные его, за неимением лучшего слова, коллеги.

– Все посмотрели на Льюиса! – рявкнул он, обращаясь к классу. Саймон с трудом приподнялся на локтях, изо всех сил стараясь снова не шлепнуться животом в пыль. – Наш герой даже с собственными ручками-макаронинками справиться не может.

Раздался одинокий смех – отчетливое хихиканье Джона Картрайта, старшего отпрыска выдающегося рода Сумеречных охотников (именно об этом он первым делом сообщал каждому новому знакомому). Парень верил, что рожден для славы и величия, и никак не мог смириться, что Саймон – убогий простец! – его обставил. Как будто Саймон мог что-то с этим поделать.

Именно Джон Картрайт первым стал называть его «наш герой». А Скарсбери тут же с упоением подхватил издевательства своего любимчика – как на его месте поступил бы любой физрук.

Все ученики Академии Сумеречных охотников делились на два потока. Первый предназначался для детей нефилимов, родившихся и выросших в Невидимом мире, – короче,

тех, кому на роду было написано сражаться с демонами. Второй – для невежественных простецов, которые, естественно, ни происхождением, ни талантами не могли сравниться с Сумеречными охотниками.

Обычно простецы до изнеможения дрались в спортзале, изучая основы боевых искусств, и усердно зубрили Ангельский Завет – главный закон нефилимов. Сумеречные охотники развлекались метанием сюрикэнов, изучением демонов и выжиганием на себе очередных рун Несносного Зазнайства и фиг их знает чего еще. (Саймон все еще надеялся, что где-нибудь в учебниках нефилимов сыщется и секрет исполнения мертвой вулканской хватки из «Звездного пути». Не зря же их преподы все время повторяют, что все сказки – на самом деле чистая правда.)

Но встречались оба потока ежедневно – по утрам, на восходе, на тренировочной площадке. Каждый ученик, вне зависимости от уровня своих умений, должен был целый час – дьявольски изматывающий час – потратить на физподготовку.

«Как учиться, так мы, типа, разные, – мрачно думал Саймон, чувствуя, что мышцы вот-вот откажут окончательно. – А как отжиматься, так всю школу сюда согнали».

Он вспомнил, как странно посмотрела на него мать, когда он заявил, что хочет поступить в военную академию, чтобы стать сильнее и закаленнее. (Не так странно, конечно, как если бы Саймон сказал, что хочет учиться в школе демонобор-

цев, чтобы испытать из Чаши Смерти, пережить Восхождение в ранг Сумеречного охотника и обрести все воспоминания, потерянные в адском измерении, – но очень близко к тому.) А ведь тот взгляд говорил: неужели мой сын, Саймон Льюис, хочет подписаться на жизнь, в которой придется отжиматься по сто раз перед завтраком?

Он точно знал, что означает этот взгляд – потому что хорошо понимал свою маму. И потому, что, справившись с изумлением, Элейн Льюис спросила:

– Неужели мой сын, Саймон Льюис, хочет подписаться на жизнь, в которой придется отжиматься по сто раз перед завтраком?

И поддразнивающе добавила что-то в духе «уж не одержим ли ты демонами войны?».

Саймон притворно хохотнул, с ужасом пытаясь не обращать внимания на проблески воспоминаний, тут же замелькавшие в мозгу, – воспоминаний из той, другой, *настоящей* жизни. Из той жизни, в которой он стал вампиром, а родная мать назвала сына чудовищем и забаррикадировалась от него в собственном доме.

Порой Саймон готов был сделать все что угодно, лишь бы вернуть утраченную память. Но в моменты, подобные этим, невольно задумывался, что о некоторых вещах лучше не вспоминать вообще никогда.

Рвение и придирчивость Скарсбери сделали бы честь любому армейскому сержанту. Он так заботился о своих под-

опечных, что заставлял их делать *двести* отжиманий каждое утро... хорошо хоть, не до, а после завтрака.

За отжиманиями – приседания. За приседаниями – прыжки. За прыжками...

– После тебя, наш герой, – ухмыльнулся Джон, приглашающе махнув в сторону скалодрома. – Если пустить тебя вперед, по крайней мере, не придется долго ждать, пока ты свалишься.

Сил не осталось даже на то, чтобы ответить ему что-нибудь ехидное. Саймон слишком вымотался. Одолеть эту стену – абсолютно невозможная задача. Поднявшись на пару метров, он остановился, чтобы дать ноющим мускулам хоть немного отдыха. Остальные ученики карабкались мимо, и ни один, похоже, даже не запыхался.

– Побудь героем, Саймон, – горько пробормотал он себе под нос, припоминая, как при их первой встрече Магнус Бейн соблазнительно описывал ему его будущую жизнь. – Рискни, Саймон. Саймон, как тебе идея превратить свою жизнь в бесконечный тренажерный зал?

– Эй, чувак, опять сам с собой треплешься? – на стене рядом замаячил Джордж Лавлейс, сосед Саймона по комнате и единственный его настоящий друг в Академии. – Совсем съехал, что ли?

– Я же сам с собой разговариваю, а не с маленькими зелеными человечками, – огрызнулся Саймон. – В последний раз проверял – вроде пока в своем уме.

– Вообще-то я имел в виду, – Джордж кивнул на потные пальцы друга, побледневшие от усилий, – что ты сейчас съедешь по стене.

– А-а. Да не, я норм. Вообще шикарно. Просто даю вам фору, ребята. В бою первыми гибнут краснорубашечники, типа того.

Джордж недоуменно нахмурился.

– Краснорубашечники? Наша форма вроде черная...

– Ты не понял. Краснорубашечники – это пушечное мясо. Да ладно, ты что, «Звездный путь» не смотрел?

Лавлейс таращился на него совершенно непонимающим взглядом. Саймон вздохнул. Может, Джордж и вырос в какой-то богом забытой шотландской дыре, но что такое интернет и кабельное, он вроде знает. Проблема, видимо, в том, что смотрел он один лишь футбол, а вай-фай ему нужен был, чтобы следить за успехами «Данди Юнайтед» да закупать корма для овец.

– Забей. Я в порядке. Увидимся наверху.

Джордж пожал плечами и полез дальше. Саймон проводил соседа взглядом. Загорелый, накачанный парень, словно сошедший с рекламного постера «Аберкромби энд Фитч», он ловко и без малейших усилий цеплялся за пластиковые захваты, вделанные в камень, – ни дать ни взять Человек-паук. Смешно. Джордж даже не настоящий Сумеречный охотник – по крайней мере, не по крови. Приемный сын нефилимов, но родом из простецов. Впрочем, в отличие от Саймо-

на и большей части остальных простецов, Лавлейс был само совершенство. Мускулистый до безобразия, с великолепной координацией, сильный и быстрый, он лишь самую чуточку не дотягивал до настоящего Сумеречного охотника – на ту самую чуточку, которую дает лишь бегущая по венам ангельская кровь. Короче говоря, спортсмен – он и есть спортсмен.

Жизни в Академии не доставало многих вещей. Саймон раньше думал, что никогда не сможет выжить без компьютеров, музыки, комиксов и «иксбокса». Но за последние два месяца как-то научился без них обходиться, хотя порой ему жутко хотелось занять голову хоть чем-нибудь.

Что ж, задротам-ботанам в Академии Сумеречных охотников не место.

Мама когда-то говорила: больше всего ей нравится в иудаизме то, что можно зайти в любую синагогу на планете и почувствовать себя там как дома – в Индии, в Бразилии, в Новой Зеландии, да хоть на Марсе (Саймон сразу вспомнил самодельный комикс «Шалом, космонавты!», который он собственноручно нарисовал в третьем классе еврейской школы). Евреи везде молятся на одном и том же языке, одними и теми же словами. Элейн Льюис (которая, кстати говоря, никогда не выезжала за пределы двух ближайших штатов) тогда сказала сыну: пока есть на свете люди, которые говорят на языке его души, он никогда не останется один.

И она оказалась права. Пока находились люди, которые говорили с Саймоном на одном языке – языке «Подземелий

и драконов» и World of Warcraft, языке «Звездного пути», и манги, и песен типа «Han Shot First» и «What the Frak», – он чувствовал себя среди друзей.

Но не здесь. Не среди Сумеречных охотников. Большинство из них наверняка думают, что манга – это просто какой-нибудь очередной кровожадный демон, мечтающий истребить человечество. Саймон изо всех сил пытался хоть как-то изменить эту ситуацию, но парни вроде Джорджа Лавлейса проявляли к двадцатигранным костям не больше интереса, чем он, Саймон, – к нагрузкам тяжелее прогулки и жевания жвачки.

Как Джон и предсказывал, Саймон оказался последним. Остальные уже добрались до верха, позвонили в колокольчик и спустились вниз по веревке, а он еще не одолел и десяти метров. В последний раз, когда такое случилось, Скарсбери усадил весь класс и заставил наблюдать, как Саймон корячится на стене. Но сегодня инструктор милостиво решил не длить пытку.

– Хватит! – Скарсбери хлопнул в ладоши, и Саймон невольно задумался, известно ли нефилимам о существовании свистков. Может, стоит подарить один Скарсбери на Рождество? – Льюис, прекратите всех нас мучить и спускайтесь уже оттуда. Остальные – марш в оружейную. Выбираем себе мечи и разбиваемся на пары. – Железная рука инструктора легла на плечо Саймона. – Не торопись, герой. Ты остаешься тут.

Саймон спросил сам себя: неужели наконец-то настал тот момент, когда убогое настоящее перевесило его героическое прошлое и его сейчас вышибут из Академии? Но Скарсбери назвал еще несколько имен – Лавлейс, Картрайт, Боваль, Мендоса, – и Саймон облегченно перевел дух. Все – лучшие ученики класса, почти все – Сумеречные охотники. Что бы Скарсбери ни собирался им сейчас сказать, плохое они вряд ли услышат. Иначе среди них не было бы Джона Картрайта, золотого медалиста по подлизыванию к учителям.

– Сядьте, – буркнул Скарсбери.

Все сели.

– Вы здесь потому, что вы – двадцать самых лучших учеников класса, – Скарсбери помолчал, чтобы дать им в полной мере оценить сделанный комплимент.

Почти все тут же расплылись в улыбках; Саймон пожелал себе провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Инструктору надо было бы сказать: «Девятнадцать самых лучших учеников класса и еще один, который пытается выехать на своих прежних заслугах». Саймон снова почувствовал себя восьмилетним – именно тогда он подслушал, как мать уговаривает тренера Малой лиги поставить ее сына быющим.

– У нас тут есть один обитатель Нижнего мира, который нарушил Закон, – продолжал Скарсбери. – Надо с ним разобраться. Наше руководство решило, что это прекрасная возможность вам, парни, стать настоящими мужчинами.

Марисоль Рохас Гарса, худенькая тринадцатилетняя из

простецов, громко хмыкнула. На лице девочки, как обычно, играло ироничное выражение – что-то вроде «Я сейчас надеру тебе задницу».

– То есть... мужчинами и женщинами, – скрепя сердце поправился Скарсбери.

Между учеников побежали тревожные шепотки. Все заволновались. Похоже, никто не ожидал реальной тренировки вот так скоро после начала обучения.

Джон, сидевший за спиной Саймона, притворно зевнул.

– Скучно. Я могу укокошить нежить-отступника даже во сне.

Саймон вспомнил свои кошмары, в которых он действительно убивал и нежить, и устрашающих демонов с множеством щупалец, и Отреченных, и дьявол его знает каких еще кровожадных монстров, обступающих его со всех сторон, – и понял, что зевать ему совсем не хочется. Его затошнило.

Джордж поднял руку.

– Э-э... сэр, но ведь некоторые из нас... – он сглотнул, и Саймон в очередной раз задался вопросом, не пожалел ли уже Лавлейс о том, что открыл всем правду о своем происхождении. Все-таки Академия – гораздо менее мрачное место, когда учишься на элитном потоке, и не только потому, что в этом случае не нужно жить в подвале. – ...Некоторые из нас – простецы.

– Я это заметил, Лавлейс, – сухо ответил Скарсбери. – Представьте себе, как я удивлен, что отстой хоть на что-то

способен. Пусть и не весь.

– Да нет, я имел в виду... – смутился Джордж.

Двухметровому шотландскому секс-богу (по определению Беатрис Велес Мендосы, полностью поддержанному ее узкоротой подругой) не пристало вот так быстро и легко пугаться. Впрочем, он быстро взял себя в руки и ринулся в бой.

– Я имел в виду, что мы – простецы. Нам нельзя наносить руны, пользоваться клинками серафимов, колдовским огнем и чем там еще положено пользоваться Сумеречным охотникам. У нас нет суперскорости и ангельских рефлексов. Устраивать охоту на нежить, когда мы проучились всего-то пару месяцев... разве это не опасно?

На шее Скарсбери тревожно запульсировала вена, а единственный глаз так страшно выпучился, что казалось, сейчас выскочит из орбиты. (У Саймона мелькнула мысль, что, по крайней мере, это объяснило бы происхождение черной повязки на втором глазу.)

– Опасно? – зарычал он. – Опасно? Кто еще тут наделал в штаны?

Если даже такие и были, все благоразумно держали рты на замке – инструктора Скарсбери ученики боялись куда больше, чем любую преступную нежить. Невыносимо долгую минуту висела тишина.

Инструктор снова поглядел на Джорджа и нахмурился.

– Если ты, слабак, боишься опасностей, то ты оказался не в том месте. А что касается остального отстоя... Вот мы и

поймем, есть ли в вас то, что нужно, чтобы пережить Восхождение. Потому что если нет, Чаша Смерти вас убьет. И поверьте мне: это куда хуже, чем если вас досуха выпьет какой-нибудь кровосос. – Скарсбери перевел тяжелый взгляд на Саймона – то ли потому, что тот когда-то был кровососом, то ли потому, что он больше прочих смахивал на «досуха выпитого».

На секунду Саймону подумалось, что инструктор выбрал его для этого задания специально – в надежде, что удастся избавиться от самой большой проблемы класса. Хотя... разве Сумеречный охотник, пусть он даже тренер в Академии, опустился бы до такой низости?

Откуда-то из глубин памяти всплыло воспоминание – скорее даже призрак воспоминания. Саймон понял, что ответ на этот вопрос далеко не так очевиден, как кажется.

– Это понятно? – взревел Скарсбери. – Кто-нибудь еще хочет обратно к мамочке с папочкой? Поплакаться им: «Ах, спасите меня от большого злого вампира»?

Мертвая тишина.

– Вот и славненько. У вас два дня, чтобы налечь на тренировки. Можете подбадривать себя тем, как будут впечатлены ваши маленькие друзья, когда вы вернетесь с задания. – Он насмешливо фыркнул. – Если вернетесь.

Зал отдыха встретил всех темнотой, плесенью и редкими мерцающими огоньками свечей. Со стен, из тяжелых позоло-

ченных рам, сердито взирали на них Сумеречные охотники: Эрондейлы, Лайтвуды, Моргенштерны... бывшие герои кровавых сражений, сейчас едва угадывающиеся в потемневших мазках масляной краски. Это место, конечно, лучше спальни Саймона: оно не в подzemелье, здесь нет черной слизи, оно не воняет заплесневелыми носками (или это все-таки трупы бывших учеников, спрятанные под полом?) и не служит пристанищем для огромной крысиной семьи, неистово скребущейся за стеной.

Но, сидя в углу и играя в карты с Джорджем, Саймон той ночью осознал одно неоспоримое преимущество своей комнаты. Ее порог никогда бы не соизволили переступить ни Джон Картрайт, ни его поклонницы.

– Семерка, – сказал Джордж, когда Джон, Беатрис и Жюли замаячили у входа. – Бери карту.

Стоило этой троице появиться, Саймон постарался сделать вид, что *чрезвычайно* увлечен игрой. Он надеялся, что ему это удалось.

В нормальных школах-интернатах в зале отдыха на стене обычно висит телевизор. Здесь же это почетное место занимал гигантский портрет Джонатана, первого Сумеречного охотника; глаза его сверкали почти так же ярко, как лезвие меча. В нормальных школах слышна музыка, доносящаяся из коридоров и комнат, – временами даже неплохая. В нормальных школах есть электронная почта, мессенджеры и интернет. В Академии же свободное время занять было прак-

тически нечем. После уроков студенты изучали «Кодекс Сумеречных охотников», а потом шли спать.

Саймон не играл ни во что уже очень давно и чувствовал, что больше так жить не может. Квесты «Подземелий и драконов» потеряли для него прежнее очарование – оно и немудрено, когда весь день учишься убивать реальных монстров. Так что карты оказались самым близким и простым вариантом решения проблемы. Позвав Джорджа и охотно принимая в компанию каждого желающего, Саймон взялся за старые добрые, полузабытые со времен летнего лагеря «Казино», «Тысячу» и «Свиней».

Он подавил зевок.

Джон, Беатрис и Жюли стояли рядом, молча выжидая, пока на них обратят внимание. Саймон надеялся, что, если продержат их так подольше, они не вытерпят и уйдут. Беатрис, конечно, вовсе не так плоха, но вот Жюли – та словно вырезана из льда. Она практически не имела физических недостатков: шелковистые светлые волосы, как у куклы Барби, фарфоровая кожа модели с рекламы макияжа, фигура круче, чем у полуобнаженных красоток на плакатах, развешанных у Эрика в гараже, – но хищное выражение ее лица, словно она только что вернулась с задания «найти и уничтожить», напрочь отбивало всякие мысли о слабости этой куколки. К тому же на боку у нее болтался меч.

Ну а Джон – он и есть Джон.

Сумеречные охотники не пользовались магией – в этом

заклучался один из основных принципов их веры. Так что вряд ли в Академии Саймон выучит какое-нибудь заклина-ние, позволяющее вышвырнуть Джона Картрайта в другое измерение. Оставалось только мечтать.

Сладкая троица по-прежнему висела над душой. Наконец Джордж, от природы не способный никому хамить, бросил карты.

– Мы можем вам чем-нибудь помочь? – холодность его тона сделала шотландский акцент еще более заметным.

Все дружелюбие Джона и Жюли мгновенно растаяло, стоило им узнать, что Джордж на самом деле из простецов. И хотя шотландец ничем не выказывал своего отношения, было ясно, что он об этом не забыл и прощать их не собирается.

– Вообще-то да, – Жюли кивнула на Саймона. – То есть *ты* можешь.

Саймон был не в настроении. Да и как тут будешь в настроении, когда тебе светит подохнуть в лапах вампира, нарушившего Закон?

– Что вам нужно?

Жюли смущенно покосилась на Беатрис. Та не сводила взгляда с пола под ногами.

– Спрашивай ты, – пробормотала она.

– Лучше ты, – открестилась Жюли.

– Какого ангела?! – Джон закатил глаза. – Ладно, давайте я сам спрошу.

Он выпрямился, расправил плечи и, задрав свой королев-

ский нос, упер руки в бока. Похоже, эту позу он долго репетировал перед зеркалом.

– Мы хотим, чтобы ты рассказал нам о вампирах.

Саймон ослабился.

– И что именно вы хотите знать? Самая страшная – Эли из «Впусти меня». Самый стильный – Лестат. Самый недооцененный – Дэвид Боуи в «Голоде». Самый сексуальный – определенно Друсилла. Хотя, если спросить у девчонок, они наверняка скажут, что самый сексуальный – Дэймон Сальваторе или Эдвард Каллен. – Он пожал плечами. – Ну, это же девчонки.

Девушки смотрели на него расширенными от ужаса глазами.

– Я даже не думала, что ты со столькими знаком! – воскликнула Беатрис. – И они... они все – твои друзья?

– Да, конечно, мы с графом Дракулой закадычные приятели, – Саймон демонстративно скрестил пальцы. – А еще с графом Чокулой. А с графом Клёцкулой мы вообще друзья навек. Он такой обаяшка...

Он рассмеялся, но тут же оборвал смех. Никто его не поддержал. Кажется, никто даже не понял, что Саймон пошутил.

– Они из «ящика» все, – подсказал он. – Ну, или... из упаковки с быстрыми завтраками.

– О чем он говорит? – в замешательстве наморщив носик, спросила Жюли.

– Да кто его разберет? – отозвался Джон. – Только зря

тратит время. Ему вообще на всех, кроме себя, плевать.

– Что ты сказал? – Саймон почувствовал, что начинает заводится.

Джордж выразительно кашлянул.

– Да пошел он. Не хочет говорить об этом – его дело.

– Дело-то его, а жизни-то наши, – Жюли с трудом моргнула, словно ей что-то попало в глаз. Или... Саймон задержал дыхание. Она сморгнула *слезу*?

– Что происходит? – растерянно спросил он.

Беатрис вздохнула и смущенно улыбнулась Саймону.

– Мы не хотим, чтобы ты рассказывал нам о чем-то личном или... э-э... ну, ты знаешь... болезненном для тебя. Мы просто хотим, чтобы ты рассказал нам все, что знаешь о вампирах, потому что ты... ну...

– Потому что ты сам был кровососом, – закончил за нее Джон. – Если ты, конечно, помнишь об этом.

– Проблема в том, что я *не помню*, – Саймон голосом выделил последние два слова. – Или вы еще не заметили?

– Ты так говоришь, – заспорила Беатрис, – но...

– Но вы думаете, что я лгу, – сам не веря в то, что производит это, сказал он. Черная дыра в памяти – центральный факт всего его теперешнего существования. Саймону и в голову не могло прийти, что кто-то может в этом усомниться. Зачем об этом лгать? Да и кто из людей по доброй воле стал бы это делать? – Вы и правда так думаете? В самом деле?

Они закивали, один за другим... даже Джордж, хотя ему,

по крайней мере, хватило ума сделать это неуверенно.

– И зачем мне такое симулировать, по-вашему?

– А зачем им запикивать тебя сюда, если ты и правда ничего не помнишь? – парировал Джон. – А так... это единственное, что имеет смысл.

– Ох уж этот безумный, безумный, безумный мир, – выдохнул Саймон. – Ребята, вот что вы видите – то так и есть.

– Иными словами, мы видим дырку от бублика, – ответил Джон.

Жюли недовольно пихнула его локтем в бок. Странно. Обычно она с восторгом соглашалась со всем, что бы ни сказал Картрайт.

– Ты обещал, что будешь *вежливым*.

– А нафига? Если он ничего не знает или не хочет нам рассказывать. Да и какая разница, в самом деле? В конце концов, там обычная нежить. Случались вещи и похуже.

– Можно подумать, ты знаешь! – отпарировала Жюли. – Ты вообще хоть в одном сражении участвовал? Видел хоть одного раненого? Убитого?

– Я же Сумеречный охотник, разве нет? – ответил Джон. Хотя ответом это, с точки зрения Саймона, назвать было трудно.

– Тебя не было в Аликанте во время Войны, – мрачно заметила Жюли. – Ты не знаешь, как это было. Ты никого не терял.

– Зачем ты мне это говоришь? – вызверился на нее

Джон. – Не знаю, как ты, но я здесь затем, чтобы научиться сражаться, так что в следующий раз...

– Хватит, Джон, – попросила Беатрис. – Никакого следующего раза не будет.

Он пожал плечами.

– Всегда бывает следующий раз.

Джон произнес это, едва скрывая надежду в голосе, и Саймон понял, что Жюли была права. Картрайт ни разу не стал-кивался со смертью, тем более лицом к лицу.

– Я видел мертвую овцу, – ясным голосом сказал Джордж, явно пытаюсь разрядить атмосферу. – Это считается?

Беатрис нахмурилась.

– Не очень-то мне хочется драться с вампиром. Вот если бы это была феяри...

– Можно подумать, ты что-то знаешь о феяри, – заметила Жюли.

– Ну, я точно знаю, что не отказалась бы пришить парочку-другую.

Жюли резко выдохнула, словно кто-то проткнул ей легкое.

– Я тоже. Если бы это было так легко...

Саймон не особо-то разбирался во взаимоотношениях нефилимов с Нижним миром. Единственное, что он точно знал, так это то, что теперь феяри – враг номер один для Сумеречных охотников. Строго говоря, этим самым врагом для нефилимов был Себастьян Моргенштерн, развязав-

ший Смертельную войну и обративший многих Сумеречных охотников в толпу поклоняющихся ему зомби. Но он давно мертв, а его тайные союзники, Благословенный народец, продолжают его темное дело. Даже Сумеречные охотники вроде Беатрис, ничего не знающие об оборотнях (ну, максимум, что те просто более волосаты, чем обычные люди) и восторженно вопящие от одного только упоминания имени Магнуса Бейна, не отзывались о фейри иначе, как о противных, расплодившихся повсюду тараканах.

– Джордж, сегодня утром ты был прав, – сказала Жюли. – Они не имеют права посылать нас вот так, в самое пекло. Мы не готовы. Никто не готов.

– Говори за себя, – мрачно заметил Джон.

Троица принялась препираться о том, легко ли убить вампира, и Саймон поднялся на ноги. Паршиво, если все думают, что он лжец. И еще паршивее, что частично он и есть лжец. Саймон не помнил ничего из тех времен, когда был вампиром, – во всяком случае, ничего полезного, – но вот остальное... Остальных воспоминаний вполне хватало, чтобы его передергивало даже от одной мысли кого-то убить. Пусть даже оно неразумное. Саймон был вегетарианцем, и список убитых им существ ограничивался экранными драконами и компьютерными морскими змеями.

Неправда, напомнил ему прозвучавший в голове голос. У тебя руки по локоть в крови.

Саймон предпочел пропустить это мимо ушей. То, что он

ни о чем не помнит, конечно, не значит, что ничего страшного с ним никогда не происходило. Но стоит лишь притвориться, что это так, — и жизнь становится легче.

Но быстро исчезнуть не удалось — Джордж схватил его за руку.

— Прости за... за... ну ты понял, — попросил он. — Мне стоило бы тебе верить.

— Определенно стоило, — вздохнул Саймон, понимая, что сосед сейчас искренен как никогда.

Он уже прошел почти половину коридора, еле освещенного мерцающими свечами, когда услышал позади шаги. Его кто-то догонял.

— Саймон! — крикнула Жюли. — Подожди!

За последние несколько месяцев Саймон узнал столько всего, что голова шла кругом. Магия и демоны на самом деле существуют. Его воспоминания о прошлой жизни так же фальшивы и ненастоящи, как старые бумажные куклы его сестры. Ах да, а еще он все бросил, чтобы попасть в волшебную невидимую страну, и теперь учится драться с демонами. Ошизеть можно.

Но шизел Саймон не от этого, а от того, с какой скоростью увеличивался список потрясных красоток, которым от него все время что-то было нужно. И его это не сказать чтобы сильно радовало.

Он остановился и дождался Жюли.

Девушка была выше его сантиметров на десять. Она сто-

яла и смотрела на Саймона сверху вниз ореховыми с золотыми точечками глазами. Цвет их неуловимо менялся от малейшего ее движения и здесь, в тусклом свете канделябров, больше всего походил на жидкий янтарь. Двигалась Жюли с неуловимой грацией – как балерина, если, конечно, балерины имеют привычку резать людей на кусочки кинжалами, украшенными рунической вязью. Иными словами, она была Сумеречным охотником, и по тому, как она вела себя на тренировочной площадке, Саймон давно уже понял, что демоноборец из Жюли получится превосходный.

А как любой превосходный Сумеречный охотник, она не особо-то рвалась общаться с простецами. Даже с теми, кто спас мир практически ценой собственной жизни, хоть и не помнит об этом. И уж тем более не стала бы иметь дело с простецом, который когда-то был нежитью.

Но с тех пор, как в Академию заявила Изабель Лайтвуд и в буквальном смысле предъявила свои права на Саймона, Жюли не сводила с него пытливого взгляда. Не так, конечно, чтобы вот прямо сейчас попытаться затащить его в кровать, но Саймон определенно вызывал у девушки интерес. Она внимательно его рассматривала, как изучают под микроскопом букашку, и пыталась понять, что именно могло привлечь к нему красавицу вроде Изабель Лайтвуд.

Саймон, впрочем, не возражал. Ему нравилось острое, нетерпеливое любопытство, легко читавшееся во взгляде Жюли. Девушки, оставшиеся там, в Нью-Йорке, – Изабель,

Клэри, Майя, – утверждали, что знают и любят его, и Саймон им верил. Но он понимал, что на самом деле они любят не *его самого*, а его двойника, того Саймона, который был с ними в Сумеречном мире. И когда они смотрят на него, то видят – хотят видеть – того, прежнего парня по имени Саймон.

Жюли, должно быть, его ненавидела – да нет, она точно его ненавидела, – но она тоже видела того, *другого* Саймона.

– Слушай, это правда? – наконец спросила девушка. – Ты ничего не помнишь? Не помнишь, как был вампиром? Демонические измерения? Смертельную войну? Вообще ничего?

Он вздохнул.

– Жюли, я устал. Давай сделаем вид, что ты задала мне эти вопросы еще миллион раз, получила миллион одинаковых ответов, и мы разбежимся, а?

Она взмахнула ресницами, и Саймон вновь задумался: может ли быть такое, что Жюли Боваль испытывает настоящие человеческие чувства? Что она пытается не расплакаться, неважно по какой причине? Но в коридоре было слишком темно, и все, что он мог разглядеть, – лишь неясные очертания лица девушки да тусклую золотую вспышку, когда ее кулон шевельнулся в ложбинке между ключиц.

Рука его сама собой дернулась к груди. Саймон вдруг вспомнил, как оттягивал его шею тяжелый камень, как вспыхивал он рубиновым светом. Вспомнил биение пульса под тонкой кожей – в такт ударам сердца; вспомнил выражение лица, с которым *она*, прощаясь, отдавала ему кулон. Оскол-

ки памяти никак не желали складываться в целое. Но стоило только спросить себя, с кем он так печально прощался, чье лицо видел перед собой, как в голове будто сам собой появился ответ.

Изабель.

Всегда Изабель.

– Я тебе верю, – ответила Жюли. – Не понимаю почему, но верю. Наверное, я просто надеялась...

– На что?

В ее голосе Саймону послышались незнакомые нотки – мягкие и странно неуверенные. Он поднял глаза и увидел почти такое же растерянное выражение на лице девушки.

– Я думала, ты, в отличие от других, сможешь понять, – сказала она. – Понять, что значит сражаться за свою жизнь. Сражаться с Нижним миром. Думать, что вот-вот погибнешь. Видеть... – Тон ее голоса не изменился, выражение лица тоже, но Саймон почти почувствовал, как заledenела кровь девушки, словно она заставила себя это сказать: – Видеть, как падают мертвыми близкие тебе люди...

– Мне жаль, – отозвался Саймон. – То есть... я знал, что произошло, но...

– Но это не то же самое, что быть там, – закончила Жюли.

Саймон кивнул, вспоминая, как провел много часов у постели отца, пока удары сердца на мониторе в изголовье не превратились в одну горизонтальную линию. Он знал, что отец никогда не проснется. Когда-то Саймон думал: «Да лад-

но, я знаю, как это бывает». Он видел кучу фильмов, в которых умирает отец героя. Он считал, что понял, что такое горе. Он даже пытался нарисовать лицо Люка Скайуокера, когда тот вернулся к развалинам своего дома на Татуине и осознал, что дядя с тетей мертвы.

– Есть многое, чего ты никогда не поймешь, пока сам через это не пройдешь.

– Ты никогда не задумывался, что я здесь делаю? – спросила Жюли. – Почему я учусь в Академии, хотя могла бы с тем же успехом тренироваться в Аликанте или в любом Институте?

– Вообще-то... нет, – признался Саймон, уже понимая, что, наверное, стоило бы и вправду задуматься. Академия десятилетиями стояла закрытая, и семьи Сумеречных охотников предпочитали самостоятельно учить своих детей. Особенно сейчас, после Смертельной войны, когда родители и вовсе старались не отпускать отпрысков далеко от себя.

Жюли отвернулась. Пальцы ее сжались, словно девушка старалась что-то удержать.

– Я сейчас тебе кое-что скажу, Саймон, но ты никому никогда этого не повторишь.

Ответа она, похоже, не ждала.

– Мою мать обратили одной из первых, – голос Жюли ослаб и был едва слышен. – И она пропала. Мы эвакуировались в Аликанте, как и многие другие. А когда на город напали... то взрослые закрыли детей в Зале Договоров. Они

думали, мы там будем в безопасности. Но в те дни такого безопасного места на земле просто не существовало.

В Зал зашли фейри, а потом – Отреченные. И они бы убили нас всех, Саймон, если бы не ты и твои друзья. Моя сестра, Элизабет... она погибла одной из последних. Я видела того фейри с серебристыми волосами. Он был таким прекрасным, Саймон! Прекрасным – и опасным, как жидкая ртуть. Вот о чем я думала, когда он опустил меч, – о том, что фейри, убийца моей сестры, прекрасен.

Девушка тряхнула головой.

– Ладно, это все неважно. От моего отца сейчас тоже никакого проку. Вот поэтому я тут. Чтобы учиться сражаться. Так что в следующий раз...

Саймон понятия не имел, что сказать. «Сочувствую» тут явно не подходило. Да и самой Жюли, казалось, уже не хватало слов.

– Почему ты мне все это рассказываешь? – мягко спросил он.

– Потому что я хочу, чтобы хоть кто-нибудь понимал, насколько все это серьезно. То, что нас хотят отправить воевать с нежитью. Пусть даже это будет один полудохлый вампир против нас двадцати. Мне плевать, что сказал Джон. Бывает всякое. Люди... – она резко мотнула головой, будто пытаясь откреститься от собственных слов, да и от Саймона тоже. – Я хотела поблагодарить тебя за все, что ты сделал, Саймон Льюис. И за принесенную тобой жертву.

– Я и правда не помню ничего из того, что сделал, – сказал Саймон. – Не стоит меня благодарить. Я знаю, что тогда произошло, но и только. Словно все это случилось не со мной.

– Может быть, пока что это и так, – ответила девушка. – Но если ты хочешь стать Сумеречным охотником, тебе придется научиться видеть вещи *как они есть*.

Она развернулась на каблуках и направилась в сторону своей комнаты.

– Жюли? – тихо окликнул он. – А Джон и Беатрис – они в Академии по той же причине? Из-за людей, которых потеряли на войне?

– Спроси их сам, – не оборачиваясь, ответила она. – У каждого из нас – своя история Смертельной войны. Все мы что-то потеряли. Некоторые потеряли всё.

На следующий день преподаватель истории, маг Катарина Лосс, объявила, что к ним в Академию прибыл особый гость и она передает класс в его руки.

У Саймона замерло сердце. Последним и пока что единственным приглашенным лектором, почтившим учеников своим присутствием, была Изабель Лайтвуд. А «лекция» ее тогда состояла из твердого и оскорбительного предупреждения, чтобы все девушки в радиусе десяти миль держали свои маленькие шаловливые ручки подальше от ее парня. То бишь от Саймона.

К счастью, нового гостя – темноволосого высокого муж-

чину – Саймон, похоже, совершенно не интересовал.

Лектор вышел вперед и встал перед классом.

– Ласло Бало, – представился он таким тоном, словно имя говорило само за себя. Должно быть, он полагал, что Катарина рассказала о нем ученикам заранее – и это, конечно, стоило бы сделать, по крайней мере, из вежливости.

– Глава будапештского Института, – прошептал Джордж Саймону на ухо. Несмотря на столь отчаянно провозглашаемую лень, Лавлейс еще до приезда в Академию выучил имена руководителей всех Институтков – не говоря уж обо всех знаменитых Сумеречных охотниках.

– Я приехал сюда, чтобы рассказать вам историю, – сказал Бало. Брови его сердито изогнулись домиком. Со своей бледной кожей, треугольным мысом волос надо лбом и венгерским акцентом глава будапештского Института смахивал на графа Дракулу сильнее, чем любой из знакомых Саймону вампиров.

Он невольно подумал, что странный гость сравнения бы точно не оценил.

– Кое-кому из вас вскоре предстоит выйти на свою первую битву. Я здесь лишь затем, чтобы проинформировать вас, что стоит на кону.

– Не думаю, что нам следует об этом беспокоиться, – с противным смешком сообщил с дальнего ряда Джон.

Бало пригвоздил его к месту испепеляющим взглядом.

– Джонатан Картрайт! – из-за акцента он проглатывал по-

ловину слогов, и звучало это угрожающе. – Будь я сыном ваших родителей, я попридержал бы язык за зубами в присутствии более достойных людей.

Джонатан побледнел как бумага. Саймон почувствовал исходящую от него ненависть и подумал, что глава будапештского Института только что заимел себе врага на всю жизнь. Кажется, о том же подумали и остальные в классе – Джон Картрайт был не из тех, кто способен сносить публичные оскорбления.

Парень открыл рот, потом снова закрыл. Губы его сжались в тонкую упрямую линию. Бало кивнул, кажется, совершенно удовлетворенный результатом – словно Картрайту действительно стоило вести себя именно так: заткнуться и тихо сгорать со стыда на последней парте.

Лектор откашлялся.

– Вопрос к вам, дети. Какой проступок для Сумеречного охотника следует признать самым непростительным?

Марисоль подняла руку.

– Убийство невинного?

Бало нервно втянул ноздрями воздух, словно учуял неприятный запах. (Кстати, так оно могло и быть, учитывая полчища клопов, обитавших в стенах Академии.)

– Ты из простецов, – заметил он наконец.

Она решительно кивнула. Вот что Саймону больше всего нравилось в этой упрямой малолетке – она никогда не извинялась за то, кем была. Наоборот, казалось, что Марисоль

гордится своим происхождением.

– Было время, когда ни один простец не мог переступить границ Идриса, – Бало покосился на Катарину. Та нерешительно топталась в самом углу. – Как и нежить, кстати говоря.

– Времена меняются, – парировала Марисоль.

– О да, определенно. – Он осматривал класс, практически поровну заполненный нефилимами и простецами. – Может быть, кто-нибудь еще из... более информированных студентов рискнет предположить, о чем идет речь?

Беатрис медленно подняла руку.

– Мама всегда говорила, что хуже всего для Сумеречного охотника – забыть свой долг. Забыть, что он охраняет и защищает человечество.

Саймон краем глаза уловил, как губы Катарины изогнулись в язвительной полуулыбке.

Глава будапештского Института повернулся в другую сторону. Не дождавшись ответа, он, видимо, решив, что иного выхода нет, прибегнул к методу Сократа – то есть, попросту говоря, ответил на собственный вопрос сам.

– Проступок, совершенно непростительный для Сумеречного охотника, – это в самый разгар сражения предать своих товарищей, – отчетливо выговорил Бало. – Хуже всего для Сумеречного охотника – оказаться трусом.

Саймон не мог отделаться от ощущения, что лектор говорит это исключительно ему. Словно Бало влез ему в голову

и теперь точно знал, как неохотно Саймон брался за оружие, даже в битве, особенно против живых существ.

Ну, строго говоря, не совсем *живых*, напомнил он себе. Ему уже приходилось драться с демонами, но спать от этого хуже он не стал. Но демоны – чудовища. А вампиры – по-прежнему люди, хоть и без души. Они, в отличие от героев компьютерных игр, могут чувствовать боль, истекать кровью, умирать – и сопротивляться.

В прошлом году на занятиях по литературе Саймон прочитал «Алый знак доблести» – нудный роман о солдате времен гражданской войны, который в самый разгар сражения дезертировал с поля боя. Книга оказалась бесполезнейшим чтивом и повергала его в сон. Но одну мысль оттуда он все-таки вынес: «Он был малодушным козлом».

Эрик, изучавший роман вместе с ним, предложил назвать их группу «Малодушные Козлы», и несколько недель они дружно решали, хорошее ли это название, – пока все не забылось само собой. А фраза нет-нет да и всплывала в мозгу Саймона. «Козел» вряд ли когда-нибудь даже задумывается о том, чтобы стать воином или героем. А «малодушный» – бесхребетный, всего боящийся, робкий и зашуганный. Короче, большой жирный трус.

– Год тысяча восемьсот двадцать восьмой, – хорошо поставленным голосом начал Бало. – Договор еще не заключен, заметьте. Нежить еще не заставили подчиняться и не научили Закону.

Краем глаза Саймон увидел, как напряглась Катарина Лосс. Не очень-то хорошая это идея – оскорблять мага, даже такого хладнокровного, как она, но Бало, кажется, ничего даже не заметил.

– Европа погружена в хаос. Революционеры тут и там, повсюду на континенте, разжигают войны, никого не слушая и никому не подчиняясь. Кучка магов-интриганов, прячущаяся где-то в немецких княжествах, пользуется ситуацией и насылает на местное население совершенно недостойные и неподобающие своему положению бедствия. Наверняка многие простецы знакомы с этой печальной историей разрухи и смерти – по сказкам братьев Гримм. – Заметив удивленные лица учеников, он впервые позволил себе улыбнуться. – Да-да, Вильгельм и Якоб знали, о чем писали. Помните, дети, все сказки – это правда.

Пока Саймон изо всех сил пытался представить себе, что же должно было случиться, чтобы посреди Германии вдруг вымахал огромный бобовый стебель, Бало продолжал лекцию. Он рассказал классу, как была назначена группа Сумеречных охотников, которые должны были «договориться» с магами. Как они отправились в глухой лес в глубине Германии. Деревья в нем источали черную магию, а заколдованные звери и птицы старались защитить волшебное место от чужаков. А в самой чаще ждал их Высший демон, вызванный магами. В качестве награды ему было обещано все население Баварии.

– Зачем? – спросил кто-то из учеников. – Зачем они это сделали?

– Магам причины не нужны. – Бало снова кинул взгляд на Катарину. – Темная магия всегда привлекает тех, кто слаб и легко соблазняется.

Маг что-то пробормотала. Саймон от души понадеялся, что это было проклятие.

– Итак, к магам отправились пятеро Сумеречных охотников, – продолжал глава будапештского Института. – Этого было вполне достаточно, чтобы справиться с тремя магами. Но Высшего демона, конечно, никто из них не ожидал там увидеть. Впрочем, даже и тогда добро победило бы зло, если бы не трусость самого молодого из нефилимов, Сумеречного охотника по имени Тобиас Эрондейл.

По классу прокатилась волна шепота. Эрондейла знали все – и нефилимы, и простецы. Это фамилия Джейса. Это имя героического рода.

– Да-да, все вы, конечно, слышали об Эрондейлах, – нетерпеливо прервал их Бало. – И наверняка вы слышали о них только хорошее. Например, об Уильяме Эрондейле или о его сыне Джеймсе и, естественно, о Джонатане Лайтвуде Эрондейле. Но даже на самом сильном и здоровом дереве всегда найдется гнилая ветка. Через десять лет после тех печальных событий брат Тобиаса и его жена пали благородной смертью в большом сражении. Казалось бы, этого достаточно, чтобы навсегда стереть пятно с репутации славного рода.

Но ни слава Эрондейлов, ни жертвы, которые они принесли во имя Завета, не заставят нас забыть о том, что сделал Тобиас. У нас просто нет на это права.

Тобиас был неопытен и рассеян; на задание он отправился не по собственной воле, а по приказу. Дома его ждала беременная жена, и он почему-то решил, что это освобождает его от выполнения долга. И когда демон бросился в атаку, Тобиас Эрондейл – да будет его имя покрыто позором во веки веков – развернулся и побежал прочь. *Побежал. Прочь.* – Два последних слова Бало выделил, ударив кулаком по столу.

Он продолжал рассказ. С болью и ужасом дети слушали о том, что случилось дальше. Как были уничтожены трое из четырех оставшихся Сумеречных охотников: одному демон вспорол живот, другого сжег заживо, а третьего залил своей ядовитой кровью, которая растворила его, как сильнейшая кислота. Как четвертый выжил только благодаря помощи магов: те вернули нефилима – изуродованного незаживающими демоническими ожогами – Сумеречным охотникам в качестве назидания и предупреждения держаться подальше.

– Конечно, мы пришли туда целым войском и десятикратно отомстили магам за то, что они сделали с мирными жителями Баварии. Но гораздо более страшное преступление, куда хуже трусости Тобиаса Эрондейла, все еще взывало к мести.

– Более страшное? Страшнее, чем то, что по твоей вине погибли Сумеречные охотники? – вопрос сорвался с языка

прежде, чем Саймон осознал, что делает.

– Демоны и маги – такие, какие есть, – мрачно ответил Бало. – Они не могут изменить свою природу. Но Сумеречные охотники следуют в своей жизни гораздо более высоким стандартам. Смерть троих нефилимов – целиком и полностью на совести Тобиаса Эрондейла. И он бы обязательно понес наказание, если бы был настолько глуп, что показался бы на глаза кому-нибудь из Сумеречных охотников. Он скрылся. Навсегда. Но долги все равно нужно платить. Суд состоялся в его отсутствие. Его признали виновным, и приговор был приведен в исполнение.

– Но вы же вроде бы сказали, что он так и не вернулся? – уточнила Жюли.

– Не вернулся. Наказание вместо него понесла его жена.

– *Беременная?* – Марисоль выглядела так, будто ее сейчас стошнит.

– *Dura lex, sed lex*, – отозвался Бало.

Эту латинскую фразу вбивали в головы всем ученикам с самого первого дня их пребывания в Академии, и Саймон уже ненавидел ее всей душой: слишком уж часто ее использовали в доказательство того, что Сумеречные охотники непогрешимы. Именно этой фразой оправдывались все их бесчеловечные поступки.

Глава будапештского Института сцепил пальцы и с удовлетворением наблюдал, как действовали на слушателей его слова. Вот, значит, как Конклав рассматривал трусость

на поле боя. Вот оно, правосудие Завета.

– Закон суров, – перевел Бало во внезапно наступившей тишине, – но это закон.

– Выбирайте с умом, – посоветовал Скарсбери, наблюдая, как студенты внимательно разглядывают богатейший арсенал оружейной комнаты.

– Как мы можем выбирать с умом, – пожаловался Джон, – если вы даже не сказали нам, с кем придется сражаться?

– Вам же известно, что это вампир, – удивился инструктор. – Остальное узнаете, когда окажетесь на месте.

Осмотревшись, Саймон выбрал кинжал для рукопашного боя – по крайней мере, меньше вероятности порезаться. Нефилимы в спешном порядке наносили на тело руны силы и ловкости и рассовывали по карманам колдовской огонь. Саймон прицепил к ремню слева и справа тонкий фонарик и портативный огнемет и прикоснулся к Звезде Давида, висевшей на той же цепочке, которую когда-то носил Джордан. Особо она, конечно, не поможет, если только вампир случайно не окажется евреем, но уверенности в себе добавляет, как ни крути. Словно за ним кто-то присматривает – оттуда, сверху.

В воздухе витало предвкушение, живо напомнившее Саймону о тех временах, когда он – просто ребенок, подросток – азартно собирался на какую-нибудь увлекательную прогулку. Вот только на экскурсии в зоопарк или на очистную стан-

цию куда меньше шансов, что тебя разорвут в клочья. Зато не придется трястись в школьном автобусе: ученики собрались перед магическим порталом, который должен был перекинуть их через множество измерений, на тысячи миль, в мгновение ока.

– Готов? – ухмыльнулся Джордж. Упакованный по самое не могу, с грозно торчащей над плечом рукояткой меча, Лавлейс выглядел настоящим воином – до кончиков ногтей.

На мгновение Саймон представил, что говорит «нет». Поднимает руку, просит прощения. Признается, что ему не место в Академии. Что всё, чему его когда-то учили, напрочь вымелось из памяти. Что хочет собрать чемодан, вернуться домой и притвориться, будто всего этого никогда не было.

– Как всегда, – ответил Саймон и шагнул в портал.

Все, что сохранила его память от поездок на школьном автобусе, – это грязь, отвратительные запахи, летящие отовсюду бумажные шарики и приступы мерзкой тошноты, когда его начинало укачивать.

Как оказалось, путешествовать порталом еще хуже.

Когда вернулись дыхание и способность твердо стоять на ногах, Саймон огляделся – и удивленно выдохнул. Никто не говорил им, *куда* откроют портал, но Саймон сразу узнал это место. Они в Нью-Йорке – и не просто в Нью-Йорке, а в Бруклине. Вдоль ядовитого канала под названием Гованус тянулся одноименный район – сплошные промзоны и склады. До квартиры его матери – дай бог десять минут пешком.

Он дома. В мире, где прошли шестнадцать лет его жизни. Здесь все в точности как всегда, – и все же совершенно по-другому. Может, за два месяца, проведенных в Идрисе, у Саймона просто выветрились из памяти звуки и запахи современного мегаполиса: гул электричества и стелющийся по земле густой смог от автомобильных выхлопов, рокот моторов и курлыканье повсюду гадающих голубей, копающихся в кучах мусора.

А может, все потому, что теперь он мог пробиться сквозь пелену иллюзий – и видел, например, как в канале Гованус плещутся русалки.

Это и дом, и в то же время совершенно незнакомое место. Дурацкое ощущение. У Саймона от него голова пошла кругом – точно как тем летом, когда он вернулся с гор, из лагеря Рама, и понял, что не может уснуть без треска цикад за окном и храпа Джейка Гроссберга на верхнем ярусе. Может, все дело в том, думал он, что никогда не знаешь, как сильно изменился за то время, пока не был дома. А стоит вернуться – и все кажется совершенно другим.

Все собрались перед зданием заброшенной фабрики. Стены ее были испещрены граффити, окна плотно заколочены.

– Так, парни! – крикнул Скарсбери, стоило только последнему ученику выйти из портала. Слушайте меня!

Марисоль громко хмыкнула, и инструктор вздохнул.

– Слушайте меня, парни и *девушки*! В этом здании прячется вампирша, которая нарушила Завет и убила несколь-

ких простецов. Ваша задача – выследить ее и уничтожить. Настоятельно советую управиться до заката.

– А разве вампиры не должны были сами решить эту проблему? – спросил Саймон. В «Кодексе» ясно говорилось, что нежити доверено самостоятельно вершить суд среди себе подобных. Правда, он не был уверен, касалось ли это вампиров-отступников. Их вообще положено судить перед тем, как уничтожить?

Господи, как я вообще дошел до жизни такой? – потрясенно подумал он. – *Ведь я даже против смертной казни!*

– Не могу сказать, что это ваша забота, – отозвался Скарсбери, – но все-таки отвечу. Ее клан передал ее нам, чтобы вы, детки, почувствовали, что значит выполнять грязную работу. Считайте это вампирским подарком.

– Ничего себе подарочек, – вздохнул Саймон.

– *Dura lex, sed lex*, – как-то неубедительно, будто уговаривая себя, пробормотал Джордж и покосился на соседа.

– Вас двадцать, она одна, – продолжал Скарсбери. – За вами будут наблюдать опытные Сумеречные охотники. Так что даже если все окажется сложнее, чем мы рассчитываем, и вы облажаетесь, они вмешаются. Вы их не увидите. Зато они вас будут прекрасно видеть и сделают так, чтобы никто не пострадал. То есть постараются сделать. А если у кого-то возникнет желание слинять, вспомните, что вы недавно узнали. За трусость приходится платить.

Снаружи, под яркими лучами солнца, на просторной площади, задание казалось нечестным. Двадцать человек, вооруженных до зубов, – против одной наверняка безоружной женщины, запертой в здании и не имеющей возможности оттуда выйти: что в этом хорошего? Пусть даже они – всего лишь подростки, а она – вампир...

Но все изменилось, стоило лишь ступить под своды старой фабрики. Здесь, во мраке, повсюду мерещились вспышки света и блеск выпущенных клыков. В этой игре больше не было форы – да и не осталось в этом ничего от игры.

Разделившись на пары, они осторожно крались через темноту. Саймон предложил оставить кого-нибудь на страже у двери, надеясь, что можно будет отсидеться, как в школе на футболе. Он тогда весь матч провел на воротах и только изредка ловил вялые подачи. Правда, почему-то все подачи жестче оказались в сетке и его команда тогда безбоянно продула... но об этом он старался не думать.

Джон Картрайт замер в дверях рядом с Саймоном; в ладони его горел колдовской огонь. Время шло; оба молчали, изо всех сил стараясь делать вид, что им нет друг до друга никакого дела.

– Плохо, что ты не можешь пользоваться этими штуками, – наконец произнес Джон, махнув рукой с зажатым в ней сияющим камнем. – Или вот этими. – Он постучал себя по поясу, на котором висели несколько клинков серафимов. В Академии студентов не учили обращаться с ангельским ору-

жем, но дети нефилимов иногда привозили его из дома. – Не бойсь, герой. Если покажется вампирша, я сумею тебя защитить.

– Договорились. Я спрячусь за твоим грандиозным само-мнением, идет?

Джон обернулся к нему.

– Прикуси язык, тупой простец. А не то...

Он замолчал, не договорив, и прислонился спиной к стене.

– А то что? – поддразнил Саймон.

Джон издал звук, подозрительно похожий на хныканье. Его рука потянулась к ремню, пальцы судорожно шарили и никак не могли нащупать ни один из ангельских клинков. Парень не сводил глаз с чего-то за плечом Саймона.

– Сделай что-нибудь! – наконец выдавил он. – Она сейчас нас прикончит!

Саймон посмотрелся достаточно ужастиков, чтобы в красках представить себе картину. И этого было бы достаточно, чтобы прямо сейчас выскочить за дверь, под спасительный солнечный свет, ринуться домой, запереться на все замки и залезть под кровать – где он и прятался от воображаемых чудовищ, когда был маленьким.

Вместо этого он медленно повернулся.

Девушка, едва различимая в тени заколоченных окон. Его ровесница. Каштановые волосы собраны в высокий хвост. Винтажные розовые очки в роговой оправе. Футболка – кро-

ваво-алая, вызывающая в памяти краснорубашечников из «Звездного пути», с надписью «Живи быстро, умри молодым». Саймон невольно подумал, до чего же она похожа на него самого – если забыть о сверкающих в свете фонарика клыках и о той скорости, с которой она пронеслась мимо него и пнула Джона Картрайта по голове. Парень кулем свалился на пол.

– И их осталось двое, – промурлыкала она и самодовольно улыбнулась.

Саймону даже в голову не приходило, что вампирша может оказаться одного с ним возраста. По крайней мере, на вид.

– Ты бы с ним поосторожнее, светолуб, – девочка кивнула на его руки. – Слышала, ты снова жив. Так что, думаю, хотел бы подольше таким остаться.

Саймону пришлось опустить взгляд, чтобы понять, о чем она говорит.

Оказалось, он как-то умудрился достать кинжал и теперь выставил его перед собой.

– Ты выпустишь меня отсюда? Или как? – спросила вампирша.

– Я не могу тебя выпустить.

– Ой ли?

– Там солнце. Или ты забыла? Выйдешь – и пф-ф! – Саймон не мог поверить, что у него даже голос не дрожит. И штаны сухие. И он тут один на один с *вампиром*. Милой, симпа-

тичной девочкой... которую он должен убить. Любим способом.

– Глянь на часы, светолуб.

– У меня нет часов, – ответил Саймон. – И я больше не светолуб.

Она приблизилась к нему еще на шаг и стояла теперь совсем рядом. Обхватила его лицо ледяными пальцами, встряхнула голову. Кожа у нее была гладкая, как мрамор.

– Это правда, что ты ничего не помнишь? – девушка не сводила с него испытующего взгляда. – Даже меня?

– А разве я тебя знал... знаю?

Она пробежалась пальцами по губам.

– Вопрос не в этом. Вопрос в том, как хорошо ты меня знал, светолуб? А я тебе никогда этого не скажу.

Клэри и остальные ничего не рассказывали о том времени, когда Саймон был вампиром. Ни о его друзьях, ни о... не совсем друзьях. Может, они не хотели, чтобы он знал о той жизни, когда пил кровь и скрывался от дневного света. Может, его самого это настолько пугало, что он ничего никому не рассказывал.

А может, она просто лжет.

Саймон ненавидел свое незнание. Словно идешь по болоту: каждый следующий шаг, каждый неотвеченный вопрос, каждый привет из прошлого все глубже затягивают в трясину.

– Отпусти меня, светолуб, – прошептала вампирша. – Ты

никогда не причинишь вреда тому, кто такой же, как ты.

В «Кодексе» упоминалось, что вампиры умеют зачаровывать своих жертв, и Саймон знал, что должен сопротивляться. Но ее взгляд так... манит. Саймон с ужасом понял, что не в силах отвернуться.

– Я не могу, – с трудом выдавил он. – Ты нарушила Закон. Убила... кого-то. Многих.

– Откуда ты знаешь?

– Мне... – Саймон вдруг остановился, осознав, как глупо сейчас прозвучит ответ: «Мне так сказали».

Но девчонка, похоже, и не нуждалась в словах.

– Ты всегда веришь тому, что тебе скажут, светолуб? Своей головы на плечах нет, что ли?

Саймон крепче сжал рукоятку кинжала. Когда-то он боялся показаться трусом. А еще – боялся брать в руки оружие и сражаться с кем бы то ни было. Но здесь, сейчас, лицом к лицу с настоящим чудовищем, он больше не боялся – он колебался.

Dura lex, sed lex.

А вдруг не все так просто? Вдруг девчонка просто допустила ошибку? Или ошибся кто-то еще? И им всем сообщили неправильную информацию. Может, она и хладнокровный убийца – но кто тогда он такой, чтобы стать ее палачом?

Вампирша скользнула мимо него к двери, и Саймон автоматически, даже не думая, потянулся, чтобы перехватить ее. Кинжал рассек воздух по кривой дуге и едва не отрезал

девушке ухо. Та отпрыгнула и затанцевала, уворачиваясь от серебристого лезвия. Пальцы ее скрючились, словно когти. А Саймон впервые почувствовал ясность боя – тот самый прилив адреналина, о котором ему столько говорили. Голова отключилась, перестав мыслить терминами и названиями движений. Он вообще больше ни о чем не думал – просто действовал, блокируя ее выпады и уворачиваясь от атак. Прикидывал, как лучше ударить девушку под колени, чтобы повалить на пол. Кинжал плясал возле бледной кожи, то и дело оставляя на ней кровавые следы, а когда способность мыслить наконец вернулась, Саймон подумал: «Я это делаю. Я сражаюсь. Я побеждаю».

И тут вампирша вцепилась ему в запястье мертвой хваткой. Еще мгновение – и она повалила его на пол, словно двухлетнего ребенка, и уселась на него верхом. Она просто играла, понял Саймон. Притворялась, что сражается, пока ей не надоело.

Девушка склонилась к нему – так низко, что можно было бы почувствовать ее дыхание, если бы она дышала. Саймон вдруг вспомнил, каким холодным был он сам, когда умер. Вспомнил странную неподвижность в груди, в которой больше не билось сердце.

– Я могу все тебе вернуть, светлюб, – прошептала она. – Вечную жизнь. Хочешь?

Он вспомнил голод. И вкус крови.

– Это не жизнь.

– Но и не смерть. – Ледяные губы вампирши скользили по его шее. – Я могу сейчас тебя убить, светолоб. Но не стану. Я не чудовище. Что бы тебе кто ни говорил.

– Я уже сказал, что больше не светолоб.

Саймон понятия не имел, зачем он с ней спорит. Но ему почему-то было важно сказать это вслух. Что он жив. Что он человек. Что его сердце снова бьется. Особенно сейчас.

– Ты уже был жителем Нижнего мира, – она приподнялась над ним. – И Нижний мир всегда будет твоей частью. Даже если ты забудешь, он не забудет этого никогда.

Он уже было собрался снова спорить, когда из тени в углу зала вылетела длинная золотистая молния и захлестнулась вокруг горла девушки. Вампиршу буквально подняло в воздух, а затем она тяжело рухнула в нескольких метрах от Саймона, с хрустом приложившись головой о цементный пол.

– Изабель? – пробормотал Саймон, растерянно глядя, как Изабель Лайтвуд несется на вампиршу, а в руке ее сверкает ангельский клинок.

Только сейчас, наблюдая за черноволосой охотницей в бою, Саймон понял, как это ужасно, что он утратил воспоминания об Изабель. Как она была прекрасна в своей стихии! Настороженно замершая, распластавшаяся в прыжке или вонзающая клинок в ледяную плоть, девушка казалась богиней, сошедшей с небес и сияющей ярче, чем ее золотой хлыст. Нет, не богиней, мысленно поправил себя Саймон, – ангелом мести, разящим и смертоносным.

Он еще не успел подняться, а с вампиршей было покончено. Еще секунду Саймон видел, как закатываются ее глаза... а теперь остался лишь прах на полу.

– Можешь не благодарить. – Изабель протянула ему руку.

Он даже не взглянул в ее сторону. Стараясь не стонать, поднялся на ноги.

– Зачем ты это сделала?

– Как тебе такой ответ: потому что она чуть не убила тебя?

– Она бы этого не сделала, – холодно отозвался Саймон.

У Изабель отвисла челюсть.

– Ты что, серьезно? Ты злишься на меня за то, что я спасла твою задницу?

Точно. А ведь пока она не спросила, Саймон этого и не понимал. Он злился на Изабель за то, что та убила девчонку-вампира. За то, что он вынужден был принять ее помощь и спасти свою задницу. За то, что она права. За то, что пряталась в темноте, выжидая, пока нужно будет бежать спасать его, – несмотря на то, что он ясно дал понять: между ними ничего нет и быть не может. Злился на эту сверхъестественно сексуальную богиню-воительницу с черными, как вороново крыло, волосами – за то, что она все еще в него влюблена. За то, что придется *снова* с ней порвать.

– Она бы не сделала мне ничего плохого. Она просто хотела *уйти*.

– И что? По-твоему, я должна была ее отпустить? Так, что ли? Знаешь, на тебе свет клином не сошелся, Саймон. Пусть

тебя она убивать и не собиралась, но она убивала детей. Разрывала им горло.

Он не смог ничего ответить. Просто не знал, что чувствовать, о чем думать. Девочка-вампириша – убийца. Хладнокровная убийца во всех смыслах этого слова. Но когда она его обняла, Саймон почувствовал... родную душу. Словно где-то в глубине, среди самых заветных воспоминаний, кто-то прошептал: «Мы с тобой – потерявшиеся дети».

А есть ли в жизни Изабель место тому, кто потерялся?

– Саймон? – голос девушки звенел, как туго натянутая струна. Она напряглась, и Саймон видел, скольких трудов ей стоит сдерживаться и сохранять на лице безразличное выражение.

«Откуда я это знаю?» – подумал он. Глядя на Изабель, он будто раздваивался: один Саймон видел перед собой практически неизвестную незнакомку, второй – девушку, которую прежний Саймон любил так неистово и сильно, что даже пожертвовал ради нее всем, что у него было. И тот, прежний Саймон – часть его самого, пусть и спрятанная за воспоминаниями, – отчаянно, безрассудно хотел сейчас кинуться к Изабель, поднять ее на руки, погрузить пальцы в волосы, утонуть в ее бездонных глазах, в губах, в яростной, всепоглощающей любви...

– Хватит! – рявкнул Саймон, не совсем понимая, к кому обращается – то ли к ней, то ли к себе. – Ты что, подрядилась выбирать за меня, решать, что мне делать и как жить?

Или кем мне быть? Хватит. Сколько еще раз мне это повторить, чтобы меня услышали? Я – не он. И никогда им не буду, Изабель. Он принадлежит тебе, не спорю. Но я – нет. Вечно вы, Сумеречные охотники, суете свой нос куда не просят и хотите, чтобы все было по-вашему. Устанавливаете правила, решаете, что для кого лучше... Но не в этот раз, понятно? Не со мной.

Изабель с томительным спокойствием намотала хлыст на запястье.

– Сдается мне, Саймон, ты что-то путаешь.

Ни единой эмоции не слышалось в ее голосе, и ему вдруг отчаянно захотелось уловить хоть отблеск чувств в ее словах. Но там – ничего: ни боли, ни сдерживаемого гнева. Лишь пустота. Пустота и холод.

– Изабель...

– Я здесь не ради тебя, Саймон. Это моя работа. И мне казалось, ты хочешь, чтобы она стала и твоей тоже. Если ты еще не передумал, тогда советую пересмотреть кое-какие вещи. Например, то, как ты разговариваешь со своим куратором.

– Ку... куратором?

– И раз уж ты поднял эту тему... Ты прав, Саймон. *Такого* тебя я не знаю. Совсем. И почти уверена, что и не хочу знать.

Она шагнула мимо него, задев плечом – коротко, почти незаметно, – выскользнула из здания и растворилась в ночи. Саймон бездумно пялился в темноту, пытаясь решить, нужно ли идти следом за Изабель, но не мог заставить себя сде-

лать ни шагу.

Уходя, девушка со всей силы хлопнула дверью. Та саданула о косяк, и от этого звука Джон Картрайт наконец открыл глаза. Моргнув, он с трудом, опираясь на стену, поднялся.

– Мы справились? – спросил он, заметив маленькую кучу пыли на том месте, где стояла вампирша.

– Да, – устало выдохнул Саймон. – Можно и так сказать.

– О да, мы это сделали, кровосос! – Джон отсалютовал сжатым кулаком. – Когда-нибудь ты будешь гордиться, что сражался плечом к плечу с Картрайтом!

– Я не сказал, что она не нарушила Закон, – кажется, в сотый уже раз объяснил Саймон. – Я сказал: если даже она его и нарушила, почему мы должны были ее убивать?

К тому моменту, как они вернулись в Академию, ужин, конечно, уже закончился. Но в порядке награды за труды ректор смилостивилась и открыла для них столовую и кухню.

Рассевшись за двумя длинными столами, двадцать учеников с жадностью вгрызлись в черствые яичные рулеты и безвкусную шаурму. Академия вернулась к своей традиции подавать на стол блюда национальных кухонь но поваром у них, похоже, работал маг: все блюда как одно казались специально зачарованными, чтобы на вкус ничем не отличаться от собачьего корма.

– Потому что так надо, – пояснил Джон. – Если вампир – да неважно, любая нежить – нарушает Завет, кто-то должен

уничтожить преступника. Только не говори, что ты до сих пор этого не понял.

– А почему бы не посадить его в тюрьму? – упорствовал Саймон. – Или не предать суду Нижнего мира?

– Саймон, ты не понимаешь. Так заведено, – вмешалась Жюли. Он думал, что после того разговора в коридоре прошлой ночью девушка станет относиться к нему мягче, но не тут-то было: в голосе ее то и дело слышались резкие нотки, да и в выражениях она особо не стеснялась. – Тут не действуют ваши тупые простецкие законы. Это Закон, понимаешь? Данный Ангелом. Он выше всего остального.

Джон гордо кивнул:

– *Dura lex, sed lex.*

– Даже если он неправильный? – уточнил Саймон.

– Как он может быть неправильным, если это Закон?

«Молча», – едва не схамил он, но вовремя остановился.

Джон – редкостный кретин и кулаки в ход пускает не задумываясь.

– Понимаете, это звучит так, словно вы все – сектанты, – попытался оправдаться Саймон.

Пальцы его теребили Звезду Давида на шее. Семья Льюисов никогда не была особо религиозной, но отец всегда охотно помогал ему разобраться в воззрениях евреев на мир и понять, что они считают правильным, а что – неправильным.

«У тебя всегда есть пространство для маневра, – говорил он Саймону, – возможность самому понять вещи как они

есть».

Он учил сына задавать вопросы, возражать власти, разбираться в правилах, прежде чем слепо им следовать.

«Умение спорить – благородное наследство еврейского народа, – любил говорить отец. – Оно дано ему Богом».

Саймон невольно задумался: что бы отец сейчас сказал, узнав, что он сидит тут, среди упертых фанатиков, и спорит с ними о каком-то высшем Законе. Что значит быть евреем в этом мире, где по земле разгуливают вооруженные демоны и ангелы и творят на каждом углу свои чудеса? Вести себя так, словно ничего ровным счетом не происходит?

– Закон суров, но это закон, – с отвращением повторил он. – Ну так и что с того? Если закон неправильный, почему бы его не изменить? Знаете, на что был бы похож сейчас мир, если бы люди до сих пор жили по пещерным законам?

– Знаешь, кто разговаривал так же, как ты? – не предвещающим ничего хорошего голосом спросил Джон.

– Дай-ка угадаю. Валентин? – нахмурился Саймон. – А знаешь, как я догадался? Да потому, что во всей вашей истории Сумеречных охотников лишь он один потрудился задуматься и начать задавать вопросы. Ага, точно: я – это он, обязательный, злой и опасный преступник. Я собираюсь устроить революцию. Бегите докладывайте.

Джордж предостерегающе помотал головой.

– Саймон, не надо...

– Слушай, Саймон, если Закон тебе так не нравится, по-

чему ты все еще здесь? – перебила его Беатрис. В голосе девушки слышались совершенно не характерные для нее нотки враждебности. – Ведь *ты* тоже отнимал жизни, чтобы жить самому... – Она резко остановилась, не договорив, и окончание фразы повисло в воздухе.

Наверно, что-то типа «В отличие от нас всех», – предположил Саймон.

– Отличный вопрос. – Он положил вилку и отодвинул стул от стола.

– Эй, ты не доел свою... – Джордж махнул рукой в сторону тарелки Саймона, словно стесняясь назвать *это* едой.

– Аппетит пропал.

Катарина Лосс перехватила его в вестибюле, когда Саймон уже почти добрался до лестницы, ведущей в подвал.

– Саймон Льюис, нам нужно поговорить, – заявила маг.

– А можно мы поговорим утром, мисс Лосс? – попросил он. – У меня сегодня был долгий день, и...

Она помотала головой.

– Да знаю я все про твой день, Льюис. Пошли. Поговорим сейчас.

Небо искрилось множеством звезд. В лунном свете синяя кожа Катарины неярко мерцала, а волосы отливали жидким серебром. Маг настояла, чтобы они вышли на свежий воздух, и Саймону в конце концов пришлось признать, что она была права. Он уже чувствовал себя гораздо лучше – тут,

среди травы и деревьев, под ночным небом. Смена сезонов Идрис не миновала, но тут они совершенно не походили на те, к которым привык Саймон. Здешние времена года представляли собой максимально улучшенную версию обычных земных: каждый осенний день свеж и ярок, в воздухе витают аромат яблок и дым костров, а приближающаяся зима напоминает о себе лишь поразительно чистым небом да легким, приятным морозцем, холодящим щеки.

– Я слышала, что ты сказал за ужином, Саймон, – сказала Катарина, когда они пошли по тренировочному полю.

Он глянул на нее со смесью удивления и тревоги.

– Как вы...

– Я же маг, – напомнила она. – Много чего могу.

Точно. Она маг, а это волшебная школа, – с отчаянием подумал Саймон. – Тут вообще можно хоть где-нибудь уединиться?

– Я хочу рассказать тебе одну историю, Саймон, – продолжала Катарина. – Я не рассказываю ее всем подряд – только немногим, тем, кому доверяю. Надеюсь, ты мое доверие оправдаешь.

Странно, конечно, что она вот так вот запросто хочет довериться ученику, которого едва знает... Но Катарина – маг, и Саймон понятия не имел, на что она на самом деле способна. Наверняка на большее, чем можно себе представить. Так что если он нарушит слово, она об этом наверняка узнает.

И примет меры.

– Ты слушал на занятии историю Тобиаса Эрондейла?

– Я всегда слушаю на занятиях, – ответил Саймон.

Катарина расхохоталась.

– Потрясающе уклончивый ответ, светолоб. Из тебя получился бы отличный фейри.

– Надеюсь, это не комплимент.

Маг таинственно улыбнулась.

– Я не Сумеречный охотник, – напомнила она. – У меня о фейри свое мнение.

– Почему вы по-прежнему называете меня светолобом? Знаете же, что я больше не вампир.

– Мы – то, кем нас делает наше прошлое. Те тысячи решений, которые мы принимаем каждый день. Можно измениться самому, но нельзя изменить того, кем был до этого. – Она предостерегающе подняла палец, словно зная, что он собирается возразить. – Можно забыть о принятых решениях, светолоб. Но отменить их – нельзя. И хорошо бы тебе об этом помнить.

– Вы это хотели мне сказать? – спросил он. Нетерпение в голосе слышалось сильнее, чем Саймону бы хотелось. Почему ему все время считают нужным напоминать, кем он был или кем должен быть?

– Я тебя раздражаю, – заметила Катарина. – К счастью, мне на это плевать. Я расскажу еще одну историю Тобиаса Эрондейла. А слушать меня или нет – решай сам.

Саймон стал слушать.

– Я знала Тобиаса. Знала и его мать еще до его рождения. Наблюдала за ним – ребенком, пытающимся вписаться в свою семью, найти себе место в мире. Эрондейлы – не самый благородный род, как ты, наверное, уже догадался. Среди них много героев, но немало и предателей. И многие Эрондейлы были дерзкими, нахальными, совершенно неуправляемыми людьми, полностью отдающимися своим страстям – неважно, любви или ненависти.

Тобиас оказался... другим. Мягким, милым, ласковым мальчиком, который всегда поступал так, как ему говорили. Его старший брат, Уильям, – вот тот был настоящим Сумеречным охотником из рода Эрондейлов, храбрым и куда более своевольным, чем внук, которого потом назвали в его честь. Иное дело Тобиас. У него не было ни склонности, ни особого таланта к демоноборчеству, да он и не стремился стать Сумеречным охотником. Отец его был суровым человеком, мать – задерганной истеричкой... хотя с таким мужем ее трудно было в этом винить. Будь мальчишка побойчее, он бы, наверное, просто отвернулся от семьи, от ее традиций; решил бы, что не подходит для роли охотника на демонов, и сам бы от всего отказался. Но для Тобиаса это было немыслимо. Родители обучили его Закону, и он твердо усвоил, что должен всегда ему следовать. Казалось бы, обычное дело: у людей такое случается сплошь и рядом, даже если кровь их смешана с ангельской. Правда, Эрондейлы с подобным давненько не сталкивались, но даже если бы пошли какие-ни-

будь нехорошие слухи, отец Тобиаса без труда укоротил бы болтливые языки.

Тобиас вырос, женился... причем удивил всех своим выбором: его женой стала Ева Блэкторн – вспыльчивая девушка с волосами цвета воронова крыла. Ее бы и в голову никому не пришло назвать кроткой. Что-то вроде твоей Изабель.

Саймон внутренне ошетинился. Она больше не его Изабель. Да и вообще непонятно, была ли она хоть когда-нибудь его. Изабель Лайтвуд не тянула на девушку, которая может кому-то принадлежать. И эта черта ее характера нравилась Саймону больше всего.

– Тобиас любил ее совершенно беззаветно. Больше семьи, больше своего долга, больше самого себя. Наверное, именно в этом проявилась кровь Эрондейлов. Ева носила первого их ребенка, когда его отправили в Баварию. Конец этой истории ты уже слышал.

Саймон кивнул. Его сердце снова и снова сжималось при мысли о том, какое ужасное наказание понесли несчастная жена Тобиаса и ее нерожденный ребенок.

– Ласло знает лишь ту часть истории, которая дошла до нас через поколения Сумеречных охотников. Для него Тобиас – не человек и уж тем более не чей-либо предок. Он – так, назидательная сказка, чтобы детишек пугать. И лишь немногие из нас помнят Тобиаса таким, каким он был на самом деле. Добрым милым мальчиком.

– А как вы умудрились узнать его так хорошо? – спросил

Саймон. – Я думал, тогда маги с Сумеречными охотниками не якш... короче, вы поняли. Дел не имели.

Вообще-то Саймон хотел выразиться еще резче, но не стал обижать Катарину. Из «Кодекса» и уроков истории он знал, что в те времена Сумеречные охотники устраивали облавы на магов и других обитателей Нижнего мира, как сейчас некоторые браконьеры охотятся на волков: бездушно, кроваважно и азартно, лишь ради того, чтобы истребить как можно больше.

– Это другая история, – мягко упрекнула его маг. – Я тебе не свою историю рассказываю, а историю Тобиаса. Достаточно сказать, что он действительно был добрым мальчиком, даже с нежитью, и его доброту не забывали. Все, что ты сейчас знаешь – и что знают остальные нефилимы, – так это то, что Тобиас оказался трусом. Что он предал товарищей и бросил их в самый разгар сражения. Но правда никогда не бывает такой... простой, верно?

Тобиас не хотел бросать жену, больную и беременную, но все равно отправился на задание, потому что так ему приказали. В чаще тех баварских лесов он столкнулся с магом, который знал о его страхе – и воспользовался этим знанием против Тобиаса. Маг нашел щель в броне Эрондейла, отыскал путь к его мыслям и убедил Тобиаса, что его жене угрожает ужасная опасность. Показал ему видение – образ Евы, истекающей кровью, умирающей, зовущей мужа на помощь. Тобиас замер, совершенно околдованный и ошарашенный,

а маг кидал в него видение за видением – все ужасы мира. Этого Эрондейл не выдержал – и сбежал. Да, сбежал. Его разум был сломлен. Он бросил товарищей и спрятался в лесу, совершенно ослепленный и мучимый ожившими ночными кошмарами. Как и у всех Эрондейлов, его способность любить без меры и без конца оказалась самым великим его даром – и самым большим проклятием. А когда он решил, что Ева мертва, то сошел с ума. И я знаю, кто в этом виноват.

– Но они же не могли не знать, что его свели с ума! – запротестовал Саймон. – Никто не имел права наказывать его за это!

– Они действительно знали обо всем, – подтвердила Катарина. – Но это не имело никакого значения. Значение имело лишь то, что он изменил долгу. Еве ничто не угрожало – по крайней мере, до тех пор, пока Тобиас не бросил свой пост. Судьба сыграла с ним жестокую шутку: он обрек на невыносимые мучения женщину, за которую не задумываясь отдал бы жизнь. Там, в лесу, маг показывал ему видения будущего – будущего, которое никогда бы не настало, сумеи Тобиас устоять. Но он не сумел. И не сумел сдать Конклаву. И тогда Конклав пришел за Евой.

– Вы там были, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Саймон.

– Была, – Катарина не стала отпираться.

– И даже не попытались остановить их?

– Это было бы напрасной тратой времени. Нефилимам

плевать на Нижний мир. Заступничество нежити для них – пустой звук. Только идиот рискнул бы встать между Сумеречными охотниками и их Законом.

Маг произнесла эти слова как-то странно – с кривой и одновременно печальной улыбкой. Саймон не удержался и спросил:

– И вы... вы и оказались той идиоткой, да?

Она снова улыбнулась.

– Опасно называть магов такими словами, Саймон. Но... да. Я попыталась. Я отыскала Тобиаса – способом, который неизвестен нефилимам. Эрондейл блуждал по лесу, совершенно безумный. Он даже не помнил, как его зовут. – Катарина склонила голову. – Я не смогла спасти ни его, ни Еву. Зато спасла ребенка. Хотя это было непросто.

– Но... как? Где...

– Пришлось изрядно потрудиться. Но, так или иначе, магией и хитростью я проникла в тюрьму Конклава – ту самую, где ты уже однажды сидел. Я вызвала преждевременные роды, а потом наложила на Еву заклятие, чтобы всем казалось, что она все еще носит ребенка. Той ночью это была не женщина, а сталь, нестигаемая и ярко сияющая в темноте, опустившейся на нее. Она не колебалась, не дрожала, ни единым признаком не выдала, как ей страшно, когда ее вели навстречу смерти. До самого конца Ева сохранила наш с ней секрет, так что те, кто казнил ее, даже ни о чем не догадались.

Остальное оказалось куда как легче. Нефилимы редко проявляют интерес к тому, что делается в Нижнем мире, – и надо тебе сказать, эта их слепота для нас бывает весьма кстати. Они даже не заметили, когда я отплыла в Новый Свет с ребенком на руках. Я прожила в Америке двадцать лет, прежде чем смогла вернуться к своему народу и к своей работе. Я видела, как растет этот мальчик. Его уже давно нет на свете, а я в любой момент могу закрыть глаза – и увидеть его лицо, лицо твоего ровесника. Лицо сына Евы и Тобиааса. Он вырос очень милым мальчиком – добрым, как отец, и неистовым, как мать.

Нефилимы верят в необходимость соблюдения строгих законов и считают, что платят за это подобающую цену, но из-за своего высокомерия не осознают истинной цены того, что творят. Их мир многое потерял, лишившись этого мальчика. Он любил как простец, жил как простец, и жизнь его стала чередой маленьких благородных поступков и подвигов – которые, конечно же, практически ничего не значат для Сумеречных охотников. Но они его не заслуживали. Я оставила его в мире людей – как подарок простецам от нефилимов.

– То есть где-то живут другие Эрондейлы? Поколения Эрондейлов, о которых никто ничего не знает? – Саймон вспомнил цитату из Талмуда, которую часто произносил его отец: «Тот, кто спасает одну жизнь, спасает целый мир».

– Ну, отрицать не берусь, – ответила Катарина. – Уверена

только, что мальчик так никогда и не узнал, кто он такой. Это был самый верный способ его спасти. Если его род продолжился, потомки его точно не догадывались о своем происхождении и жили как простецы. И только сейчас, когда Сумеречных охотников осталось так мало, Конклав с радостью бы принял под свои знамена потомков Эрондейла. Может, кто-нибудь из нас и даст нефилимам какую-то подсказку... когда придет время.

– Зачем вы мне это рассказали, мисс Лосс? К тому же именно сейчас?

Катарина остановилась и повернулась к нему. Серебристо-белые волосы взметнулись от порыва ветра.

– Спасая того ребенка, я совершила ужасное, непростибельное преступление... по крайней мере, если верить Закону. Если об этом кто-нибудь узнает, даже сейчас... – Она тряхнула головой. – Но тогда же я сделала самый смелый выбор в своей жизни. И горжусь этим. Договор связывает меня по рукам и ногам, Саймон, – точно так же, как любого из нас. И я изо всех сил стараюсь соблюдать букву Закона. Но решения я принимаю сама. Ибо всегда есть закон, который выше любого из данных нам.

– Вы так говорите, словно все это проще простого, – пробурчал Саймон. – Вы настолько уверены в себе и в своей правоте, что вам плевать на Закон?

– Нет, это непросто, – покачала головой Катарина. – И нет, мне не плевать. Но для меня это значит быть живой. Запом-

ни, что я сказала, Саймон. Каждое решение, которое ты принимаешь, меняет тебя самого. Поэтому никогда не позволяй никому указывать, кем тебе нужно быть.

Возвращаясь к себе в комнату, Саймон чувствовал, что после разговора с магом его мозг ушел в глухой штопор. Так что он даже не сразу удивился, увидев в коридоре Джорджа.

Шотландец сидел прямо на полу и увлеченно читал «Кодекс».

– Джордж? – Саймон глянул на соседа сверху вниз. – А в комнате ты что, уже не помещаешься? Здесь же темно! А слизи тут на полу нет? – Он вздохнул. – Хотя на том спасибо.

– Она сказала, я должен ждать за дверью, – пояснил Джордж. – Типа, вам двоим надо поболтать тет-а-тет.

– Кто сказала?

Дурацкий вопрос. Кто еще это мог быть?

Прежде чем Джордж успел ответить, Саймон распахнул дверь и шагнул внутрь.

– Изабель, не хватало еще, чтобы ты выкидывала моего со...

Он остановился так резко, что едва не потерял равновесие.

– Это не Изабель, – донеслось с его кровати.

Рыжие, как огонь, волосы девушки выбились из небрежного пучка, в который некогда были убраны. Она лежала на животе, болтая ногами в воздухе, с таким видом, словно она

не в постели Саймона, а у себя в спальне. Впрочем, если ей верить, так в этом не было ничего особенного – она полжизни околачивалась в его кровати.

– Что ты тут делаешь, Клэри?

– Провесила портал, – ответила она.

Саймон выжидательно кивнул. Он рад был ее видеть – если забыть о боли, ворочающейся в сердце. Впрочем, в этом тоже нет ничего особенного. Саймон невольно задавался вопросом, пройдет ли эта боль хоть когда-нибудь и сможет ли он наслаждаться дружбой с Клэри. В том, что дружба эта никуда не делась, он был уверен. Она как трава под снегом, только и ждущая, чтобы наступила весна.

– Слышала, что сегодня произошло. С вампиршей. И с Изабель.

Саймон опустился на кровать Джорджа, стараясь не смотреть девушке в глаза.

– Я в порядке, понятно? Никто меня не кусал. Не царапал. Приятно, конечно, что ты обо мне заботишься, но нельзя же вот так запросто нестись сюда по малейшей причине и...

Клэри фыркнула.

– Да уж, эго твое точно не пострадало, Саймон. Я здесь не потому, что беспокоюсь о тебе.

Он удивленно охнул.

– Тогда поче...

– Я беспокоюсь об Изабель.

– Уверен, что она уже большая девочка и сможет сама о

себе позаботиться.

– Ты ее не знаешь, Саймон. В смысле, теперь не знаешь. А если она пронюхает, что я была здесь, она меня точно прикончит. Но... слушай, ты не мог бы хотя бы попытаться быть с ней повежливее? Ну пожалуйста?

Саймон пришел в ужас. Он знал, что разочаровал Изабель, что сам факт его существования ее постоянно расстраивает. Ведь она хочет видеть на его месте другого Саймона. Но он и подумать не мог, что ему вот такому, негероическому, невампирскому, несексуальному воплощению Саймона Льюиса, под силу огорчить Изабель Лайтвуд.

– Прости, – выдавил он. – Скажи ей, что я прошу прощения!

– Ты издеваешься? Не слышал разве, что я сказала? Изабель меня прибьет, если узнает, что я об этом с тобой разговаривала. Я ей ничего не скажу. Зато говорю тебе. Будь с ней поаккуратнее. Она куда слабее, чем кажется.

– А по-моему, она самая сильная девушка из всех, которых я когда-либо встречал, – заметил он.

– Так и есть, – подтвердила Клэри, спрыгивая на пол. – Короче, я... в смысле, я знаю, что ты не очень-то рад, что я вот так сюда завалилась, и...

– Нет, вовсе нет...

– Нет уж, я это точно знаю, просто...

– Прости...

– Прости...

Они дружно расхохотались. И Саймон почувствовал, как что-то расслабилось в груди, – какой-то мускул, о существовании которого он даже не подозревал.

– Кажется, у нас еще никогда не случилось вот такой... неловкости, да?

– Никогда, – печально улыбнулась Клэри. – Всякое бывало, конечно, но не это.

Все еще смеясь, он пытался представить, каково это – чувствовать себя с девушкой вот так непринужденно. Особенно с такой девушкой, как Клэри, – симпатичной, храброй и светлой.

– Как бы там ни было, уверен, что мне все нравилось.

– Надеюсь, что так, Саймон.

– Клэри... – Ужасно не хотелось ее отпускать, но он никак не мог придумать, что бы еще сказать, чтобы она осталась еще на пару минут. – Ты знаешь историю о Тобиасе Эрондейле?

– Ее все знают, – отозвалась она. – Видимо, из-за Джейса...

Саймон моргнул, припоминая: Джейс – Эрондейл. Последний из Эрондейлов. Или, по крайней мере, он так думает.

Но что, если на самом деле у него есть родственники, о которых все позабыли? Захотел бы Джейс об этом знать? Имеет ли Саймон право рассказать ему или Клэри то, что услышал от Катарины?

Он представил себе потерянного ребенка Эрондейлов – юношу с золотыми, как у Джейса, глазами. Представил, как живется его потомкам, ничего не знающим ни о Сумеречных охотниках, ни о позорном наследии своего предка. Может, они и обрадуются, узнав, кто они такие на самом деле. А может, наоборот. Если Клэри с Джейсом постучатся к ним в дом и примутся рассказывать об ангелах, демонах и семейном безумстве этой семейки, вечно играющей в прятки со смертью, быть может, эти люди просто-напросто заткнут уши и не пожелают ничего слышать.

Порой Саймон задавался вопросом: а что бы случилось, если бы Магнус его не нашел? Не предложил бы вновь вернуться в Сумеречный мир? Конечно, он бы тогда жил в мире лжи... но то была бы счастливая ложь. Можно было бы поступить в колледж, по-прежнему играть в группе, флиртовать с девчонками, от взгляда на которых его не бросает в дрожь, видеть лишь поверхность вещей, даже не догадываясь о темноте, что лежит за ними. В той, другой жизни ему не пришлось бы даже спрашивать себя, стоит ли поведать Клэри историю Эрондейлов, – они наверняка делились бы друг с другом абсолютно всем.

Саймон тоскливо напомнил сам себе, что здесь и сейчас их даже друзьями можно назвать лишь с большой натяжкой. Она – незнакомка, которая почему-то его любит; но это не мешает ей оставаться для него совершенно неизвестным человеком.

– И что ты об этом думаешь? – спросил он. – Что, по-твоему, Конклав сделал с женой и ребенком Тобиаса?

– А как *ты* думаешь, что я думаю? – вопросом на вопрос откликнулась Клэри. – Учитывая, кем был мой отец? И учитывая, что случилось с родителями Джейса? Как он вообще это пережил? Неужели не очевидно, что я думаю?

Должно быть, тому, кто знал их истории, и было очевидно, но не Саймону.

Она помрачнела.

– Ой.

Наверное, у него все на лице написано, раз Клэри так смутилась. Смутилась – и расстроилась, словно он снова напомнил девушке о том, кого она хотела видеть – и кем Саймон не мог быть.

– Неважно. Давай тогда просто говорить о том, что я думаю. Я думаю, что Закон – это, конечно, важно, но... Но не только он один на свете имеет значение. В смысле, если бы мы бездумно ему следовали, то никогда бы...

– Что «никогда бы»?

Она помотала головой.

– Нет. Я обещала самой себе, что больше не буду этого делать. Тебе не нужны наши воспоминания и наши истории о том, что произошло с тобой прежним. Ты должен сам разобраться, кто ты сейчас такой, Саймон. Я хочу, чтобы ты уже наконец обрел свободу. Я хочу этого ради тебя.

Он молчал, потрясенный тем, как хорошо Клэри его по-

нимала. Знала, чего он хочет, еще до того, как он решился бы об этом попросить.

В голову пришел вопрос, который он хотел задать с самого своего первого дня в Академии. Но раньше Саймон побоялся бы его задать. А сейчас осмелел.

– Клэри, послушай. Тогда, когда мы были друзьями... до того, как ты узнала о Сумеречных охотниках и обо всей этой фигне... мы с тобой тоже были... похожими?

– В каком смысле «похожими»?

Он пожал плечами.

– Ну, не знаю... любили одинаковую музыку, комиксы... ненавидели физкультуру.

– Ты хочешь сказать, были ли мы оба неуклюжими задротами? – Она снова рассмеялась. – Определенно, были.

– Но сейчас ты... – Саймон махнул рукой в сторону накачанных рук девушки, не в силах описать, как изящно и грациозно она теперь двигалась. – Ты выглядишь как амазонка-воительница.

– Правда? В самом деле? Что ж, Джейс – хороший тренер. Да и стимул ускориться у нас был, как-никак. Надо было спасти мир от апокалипсиса и все такое. Причем дважды.

– Точно. А еще, как мне кажется, это у тебя в крови. В смысле, иначе ты бы не справилась так быстро.

– Саймон... – Клэри сощурилась, вдруг поняв, куда он клонит. – Ты ведь не думаешь, что Сумеречный охотник – это тот, у кого бицепсы больше, правда? А не то это милое

заведение называли бы Академией бодибилдинга.

Он потер ноющие мышцы.

– Как по мне, они просто не хотят признать правду.

– Саймон, тебя бы здесь не было, если бы там, наверху, решили, что ты не подходишь. Но в тебе есть все, что нужно, чтобы стать Сумеречным охотником. Поэтому ты здесь.

– Ты хочешь сказать, в *том Саймоне* было все, что нужно, – поправил ее Саймон. – В парне с вампирской суперсилой и... что там еще такого крутого в вампирах-то?

Клэри подошла к нему совсем близко и ткнула кулаком в грудь. Больно.

– Нет, Саймон. В *тебе*. Ты вообще в курсе, как нам удалось зайти так далеко в демонические измерения? Приблизиться к Себастьяну настолько, чтобы попытаться его убить?

– Понятия не имею. Но что-то мне подсказывает, что там не обошлось без большой махаловки с демонами...

– Не без того. Но махаловка получилась так себе, если честно. Потому что ты придумал план получше, – объяснила она. – Годы «Подземелий и драконов» не прошли даром.

– Подожди... Что, серьезно? Ты хочешь сказать, что тамошние штучки сработали и в реальной жизни?

– Именно это я и сказала. А еще сказала, что ты спас нас, Саймон. И не один раз. Не потому, что ты был вампиром. Не потому, что владел какими-то суперспособностями. А потому, что ты был самим собой. Тем же, кем остался до сих пор.

Клэри отступила от него и глубоко вдохнула.

– Обещала же себе, что не буду больше этого делать, – с бессильным отчаянием сказала она. – Ну как же так...

– Нет, – перебил он. – Я рад, что ты это сделала. Рад, что пришла.

– Ага, но сейчас мне надо смываться отсюда, пока не заметили, – усмехнулась девушка. – Но попробуй все-таки быть помягче с Иззи, ладно? Знаю, тебе не понять, но... каждый раз, когда ты смотришь на нее как на незнакомку, ей... ей словно метку каленым железом выжигают. Очень больно, поверь.

Это прозвучало с такой уверенностью и печалью, будто Клэри *знала*, о чем говорила.

Будто разговор шел уже не только об Изабель.

И тогда Саймон впервые это почувствовал. Не привычный уже приступ нежности, которые он часто испытывал при виде улыбки на лице Клэри, а стремительный, захлестывающий все и вся вал любви. Настолько мощный, что Саймон едва устоял на ногах.

Впервые – или ему казалось, что впервые, – девушка, стоявшая перед ним, перестала быть незнакомкой. Теперь это была Клэри, его настоящий друг. Его семья. Девушка, которую он когда-то поклялся защищать. Девушка, которую он любил так же сильно, как самого себя.

– Клэри... Когда мы с тобой дружили, это ведь было классно, да? В смысле, я ведь это не придумываю? Мне правда почему-то кажется, что мы принадлежали друг другу.

Поддерживали друг друга, да? И нам было хорошо вместе...

Ее улыбка, до того печальная, вдруг переменялась. Клэри посмотрела на него с той же уверенностью, которую он теперь и сам ощущал. Они действительно связаны – крепко-на-крепко. Словно Саймон нашел какой-то переключатель, и девушку озарил неземной, ангельский свет.

– Ох, Саймон, – она покачала головой, еле сдерживая смех. – Мы с тобой были просто великолепны.

Кассандра Клэр, Робин Вассерман

Дьявол из Уайтчепела

– Угадай, что я вижу, – потребовал Джордж. – Начинается на «с».

– Слизь, не? – предположил Саймон.

Он лежал навзничь у себя на кровати в комнате, которую делил с Джорджем. Джордж валялся на соседней койке. Оба задумчиво пялились в темноту – в основном на потолок. Не очень увлекательное занятие – учитывая, что потолок лопался от грязи.

– У тебя всегда ответ – «слизь».

– Не всегда, – возразил Джордж. – Один раз была «пле-сень».

– Не понимаю, чем они отличаются. И меня бесит, что я должен об этом думать.

– И все-таки это не «слизь».

Саймон на минуту задумался.

– Слепозмейка? Фу, какая гадость! Нет, только не это!

Он рефлекторно поджал ноги.

– Слепозмейка? Нет! Ну вот, теперь я вообще ни о чем, кроме змей, думать не могу. В Идрисе водятся змеи? Я думал, их давно отсюда выгнали...

– Это из Ирландии их выгнали, – возразил Саймон. – Еще во времена святого Патрика.

– Одно другому не мешает. Да нет, конечно, не может тут

быть никаких змей. Или все-таки?..

В мягком шотландском выговоре Джорджа теперь отчетливо слышалась дрожь.

– Интересно, а еноты в Идрисе водятся? – попробовал сменить тему Саймон. Поерзал на узкой кровати, пытаясь устроиться поудобнее. Бесплезно. Как ни ложишься – все равно жестко. – В Нью-Йорке вот енотов полно. Залезают везде. Умеют открывать двери. Я читал в интернете, что они даже ключами пользоваться научились.

– Не люблю змей. Змеям и ключи не нужны.

Саймон на несколько секунд замолк. Поймал себя на мысли, что «Змеям не нужны ключи» – клевое название для альбома. Сначала звучит классно, а потом становится обыкновенным, и ты думаешь: «А с чего вдруг оно показалось классным? Наверно, это неспроста, что-то в нем есть».

– Ну, так что это? – спросил он.

– В смысле «что это»?

– Ну, что там начинается на «с»?

– Саймон.

Вот в такие тупые игры приходится играть, если живешь в подвале Академии Сумеречных охотников – или, как они теперь называли это место, на этаже вечной сырости. Джордж уже миллион раз проехался на тему того, как жалко, что они не слизни – тогда бы здешние условия подошли им идеально. Пока Академия стояла закрытой, тут прижилось полным-полно разных существ, и Саймон с Джорджем давно

уже с этим смирились. Они больше не паниковали, заслышав шебуршение за стеной или топот маленьких лапок под кроватью. Все это было не страшно, если только странная возня не доносилась прямо из кровати – что, надо признаться, случалось уже не раз.

Считалось, что простецов (или отстой, как их тут часто называли) поселили в подвале потому, что это – самое безопасное место в Академии. И Саймон не сомневался, что так оно и есть, – вот только это была не вся правда. Настоящая причина крылась в другом – в потрясающем снобизме Сумеречных охотников. Высокомерие было у них в крови.

Но Саймон сам хотел попасть сюда – и в Академию, и к простецам, – так что жаловаться было совершенно бессмысленно.

Без интернета, без телефонов, без телевизоров ночи здесь могли быть очень длинными. Когда гасили свет, Саймон с Джорджем часто болтали в темноте – вот как сейчас. Иногда они просто лежали, каждый на своей кровати, в тишине, зная, что сосед рядом. Это было... важно. Саймону становилось легче от того, что он не один в этой комнате, что Джордж тоже здесь. Он вообще не знал, смог ли бы вынести одиночество.

И дело не только в холоде, в крысах или в плесени и слизи. Дело в том, *что* творилось у него в голове. Внутренние голоса становились громче. Отрывки воспоминаний всплывали, как кусочки давно забытых песен. Воспоминания об

огромной радости и об ужасающем страхе, которые зачастую не соединялись ни с какими событиями или людьми. То были просто чувства, ощущения, обступавшие его в темноте со всех сторон.

— А ты когда-нибудь замечал, — продолжал Джордж, — что здешние одеяла всегда кажутся сырыми, даже если ты точно знаешь, что они сухие? Я ведь из Шотландии и знаю, что такое шерсть. Знаю, что такое овцы. Так вот, я тебе точно говорю: *это* — не шерстяные одеяла. Это вообще какая-то демоническая шерсть. У меня после этих кроватей наутро суставы ноют.

Саймон промычал в ответ что-то нечленораздельное, почти не обращая внимания на слова Джорджа. Подобные разговоры они вели каждую ночь. Темы оставались неизменными: слизь, плесень, обитатели здешних стен, грубые одеяла, холод.

Мысли Саймона унеслись в совершенно ином направлении. Совсем недавно его навестили две девушки. И с обеими он облажался.

Изабель и Клэри. Два самых важных (по крайней мере, насколько он мог судить) человека в его жизни. Изабель пришла, чтобы заявить на Саймона свои права, а он велел ей убираться. И до сих пор не мог понять, зачем он это сделал. Ясно только одно: невозможно вернуть все, как было раньше. Тем более что он попросту не может вспомнить, *как именно* все было.

На тренировочном задании Изабель появилась снова – и уничтожила вампиршу, которая собиралась его убить. И сделала это так хладнокровно! И так холодно потом держалась с ним, Саймоном...

А потом пришла Клэри. «Будь с Изабель помягче, – сказала она. – Она куда слабее, чем кажется».

Кто бы мог подумать, что Изабель – надменная Сумеречная охотница, своим золотым хлыстом способная рассечь демона напополам, – на самом деле куда слабее, чем кажется?

Чувство вины не давало Саймону уснуть.

– Опять Изабель? – спросил Джордж.

– Как ты узнал?

– Рассудил логически. Сначала она появилась и пригрозила превратить в фарш любого, кто к тебе приблизится. Хотя вы с ней сейчас, похоже, даже не разговариваете. А потом завалилась Клэри, чтобы поговорить с тобой – об Изабель. Ну и вдобавок ты бормочешь во сне ее имя.

– Правда?

– Иногда. То ли «Изабель», то ли «карусель». Может, и то и другое.

– Ну и что мне с этим делать? Я даже не знаю, стоит ли вообще с этим что-то делать.

– Я тоже не знаю, – ответил Джордж. – Может, завтра придумаешь? Утро вечера мудренее. Лучше попробуй поспать.

Повисла долгая тишина. А потом...

– Здесь наверняка есть змеи, – заявил Лавлейс. – Самое

место для змей! Тут холодно. И камень кругом, и куча дырок, куда можно влезать и вылезать. Полчища мышей на еду... Господи, почему я все еще разговариваю? Саймон, заставь меня заткнуться...

Нет уж, лучше его не останавливать. Даже бредни о змеях, живущих с ними в одной комнате, были куда приятнее, чем те мысли, что сейчас осаждали голову Саймона.

Времена года в Идрисе сменялись так же четко и определенно, как в Нью-Йорке, но не причиняли таких неудобств. Зима в Нью-Йорке – горы замерзшего мусора и слякоть; лето – асфальт, плавящийся от жары, и капающие кондиционеры, от которых возникает ощущение, будто тебя сверху оплевали. А Идрис – это уютная зелень в теплую погоду и бодрость и спокойствие в морозы. Здесь всегда пахнет свежестью и горящими в камине дровами.

То есть почти всегда. Иногда по утрам случались и настоящие бури – как на этой неделе, например. Порывы ветра жалили, как осиный рой. Холод забирался под одежду. Экипировка Сумеречных охотников, даром что удобная для тренировок, практически не грела. Легкая, дающая свободу движений, она была именно такой, каким должно быть боевое облачение, но совершенно не годилась для того, чтобы торчать в ней посреди болота в семь утра, когда солнце едва встало.

Саймон думал о толстой домашней куртке, о шерстяном

одеяле, вообще обо всем теплом, что приходило в голову. Завтрак – субстанция, видом похожая на овсянку, а по сути – настоящий клей, – комом давил на желудок.

Кофе. Вот что ему нужно сегодня утром.

В Идрисе нет кофеен. Некуда зайти и заказать чашечку горячего, дымящегося, бодрящего кофе. На завтрак в Академии давали слабый чай – Саймон подозревал, что это и не чай вовсе, а разведенный суп, один из тех отвратительных супов, которые варили на здешней кухне. Он готов был поклясться, что сегодня утром нашел у себя в кружке картофельную кожуру. И надеялся, что это была именно картофельная кожура, а не что-то похуже.

Чашку кофе из «Джавы Джонса». Неужели он требует от жизни невозможного?

– Видите дерево? – рявкнул Делани Скарсбери, тыча пальцем вперед.

Из множества вопросов, которые тренер по физической подготовке задал им за последние несколько месяцев, этот относился к разряду самых логичных и понятных – и все-таки совершенно сбивал с толку. Конечно, все ученики ясно видели дерево – единственное на этом участке поля. Высокое, чуть накренившееся влево.

«Утро со Скарсбери» – так могло бы называться какое-нибудь утреннее радишоу для чудаков. Но в Академии так называлась попытка, придуманная лишь для того, чтобы воссоздать условия боя с демонами и научить учеников сражать-

ся. Впрочем, как ни крути, «пытка» работала: Саймон сейчас чувствовал себя в гораздо лучшей форме, чем в первые дни занятий.

– *Видите дерево?*

Вопрос был настолько очевиден, что в первый раз никто на него не ответил. На этот раз все дружно пробормотали, что да, они видят дерево.

– Значит, вот что вы сейчас будете делать, – удовлетворенно продолжал Скарсбери. – Вы залезаете на дерево, проходите вот по этому суку, – он показал на толстую ветвь, метрах в пяти над землей, – и прыгаете.

– Ни за что, – буркнул Саймон, и не он один. Толпа учеников недовольно загудела. Никого не привлекала перспектива карабкаться на дерево, а потом специально с него падать.

– Утро доброе.

Голос казался до ужаса знакомым.

Саймон обернулся и увидел за спиной у себя ухмыляющегося Джейса Эрондейла.

Парень держался совершенно спокойно и непринужденно. Легкая экипировка Сумеречного охотника, судя по всему, не доставляла ему неудобств. Оно и понятно: нефилимы могут наносить себе на кожу согревающие руны. И никакие гипоаллергенные пуховики им не нужны. Шапку Джейс тоже не носил: его идеально взъерошенные золотые волосы изящно развевались на ветру. Он держался позади, поэтому его пока что никто не заметил – все сосредоточенно внимали

воплям Скарсбери, тычущего пальцем в дерево и пытающегося перекричать ветер.

– И с чего вдруг тебя сюда принесло? – Саймон дул на руки, пытаясь их согреть.

Джейс пожал плечами.

– Исключительно из благородных побуждений. Протянуть вам изящную и сильную руку помощи, – сострил он. – Не могу отказать новому поколению Сумеречных охотников хотя бы одним глазком посмотреть на то, чего они могли бы добиться, если бы им очень, очень, очень повезло.

Саймон на секунду прикрыл глаза.

– Ты просто хочешь произвести впечатление на Клэри, – наконец заявил он. – Ну, и заодно проверить, как я тут.

– Во имя Ангела, он стал телепатом! – Джейс притворно отшатнулся. – Но вообще-то, с тех пор как ваши преподаватели разбежались, мы просто вносим свою лепту. Каждый из нас. Я вот помогаю с тренировками, нравится тебе это или нет.

– Хм-м, – пробормотал Саймон. – Не нравится.

– Да ладно, пошли, – Джейс хлопнул его по плечу. – Раньше тебе нравилось.

– Неужели?

– Ну, может быть, – поправился нефилим. – Во всяком случае, ты не возражал. Хотя подожди. Нет, возражал. Что ж, я ошибся, с кем не бывает. Но ты не бойся, это легко. Просто тренировочное задание.

– На последнем таком задании, насколько мне помнится, требовалось убить вампира. А на предпоследнем я лично наблюдал, как стрела вонзилась ученику в колено.

– Я видал и похуже. Шевелись давай. Развлечемся.

– Ничего развлекательного тут нет, – заметил Саймон. – Это же не Академия Развлечений, иначе я бы знал. Я однажды играл в группе под названием «Академия Развлечений».

– А помогать вам сегодня утром, – орал Скарсбери, – будет опытный и очень хорошо подготовленный Сумеречный охотник – Джейс Лайтвуд Эрондейл!

Еле слышное аханье прокатилось по группе учеников. Раздались нервные смешки, и все головы повернулись к Джейсу. Девчонки вздыхали – да и некоторые парни тоже. Это напомнило Саймону рок-концерты: казалось, еще мгновение – и толпа разразится воплями, совершенно не подобающими потенциальным Сумеречным охотникам.

Улыбка Джейса стала шире. Он выступил вперед. Скарсбери, кивнув в знак приветствия, отошел в сторону и сложил руки на груди. Джейс секунду разглядывал дерево, потом небрежно прислонился к стволу.

– Когда падаешь, вся штука в том, чтобы не упасть, – начал он.

– Замечательно, – выдохнул Саймон.

– На самом деле ты не падаешь. Ты просто спускаешься самым быстрым из всех возможных способов. Ты контроли-

руешь свое снижение. Сумеречный охотник не падает – он спускается. Основные приемы, как это делать, вы уже знаете...

Саймон вспомнил, что за несколько дней до того Скарсбери, перекрикивая ветер, говорил какие-то фразы, которые, наверное, могли считаться инструкциями по правильному падению. Что-то вроде «не напоритесь на камни» и «только не на спину», а еще – «если только ты не клинический идиот, чем, к сожалению, могут похвастаться далеко не все из вас».

– ...Так что давайте просто возьмем теорию и превратим ее в практику.

Джейс ухватился за ствол, вскарабкался по нему с ловкостью обезьяны и, добравшись до нужной ветки, непринужденно выпрямился.

– Теперь, – обратился он к ученикам, – я смотрю вниз. Выбираю место приземления. Берегите голову, не забывайте об этом. Если есть возможность разбить прыжок на несколько, если есть любая поверхность, на которой можно устроить промежуточную остановку, – используйте ее, если только это не опасно. Избегайте острых камней и веток – они могут вас поранить или, не дай ангел, проткнуть насквозь. Согните колени. Расслабьтесь. Если отталкиваетесь рукой, опирайтесь на всю ладонь. Но лучше, конечно, так вообще не делать. Подожмите ноги и перекачивайтесь. Сохраняйте импульс, но гасите силу толчка. Примерно вот...

Джейс изящно шагнул с ветки вниз и приземлился с при-

глушнным стуком, тотчас перекатился и миг спустя уже снова стоял на ногах.

– ...так.

Он легко встряхнул волосами, и Саймон заметил, что кое-кто из учеников покраснел. Марисоль – та и вовсе на несколько секунд спрятала лицо в ладонях.

– Отлично, – похвалил Скарсбери. – Вот это вы и должны проделать. Джейс будет помогать.

Джейс расценил его слова как сигнал к действию и вновь полез на дерево. До чего же просто и элегантно у него это получалось! Оказавшись наверху, он удобно устроился в развилке ветвей, болтая ногами.

– Кто первый?

Все замерли.

– А, ладно. Надо просто покончить с этим побыстрее, – глухо пробормотал Джордж, поднял руку и сделал шаг вперед.

Хотя в ловкости Лавлейс явно уступал Джейсу, на дерево он забрался довольно быстро. Только слишком часто перехватывался, и ноги несколько раз соскользнули. Фразы, которыми Джордж при этом комментировал свои действия, унесло ветром, но Саймон не сомневался, что к цензурным они не относились.

Когда Лавлейс добрался до нужной ветки, Джейс отклонился, чтобы дать ему место. Джордж некоторое время изучал ветку – одинокий сук, протянувшийся над землей.

– Давай, Лавлейс! – рявкнул Скарсбери.

Саймон видел, как Джейс наклонился и что-то посоветовал Джорджу – тот все еще цеплялся за ствол. Дождавшись кивка, Лавлейс отпустил дерево и сделал несколько осторожных шагов по ветке. Снова остановился, ловя равновесие в налетевшем порыве ветра. Потом посмотрел вниз и со страдальческим выражением лица шагнул вперед.

И тяжело шмякнулся на землю. Звук его падения был гораздо громче, чем тот, с которым приземлился Джейс, но Джордж так же, как и он, перекатился и встал на ноги.

– Неплохо, – оценил Скарсбери.

Лавлейс похромал обратно к Саймону, растирая ушибленную руку.

– Ты точно не захочешь этого делать, – подойдя, шепнул он.

Саймон уже и сам это понял. А подтверждение лишь уничижило последние остатки решимости.

Он смотрел, как одноклассники один за другим поднимаются на дерево. Некоторые – только после десяти минут кряхтения, хватания за все подряд, падений с полдороги. Последнее неизменно вызывало громкие крики Скарсбери: «Я же говорил, не на спину!» Джейс все время торчал на дереве, словно расфуфыренная птица, сверкая улыбкой тем, кто карабкался снизу. Порой он нацеплял на лицо изящно-скужающее выражение и принимался разгуливать по ветке взад-вперед – видимо, чтобы развлечься.

Когда очередь дошла до Саймона, не осталось больше никаких поводов оттягивать неизбежное. Он подошел к дереву.

Джейс ухмылялся, глядя на него сверху вниз.

– Это легко. Ты наверняка делал это в детстве тысячу раз. Так что просто залезай, – скомандовал он.

– Я из Бруклина, – напомнил Саймон. – Мы по деревьям не лазим.

Джейс пожал плечами. Отговорки тут явно не помогут.

Первое, что Саймон понял почти сразу, – дерево было абсолютно прямым. Наклон оказался обманом зрения. Грубая кора врезалась в ладони и в то же время ужасно скользила, так что всякий раз, как Саймон пытался найти опору, ноги безнадежно срывались. Он попробовал подражать Джейсу с Джорджем, – те, казалось, лишь чуть-чуть касались коры, – но быстро понял, что это бесполезно. Пришлось обхватить ствол изо всех сил. Но пусть и таким варварским методом, дрыгая ногами, как лягушка, и обдирая о кору лицо, он все-таки понемногу забирался вверх.

Преодолев уже три четверти пути, Саймон почувствовал, что ладони взмокли от пота и начинают соскальзывать. Близость падения наполнила душу внезапной паникой, и Саймон вцепился в ствол еще сильнее.

– Ты отлично справляешься.

По голосу Джейса он понял, что ни о каком «отлично справляешься» тут даже речи не идет. Но должен же был нефилим сказать хоть что-нибудь ободряющее!

В конце концов Саймон все-таки добрался до злополучной ветки. Последние отчаянные его усилия, должно быть, не очень-то здорово смотрелись снизу. Как минимум раз или два, он точно знал, зад его повисал над землей в весьма неприглядной манере. Но он все-таки справился.

Теперь нужно было встать. Эту задачу Саймон разрешил точно так же – вцепившись обеими руками в ствол.

– Хорошо, – чуть усмехнулся Джейс. – Теперь просто иди ко мне.

С этими словами Лавлейс отступил по ветке, освобождая место Саймону. Саймон вытаращил глаза: Джейс шел спиной вперед!

Отсюда совсем не верилось, что до земли всего пять метров. Саймону казалось, он забрался под небеса. Ветка под ногами была круглой, неровной, скользкой – короче говоря, совершенно не предназначенной для прогулок. Особенно в кроссовках, которые Саймон сегодня надел.

Но он уже забрался слишком далеко и решил, что не позволит Джейсу выделываться, разгуливая по ветке вперед спиной, пока он сам так позорно цепляется за ствол. Саймон выпрямился. Спуск обратно по стволу не сулил ничего хорошего, так что оставался только один путь. И этот путь, по крайней мере, будет самым быстрым.

Он сделал шаг. Ноги и руки тут же затряслись.

– Смотри вверх, – резко приказал Джейс. – Смотри на меня.

– Мне нужно видеть...

– Тебе нужно смотреть наверх, чтобы сохранять равновесие. *Смотри на меня.*

Джейс перестал ухмыляться. Саймон поднял глаза на нефилима.

– Теперь сделай еще шаг. Не смотри вниз. Твои ноги сами найдут опору. Раскинь руки в стороны для равновесия. Не думай пока о том, что внизу. Глаза – на меня.

Как ни странно, это сработало. Саймон сделал по ветке шесть шагов и сам удивился, что стоит вот так, раскинув руки, словно крылья самолета. Ветер здесь дул куда сильнее, чем внизу.

Он стоял на ветке. Вместе с Джейсом.

– Теперь повернись лицом к Академии. Не отводи глаз. Используй Академию как горизонт. Равновесие можно держать только так – выбрать точку и сосредоточиться на ней. Перенеси вес чуть вперед – если не хочешь сейчас кувыркнуться назад.

Нет уж. Такого Саймон точно не хотел.

Он чуть подвинулся, приставив одну ногу к другой. Потом повернулся, чтобы отыскать взглядом каменную громаду Академии и своих товарищей по несчастью, толпившихся внизу и не сводящих с него глаз. Особого восхищения на лицах он не заметил, только Джордж поднял большие пальцы.

– Теперь, – продолжал Джейс, – чуть согни колени. А дальше просто сделай один большой шаг вперед. Не прыгай,

а шагни. Одной ногой. И когда начнешь падать, держи ноги вместе и расслабься.

Это определенно не самое сложное из того, что Саймону выпадало в жизни. Он точно знал, что ему приходилось совершать и куда более трудные поступки. Например, драться с демонами и возвращаться с того света. Так что прыжок с дерева однозначно не должен вселять в него такой ужас.

Саймон шагнул в воздух и тут же почувствовал, как мозг отреагировал на новую информацию – *там ничего нет, не делай этого, там ничего нет...* Но импульс движения уже скинул его вторую ногу с ветки, а потом...

Единственное хорошее, что можно было сказать об этом испытании, – то, что все произошло быстро. Благодаря силе тяготения. Несколько мгновений почти блаженного страха и оторопи, а потом – удар, когда ноги встретились с землей. Завибрировали все кости, колени подогнулись, череп тут же отозвался болью, и Саймон упал на бок. Дальше следовало перекатиться и встать на ноги, но он так и остался лежать на земле в позе креветки.

– Подъем, Льюис! – крикнул Скарсбери.

Джейс приземлился следом, словно огромная бабочка-убийца, едва слышно.

– Первый прыжок – всегда самый трудный, – он протянул Саймону руку. – А может, и первые несколько десятков. Я точно не помню.

Все болело, но, кажется, он ничего не сломал и не вы-

вихнул. Удар вышиб воздух из легких, и пришлось несколько раз глубоко вдохнуть. Саймон обернулся, посмотрел на Джорджа. Тот стоял, не сводя с соседа сочувствующего взгляда.

Последние двое студентов выполнили задание – так же скверно, как и Саймон, – и наконец Скарсбери отпустил всех на обед.

Пересекая поле, большая часть группы отчаянно хромала.

С тех пор как Катарина похоронила суп в лесу, Академии пришлось срочно решать задачу, чем кормить студентов. В итоге возродилась старая традиция: готовить блюда разных стран – в знак разнообразия наций, к которым принадлежали студенты Академии. Сегодня, как Саймону сообщили, был день шведской кухни.

На обед подали фрикадельки, чан клюквенного соуса, картофельное пюре, копченого лосося, рыбные шарики, салат из свеклы и, в самом конце, сильно пахнущее блюдо – балтийскую сельдь особого пряного посола. Саймон вдруг осознал, что если бы эти блюда готовили люди, действительно знающие свое дело, все это было бы даже вкусно – за исключением, пожалуй, пряной сельди. Правда, вегетарианцу все равно особо разгуляться было негде.

Он взял картофельное пюре с клюквенным соусом и выскреб из почти пустого контейнера порцию свекольного салата. Какие-то добрые Сумеречные охотники из Аликанте

сжалились над студентами и прислали рогастики, которые, впрочем, тут же расхватали – к тому моменту, как Саймон дошел до хлебной корзины, в ней было пусто.

Он развернулся, чтобы отправиться на поиски свободного столика, и чуть не впечатался в Джейса с роллом в руке. От ролла явно уже прилично откусили.

– Сядешь со мной?

Кафетерий Академии больше смахивал на забегаловку, обставленную мебелью из мусорных контейнеров, чем на школьную столовую. Тут были и огромные столы, и совсем крошечные, за которыми с трудом помещались двое. Саймон, слишком раздраженный и уставший, чтобы шутить о свиданиях за обедом, молча последовал за Джейсом к маленькому шаткому столику у стены зала, чувствуя, что на них пялится сейчас вся Академия. Он кивнул Джорджу, надеясь, что тот правильно его поймет и не обидится, что Саймон обедает не с ним. Лавлейс кивнул в ответ.

Джон, Жюли и остальные с элитного курса, разочарованные тем, что на их потоке вводный предмет «Падение с деревьев под руководством Джейса Эрондейла» не предусмотрен, пожирали Джейса глазами. Казалось, они сейчас подскочат и кинутся спасти его от плохой компании, в которую тот по недоразумению угодил. Вытащат его отсюда на носилках из шоколада и роз, приговаривая, что всю жизнь мечтали родить от него детей.

Сев за стол, Джейс тут же молча накинулся на свой обед.

Саймон смотрел, как он ест, и ждал, но Джейс, казалось, был полностью поглощен едой. Он взял огромные порции каждого блюда, включая и вонючую балтийскую селедку. Теперь, рассмотрев ее ближе, Саймон начал подозревать, что засолить ее на самом деле забыли. Чтобы засолить рыбу, нужно по меньшей мере уметь готовить и точно следовать рецепту. Возможно, здешние повара и попытались это сделать – но в итоге только изобрели новую форму ботулизма.

Но Джейса, похоже, это не смущало. С другой стороны, он и сам смахивал на героя передачи «Выжить любой ценой» – в общем, на одного из тех ребят, которые голыми руками ловят в речке форель и пожирают ее сырой, пока та еще бьется.

– Ты хотел со мной о чем-то поговорить? – наконец не выдержал Саймон.

Джейс наколот фрикадельку на вилку и задумчиво посмотрел на него.

– Я провожу расследование, – ответил он. – Изучаю свою семью.

– Эрондейлов? – помолчав, уточнил Саймон.

– Не знаю, помнишь ты или нет, но история моего рода – не из самых простых, – пояснил Джейс. – Вообще-то я сам только недавно узнал, что я – Эрондейл. Нужно было привыкнуть. Уж слишком это в некотором роде легендарная семейка.

И он вернулся к еде.

Когда тарелки и чашки опустели, Джейс откинулся на

спинку стула и несколько мгновений не сводил с Саймона взгляда. Саймон хотел уже пошутить на тему того, не многовато ли ему, но решил, что его юмора не оценят.

Джейс продолжил разговор:

– Короче, от этого всего я почему-то вспомнил... ну, в общем, тебя. То, что с тобой происходит. Знаешь, как будто во всей этой истории есть что-то важное, но я понятия не имею, что именно. И пытаюсь заполнить эти провалы. Уж очень они разные, эти Эрондейлы: одни – настоящие герои, другие – просто чудовища.

– Тебя это, по идее, волновать не должно, – ответил Саймон. – Дело не в родословной, а в том, какой выбор делаешь ты сам. Но, думаю, тебе и так все время это повторяют. Клэри. Алек. – Он покосился на Джейса. – Изабель.

Джейс выгнул бровь.

– Ты хочешь поговорить об Изабель? Или об Алеке?

– Алек меня ненавидит, и я понятия не имею почему, – отозвался Саймон. – Изабель меня ненавидит, и я знаю почему. Это даже хуже. Так что ответ – нет, я не желаю разговаривать о Лайтвудах.

– Да уж, с Лайтвудами у тебя определенно проблемы, – подтвердил Джейс, сверкнув золотыми глазами. – Все с Алека началось. Как ты уже проницательно заметил, между вами кое-что произошло. Но я не стану в это влезать.

– Что же между нами произошло? Ты меня реально пугаешь. Может, все-таки расскажешь? Пожалуйста, – попросил

Саймон.

– Ну уж нет, – отказался Джейс. – Слишком сильные чувства задеты. Слишком больно. Так что извини, но рассказывать тебе было бы неправильно. Не хочу нарываться на неприятности. Я тут только затем, чтобы продемонстрировать будущим Сумеречным охотникам, как спрыгнуть с высоты, не сломав себе шею.

Саймон уставился на него. Джейс невинно хлопал золотыми глазами.

Саймон решил, что в следующий раз, когда встретит Алека, спросит его обо всем. Обо всех секретах, лежащих между ними. Нужно наконец с этим разобраться.

– Но все-таки я тебе кое-что скажу о Лайтвудах, – как бы мимоходом заметил Джейс. – Изабель с Алеком никогда не показывают, что им больно. Но я-то вижу. Особенно когда они пытаются это скрыть. Ей очень плохо, Саймон.

– А я делаю только хуже, – закончил Саймон. Покачал головой. – Я во всем виноват. Парень, которому демон стер память. Парень, который не имеет ни малейшего понятия, что с ним случилось. Парень безо всяких особых талантов, который, скорее всего, убьется в этой школе. Кто тут говорил о чудовищах? Так вот, я и есть чудовище.

– Нет, – ровным голосом отозвался Джейс. – Никто не винит тебя в том, что ты не можешь ничего вспомнить. Ты принес себя в жертву. Ты был смелым. Ты спас Магнуса. И Изабель. И меня. И сгибай колени сильнее.

– Чего?

Джейс поднялся.

– Когда прыгиваешь с ветки, сгибай колени сразу же. В остальном все было вполне прилично.

– Так что насчет Изабель? – Саймон вернул разговор к прежней теме. – Что мне делать?

– Без понятия, – пожал плечами Джейс.

– То есть ты приперся сюда, чтобы помучить меня и поговорить о себе, любимом? – Саймон начал злиться.

– Ох, Саймон, Саймон, – протянул Джейс. – Может, ты и не помнишь всего, но вот это... это так на тебя похоже!

И он пошел прочь, прекрасно сознавая, что студенты Академии восхищенно следят за каждым его шагом.

После обеда в расписании стояла лекция по истории. Обычно историю читали разным потокам по отдельности, но в некоторых случаях – вот как сегодня – собирали всех вместе в главном зале. От бывшего великолепия этого зала сейчас не осталось и следа – не считая нескольких сломанных скамей. Студенты приносили стулья из столовой, но мест все равно не хватало. Поэтому элита занимала скамьи и стулья, а отстой сидел прямо на полу впереди всех, словно младшеклассники на групповой школьной фотографии. Впрочем, после утренней тренировки даже просидеть несколько часов на холодном каменном полу казалось роскошью.

Катарина поднялась на шаткую кафедру.

– Сегодня у нас особая гостья, – начала она. – Она посетила Академию, чтобы рассказать вам о роли Сумеречных охотников как вершителей истории. Как вы наверняка знаете – да-да, я оптимистка и я в вас верю, – Сумеречные охотники участвовали во многих важных событиях из истории простецов. А поскольку в их задачи входит, кроме всего прочего, защищать простецов от знаний о Сумеречном мире, иногда приходится брать под контроль создание исторических трудов. Я имею в виду, приходится скрывать истинную суть событий. Придумывать правдоподобные объяснения, не упоминая демонов.

– Как «Люди в черном», – прошептал Саймон Джорджу.

– Поэтому, пожалуйста, сосредоточьтесь на нашей уважаемой гостье все внимание. – Катарина сошла с кафедры и уступила место высокой молодой женщине.

– Я – Тереза Грей, – глубоким и чистым голосом представилась та. – И я убеждена, что истории имеют огромное значение в нашей жизни.

Девушку скорее можно было принять за второкурсницу колледжа, одетую очень элегантно: в короткое черное платье и кашемировый свитер с накинутым на плечи узорчатым шарфом. Саймон уже однажды видел Терезу Грей – на свадьбе Люка и Джослин. Клэри тогда сказала ему, что эта женщина – которую многие называли просто Тесса – сыграла очень важную роль в ее судьбе, когда сама Клэри была совсем крохой, и что на самом деле Терезе около полутора со-

тен лет, хоть она не выглядит и на четверть этого возраста.

– Чтобы вы поняли историю, которую я хочу вам рассказать, сначала вам следует узнать, кто и что я такое. Как и Катарина, я – маг. Между тем моя мать не была человеком. Она была Сумеречным охотником.

По залу поползли шепотки, но Тереза сделала вид, что ничего не слышит.

– Я не в силах вынести руны, начертанные на коже, но я жила среди Сумеречных охотников, – продолжала она. – Я была женой Сумеречного охотника. Мои дети – тоже Сумеречные охотники. Я повидала много такого, чего не видел ни один житель Нижнего мира, так что теперь я – чуть ли не единственная, кто помнит правду. Правду, прикрытую вымыслами простецов, которые пытались объяснить последствия встреч наших двух миров. Помимо всего прочего, я – хранитель истории Сумеречных охотников. Есть такая история, о которой многие из вас наверняка слышали, – история о Джеке Потрошителе. Что вы об этом знаете?

Саймон был готов к ее вопросу: чего-то такого он и ожидал. Роман «Из ада» он читал шесть раз и всю жизнь надеялся, что хоть кто-нибудь задаст ему вопрос об Алане Муре или его книге.

Поэтому руку он вскинул так резко, что чуть не вывихнул ее в плече.

– Джек Потрошитель был убийцей, – выпалил Саймон. – В конце девятнадцатого века убивал в Лондоне проституток.

Есть версия, что на самом деле он был личным врачом королевы Виктории и все свои преступления совершал, чтобы избавиться от внебрачного ребенка принца.

Тесса улыбнулась.

– Действительно, Джек Потрошитель – это имя, данное убийце. Или, по крайней мере, связанное с серией убийств, совершенных в Лондоне в конце девятнадцатого века. Твоя версия – так называемая версия королевского заговора – давно опровергнута. Но, если я ничего не путаю, именно она легла в основу романа-комикса под названием «Из ада» и одноименного фильма.

Личная жизнь у Саймона и без того была запутанной, но от слов Терезы сердце его дрогнуло. Эта женщина разговаривает с ним о комиксах! Круто!

«Ты кретин, Саймон. Тесса Грей наверняка уже с кем-то встречается».

– Я просто расскажу вам кое-какие факты, – сказала маг. – Когда-то я носила фамилию Эрндейл. В те времена, в 1888 году, по Восточному Лондону прокатилась череда отвратительных убийств...

Лондон, октябрь 1888 года

– По-моему, это неправильно, – заявила Тесса своему мужу Уиллу.

– Да ладно. Ему нравится.

– Знаешь, Уилл, детям что только не нравится! Им нра-

вятся сладости. Им нравится огонь. Им нравится засовывать голову в дымоход. Одним словом, если ему нравятся кинжалы, это еще не значит, что...

– Да ты погляди, как он его уверенно держит!

Джеймс Эрондейл, малыш двух лет от роду, и впрямь управлялся с кинжалом довольно ловко. Словно желая продемонстрировать родителям свое мастерство, он вонзил острие в диванную подушку. Над подушкой взвилась туча перьев.

– Утки, – сообщил мальчик, указывая на кружащиеся в воздухе перышки.

Тесса выхватила кинжал из крошечных ручек сына, заметив опасное оружие деревянной ложкой. Джеймс в последнее время очень привязался к этой ложке, всюду таскал ее за собой и даже отказывался идти без нее в кровать.

– Ложка, – заявил Джеймс, неуверенными шажочками отправляясь в путешествие по комнате.

– Где он нашел этот кинжал? – спросила Тесса.

– Может быть, в оружейной? Я брал его с собой, – ответил муж.

– Может быть?

– Ну да. Может быть.

– И, может быть, Джеймс как-то умудрился снять кинжал со стены? Вынуть из креплений куда выше его роста? – продолжила она. – Видимо, так?

– В нашем удивительном мире возможно все, – диплома-

тично отозвался Уилл, но тут же сник под суровым взглядом жены. – Я глаз с него не спускал, – попытался оправдаться он.

– Надеюсь... – Тесса мотнула головой в сторону спящей в колыбели у огня крошки Люси Эрондейл. – Надеюсь, ты не станешь давать Люси палаш, пока она хотя бы ходить не начнет. Или я хочу слишком многого?

– По-моему, ничего сверх разумного, – Уилл согнулся в церемонном поклоне. – Все как ты пожелаешь, моя бесценная жемчужина. Захочешь – и единственная моя дочь вообще никогда не возьмет в руки оружие.

Он опустился на колени, и Джеймс подбежал к отцу – похвастаться ложкой. Уилл восхитился так, словно видел ее впервые. Его изрезанная шрамами рука сильно и нежно обнимала сынишку за спину.

– Ложка, – гордо заявил мальчик.

– Я вижу, малыш Джейми, – пробормотал Уилл, вспоминая, как бессонными ночами Тесса пела детям валлийские колыбельные. Любовь его к дочке и сыну была такой же сильной и неизменной, как любовь к жене. А столь же сильную потребность защищать ото всего на свете вызывал у него только один человек. Человек, в честь которого назвали Джеймса. *Парабатой* Уилла, Джем.

– Вот дядя Джем удивится, – улыбнулась Тесса, обращаясь к сыну.

Они с мужем называли так Джеймса Карстера только

между собой, только в семье. Для всех остальных он был братом Захарией – внушающим страх и уважение Безмолвным Братом.

– Джем, – отчетливо повторил крошка Джеймс, и улыбка Терезы стала шире.

Муж и сын посмотрели на нее, абсолютно одинаково наклонив головы. Черные, цвета грозových туч волосы обрамляли их лица. Личико Джейми, пока еще маленькое и круглое, по-младенчески пухлое, постепенно станет таким же, как лицо отца. Две пары глаз – большие, яркие темно-синие и маленькие золотые – смотрели на нее с абсолютным доверием и чуть-чуть проказливо. Ее мальчики.

Долгие-долгие лондонские летние дни, к которым Тесса так и не привыкла, хотя прошло уже несколько лет, начинали быстро сокращаться. Солнце больше не светило в окна до десяти вечера – теперь темнело уже в шесть. Тяжелый желтоватый туман клубился за стеклами. Бриджит задерживала шторы, и в комнате становилось темно и уютно.

Как странно – быть одновременно и Сумеречными охотниками, и родителями двоих детей! В их с Уиллом жизни, казалось, не было места ничему, кроме постоянной опасности, – но внезапно появились еще два крошечных человечка. Да, один из этих человечков уже сейчас повсюду носил с собой кинжал, а однажды наступит день, когда оба они начнут тренироваться, чтобы стать воинами, – если, конечно, захотят. Но пока что это просто дети, совсем маленькие. Крошка

Джеймс, бегающий по Институту с ложкой в руке. Крошка Люси, дремлющая в колыбели или на руках.

Тесса с удовлетворением замечала, что в последнее время Уилл стал осторожнее и рисковал меньше обычного, — хотя все равно приходилось следить, чтобы нигде не валялись острые предметы, которые могли бы попасть в руки детям. Бриджит хорошо справлялась с малышами, но Тесса с Уиллом все равно старались проводить дома как можно больше времени. Малышка Анна, дочь Сесили и Габриэля, на год старше Джеймса, уже всюю носилась по Институту и несколько раз чуть не отправилась гулять по Лондону. Хорошо, что тетушка Джессамина неизменно стояла на страже у двери.

Знала ли Анна, что тетушка Джессамина на самом деле — привидение? Неизвестно. Для малышки она была просто верной невидимой силой в дверном проеме, которая разворачивала девочку обратно в Институт и просила ее больше не брать отцовские шляпы.

Жизнь текла мирно. Тесса наслаждалась чувством безопасности, напоминавшим о тех безмятежных временах, когда она еще жила в Нью-Йорке и не знала ничего о том, кто она такая и что за мир ее окружает. Так и теперь, сидя с детьми у камина, она порой чувствовала себя... нормальной. Все вокруг казалось таким обыкновенным, словно и не существовало никогда на свете ни демонов, ни других порождений мрака.

— Что у нас сегодня на ужин? — Уилл засунул кинжал в

ящик стола. — Чую запах тушеного ягненка.

Жена уже открыла рот, чтобы ответить, и в это мгновение услышала скрип открывающейся двери. Габриэль Лайтвуд торопливо вошел в комнату, даже не потрудившись снять плащ и распространяя вокруг запах холодного тумана. По выражению его лица Тесса поняла, что спокойным дням пришел конец.

— Что-то случилось? — спросил Уилл.

— Случилось, — Габриэль сжимал в руках газету под названием «Звезда». — Это ужас.

— Согласен, — отозвался Уилл. — Эти полупенсовые бульварные листки всегда ужасны. Но, кажется, ты расстроен куда больше, чем оно того заслуживает.

— Дело не в бульварных листках. Слушайте.

Он ступил под свет газового рожка, развернул газету и разглядел ее.

— «Кошмар в Уайтчепеле...» — прочитал Габриэль.

— А, так вот ты о чем, — протянул Уилл.

Каждый житель Лондона знал о том, что случилось в Уайтчепеле. Убийства были невероятно безжалостными. Новости о них заполняли страницы всех газет.

— «...продолжается. На этот раз смерть настигла двух жертв. Одна зарублена и обезображена до неузнаваемости; у другой вскрыто и вырвано горло. Преступник снова ускользнул незамеченным. А полиция снова с потрясающей откровенностью признается, что улики у нее нет. Полицейские про-

сто ждут седьмого и восьмого убийств, точно так же, как ждали пятого, – в надежде, что очередная жертва поможет им выйти на след убийцы.

Тем временем Уайтчепел обезумел от страха. Люди боятся даже заговаривать с незнакомцами. Невзирая на все заверения полиции, что у преступника только одна цель и ищет он свои жертвы только среди одной определенной группы общества, мрачные настроения распространяются все быстрее. Никто не знает, на какие шаги пойдут практически беззащитные горожане, чтобы постоять за себя. Не исключено, что они станут расправляться с каждым незнакомцем, которому не посчастливится вызвать их подозрения. Долг журналиста – сохранять хладнокровие и не разжигать страсти, особенно тогда, когда требуются выдержка и ясность мышления. Мы постараемся хранить верность своему долгу и рассказывать об этих зверских преступлениях по возможности спокойно».

– Жуткие дела, – заметил Уилл. – Но в Ист-Энде простецам не так-то просто выжить. Вот и сходят с ума.

– Не думаю, что это простец.

– Я слышал, что убийца разослал в газеты какое-то письмо.

– Да, и очень странное письмо. У меня оно где-то было.

Габриэль подошел к столу в углу комнаты и вынул из ящика аккуратно упакованную стопку газетных вырезок.

– Да, вот оно. «Дорогой редактор, до меня по-прежнему

доходят слухи, что полиция меня выследила и схватила. Но я по-прежнему на свободе. До чего же забавно смотреть, как они корчат из себя умников и повторяют, что вышли на след. От шутки о кожаном фартуке я просто живот надорвал. Даю слово, что не перестану потрошить шлюх, пока меня все-таки не загонят в угол. Последняя работа была великолепной. Та девка даже закричать не успела. И как после этого они собираются меня ловить? Я люблю свое дело и буду продолжать дальше. Так что ты еще услышишь обо мне и о моих веселых играх. От последнего дела я сохранил немного красной жидкости в бутылке из-под имбирного пива, чтобы написать ею это письмо, но она загустела, как клей, так что пришлось взять красные чернила. Надеюсь, это подойдет, ха-ха. Следующей девке я отрежу уши и пошлю их в полицию – просто забавы ради. Придержи это письмо, пока я сделаю свое очередное дело, а потом опубликуй его полностью, как есть. У меня такой славный острый нож, что так и хочется пустить его в дело, подвернулась бы только возможность. Удачи. Твой покорный слуга, Джек Потрошитель».

– Ну и имечко он себе придумал, – заметила Тесса. – Прямо мороз по коже.

– И почти наверняка это фальшивка, – продолжал Габриэль. – Письмо состряпали газетчики, чтобы и дальше наживаться на этих убийствах. Для нас так даже лучше – простецы не усомнятся, что за этой историей стоит человек. Но сейчас я покажу вам еще кое-что.

Жестом пригласив Уилла с Терезой к столу в середине комнаты, он вытащил из-за пазухи карту. Разложил ее на столе.

– Я только что из Ист-Энда, – сказал Габриэль. – Что-то в этой истории не давало мне покоя, но я никак не мог докопаться до причин. Поэтому поехал туда, чтобы взглянуть на все своими глазами. И то, что случилось этой ночью, доказывает мою теорию. В последнее время там и вправду произошло серия убийств, и все жертвы – женщины, которые... которые работают...

– Проститутками, – закончила Тесса.

– Точно.

– У Тессы очень богатый словарный запас, – заметил Уилл. – И это одно из главных ее достоинств. А тебе, Габриэль, – стыд и позор.

– Уилл, послушай меня. – Лайтвуд выдохнул, пытаясь не заводится.

– Ложка! – встрял Джеймс, подбегая к дяде Габриэлю и обнимая его за ногу. Лайтвуд нежно взъерошил волосы малыша.

– Ты хороший мальчик, – сказал он. – Я нередко удивляюсь, как вообще у Уилла мог родиться такой умница.

– Ложка, – повторил Джеймс, ласково прижимаясь к дядиной ноге.

– Слышишь, Джейми? – подстрекнул Уилл. – Кое-кто тут считает, что я, твой обожаемый папа, – на самом деле не твой

папа. Давай докажи, что он ошибается!

– Бриджит, – обратилась Тереза к няне, – можете покормить Джеймса ужином?

И отпрыск Эрондейлов послушно поковылял из комнаты, вцепившись в юбки Бриджит.

– Первое убийство, – начал Габриэль, когда Джеймса уведли, – произошло вот тут, на Бакс-роу. Тридцать первого августа. Очень жестокое. На животе у жертвы осталось множество длинных разрезов. Второе случилось на Хэнбери-стрит восьмого сентября. Девушку звали Энни Чэпмен, а нашли ее на заднем дворе одного из домов. По количеству и характеру разрезов это убийство походило на первое, но на сей раз все оказалось куда хуже. У жертвы были вырезаны внутренности. Некоторые органы убийца положил ей на плечо, некоторые бесследно исчезли. Работа была выполнена с потрясающей точностью: без специальных хирургических знаний точно не обошлось. А если учесть, что все это проделали за несколько минут, на улице, практически в полной темноте... Это показалось мне странным. А последние два убийства, несколько ночей назад, превзошли по жестокости даже это. Посмотрите-ка сюда. Первое из них было совершено вот здесь.

Он ткнул пальцем в точку на карте, помеченную как Дат-филд-ярд.

– Это сразу за Бернер-стрит, видите? Жертву звали Элизабет Страйд, и ее нашли в час ночи. Раны схожи по харак-

теру с ранами предыдущих жертв, но преступник словно бы не довел дело до конца. Через сорок пять минут на Митр-сквер нашли тело Кэтрин Эддоус.

Габриэль провел пальцем по карте, обозначая маршрут от Бернер-стрит до Митр-сквер.

– Больше полумили, – заметил он. – Я прошел этот путь несколько раз. Второе, последнее убийство – самое отвратительное из всех. Тело жертвы буквально раскромсали на куски, внутренние органы вырезали. Но проделано все чрезвычайно аккуратно и профессионально. И, заметьте, в темноте, не более чем за несколько минут. Такая работа даже у профессионального хирурга заняла бы намного больше времени и по меньшей мере потребовала бы хорошего освещения. То, что я видел, просто невозможно сделать – и тем не менее кто-то это сделал.

Тесса и Уилл сосредоточенно изучали карту. За спинами у них мягко потрескивал огонь в камине.

– У него мог быть экипаж, – наконец сказал Уилл.

– Даже с экипажем у него не хватило бы на это времени. И в то же время нет сомнений, что это – дело рук одного и того же убийцы.

– Может, оборотни постарались?

– Определенно нет, – ответил Габриэль. – И не вампиры. Тела не обескровлены. Их никто не кусал, не ел, не рвал. Они просто вскрыты. Органы удалены и разложены как будто по определенной схеме. Это, – Габриэль для выразительности

постучал пальцем по карте, – работа демона. И это уже повергло в панику весь Лондон.

– Но почему тогда демона интересуют только эти женщины? – спросил Уилл.

– Должно быть, у них есть то, что ему нужно. Уайтчепельский дьявол, сдается мне, забирает... э-э-э... детородные органы. Я считаю, мы должны начать патрулировать Ист-Энд, и чем скорее, тем лучше. Вот этот район.

Он обвел окрестность в районе Спиталфилда.

– Здесь – центр его активности. Где-то здесь он и прячется. Вы согласны?

– А где Сесили? – поинтересовался Уилл.

– Она уже взялась за дело. Беседует с женщинами на улицах. С ней они охотнее соглашаются говорить. Одним словом, нам надо действовать, и медлить нельзя.

Уилл кивнул.

– У меня только одно предложение. Поскольку эту тварь привлекают, по-видимому, только женщины определенного рода, значит, можно использовать чары...

– Или оборотней, – подхватила Тесса.

– ...чтобы приманить демона.

Глаза Уилла вспыхнули синим огнем.

– Ты хочешь, чтобы моя жена и моя сестра стали приманками для этой нечисти?

– Но это самый лучший способ, – принялся оправдываться Габриэль. – И между прочим, твоя сестра – *моя жена*. И

Тесса, и Сесили не новички в нашем деле и на многое способны. К тому же мы будем рядом.

– Хороший план, – вмешалась Тесса, предотвращая спор: она прекрасно знала, что Уилл с Габриэлем могут пререкаться до бесконечности.

Габриэль кивнул.

– Ну так что, вы согласны?

Тесса поймала взгляд ярко-синих глаз мужа.

– Согласна, – сказала она.

– Согласен, – отозвался Уилл. – С одним условием.

– И что же это за ус... – Габриэль не договорил, тяжело вздохнул. – Понял. Брат Захария.

– Этот демон слишком силен, – объяснил Уилл. – Нам может понадобиться целитель. Кто-нибудь из Безмолвных Братьев. Тут особые обстоятельства, согласись.

– Не могу припомнить обстоятельств, которые не показались бы тебе особыми и обошлись бы без его присутствия, – сухо заметил Габриэль. – Ты брата Захарию даже ради сломанного пальца на ноге вызывал.

– Палец уже зеленел, – сказал Уилл.

– Он прав, – вмешалась Тесса. – Зеленый Уиллу совершенно не идет. – Она улыбнулась Габриэлю. – В самом деле, почему бы Джему к нам не присоединиться? Он может оказаться полезен.

Габриэль открыл рот и тут же закрыл, так и не сказав ни слова. До того как Джем Карстерс стал Безмолвным Братом,

Лайтвуд был только шапочно знаком с ним, но этот человек ему нравился. Однако, в отличие от Сесили, Габриэль считал ситуацию с Карстерсом очень странной. Тесса когда-то была обручена с Джемом, но, несмотря на это, они с Уиллом считали брата Захарию членом своей семьи и звали участвовать во всех своих начинаниях. Во всяком случае, по возможности.

Лишь немногие в этом мире знали, насколько Уилл с Джемом любили друг друга и как сильно Уилл по нему скучал. Но Тесса это прекрасно понимала.

– Если в наших силах спасти хотя бы одну бедную женщину, мы должны попытаться это сделать, – заявила Тесса. – И если Джем сможет помочь – замечательно. Но если нет – мы с Сесили сами сделаем все, что окажется в наших силах. Надеюсь, никто из вас не считает нас трусихами.

Уилл перевел взгляд с Габриэля на жену. Он смотрел на Тессу, и жесткое лицо его смягчалось: дикий, взъерошенный мальчик исчезал, уступая место тому, кем Уилл и был на самом деле, – человеку, который знал, что такое любить и быть любимым.

– Любовь моя, – он взял жену за руку и поцеловал ее. – Кому, как не мне, знать, насколько ты отважна?

– В том октябре, – продолжала Тереза Грей, – больше не поступало ни одного сообщения об убийствах, совершенных Потрошителем. Лондонский Институт патрулировал район

каждую ночь, от заката до восхода. Видимо, нам удалось загнать демона в угол, откуда он опасался высовываться.

На улице уже темнело, хотя стрелки часов едва подползли к трем пополудни. Без солнечного света в зале стало холодать, и все ученики поеживались, поджав ноги и обхватив себя руками, чтобы согреться. Но никто не сводил с мага внимательных глаз. Тесса продолжала рассказывать о зверских убийствах, показывая карты Лондона того времени.

– Думаю, – наконец подытожила она, потеряв ладони друг о друга, – что настало время для короткого перерыва. Встретимся через полчаса.

В дни длинных лекций учеников милосердно отпускали на перерывы через каждые несколько часов – сходить в туалет и выпить крепкого чаю. Для этого в одном из залов всегда стояли горячие, исходящие паром чайники. Саймон так замерз, что с удовольствием взял чашку. Кто-то из Сумеречных охотников вновь проявил щедрость и приготовил студентам целый поднос маленьких пирожных.

Саймон успел только бросить на них мимолетный взгляд, а в следующее мгновение пирожные тут же расхватала элита – их отпустили раньше отстоя. Только на левом краю подноса осталось несколько одиноких бисквитиков, на вид будто испеченных из плотного песка.

– Сегодня хорошая тема. – Джордж собирал с подноса рассыпавшийся бисквит. – Ну, то есть не то чтобы хорошая, но хотя бы интересная. Интереснее, чем обычно. И новая лек-

торша мне нравится. Ты, случайно, не прикидывал, сколько... сколько ей лет?

– Полторы сотни или около того. А может, даже больше, – рассеянно ответил Саймон.

Его мысли текли в совершенно ином направлении. Тесса Грей упомянула два имени: Джем Карстерс и брат Захария. Очевидно, это один и тот же человек. И это очень интересно, потому что где-то там, в хаосе воспоминаний, эти имена всплывали уже не раз. А еще Саймон помнил Эмму Карстерс – как та стояла лицом к лицу с Джейсом (правда, он не мог припомнить, по какому случаю) и говорила: «Карстерсы в долгу перед Эрондейлами».

Саймон глянул на Джейса. Тот сидел в кресле, а со всех сторон его окружали ученики Академии.

– Мисс Грей очень хорошо сохранилась для ста пятидесяти лет, – заметил Джордж, наблюдая, как Тесса с подозрением разглядывает чай в чашке. Отходя от стола, она коротко взглянула на Джейса. В выражении ее лица читалась задумчивая печаль.

В этот момент Джейс поднялся с места и стал прокладывать себе дорогу через толпу поклонников. Элита упорно пыталась пробиться поближе к Эрондейлу, и каждый шаг Джейса сопровождал негромкий хор вздохов и голосов: «Привет, Джейс!»

Джейс пробирался к Саймону с Джорджем.

– Ты сегодня был просто молодец, – сказал он Джорджу.

Лавлейс тут же покраснел и, кажется, лишился дара речи.

– Я... ой. Правильно. Да. Спасибо, Джейс. Спасибо.

– Все еще болит? – этот вопрос был адресован уже Саймону.

– Разве что гордость.

– Вот что бывает, если сначала подняться, а потом упасть.

Саймон поморщился.

– Неужели?

– Я долго ждал, чтобы это сказать.

Саймон вздохнул.

– Слушай, Джейс, не могли бы мы поговорить пару минут...

– Что бы ты ни хотел мне сказать, это вполне может быть сказано здесь, в присутствии нашего общего приятеля Джорджа.

«Ты об этом пожалеешь», – подумал Саймон.

– Что ж, прекрасно. В таком случае иди пообщайся с Терезой.

Джейс удивленно моргнул.

– С Терезой Грей? С магом? Зачем?

– Когда-то она была Сумеречным охотником, – осторожно пояснил Саймон. – Просто она рассказала нам кое-что... на самом деле это целый кусок истории... а ты ведь помнишь, что сказала Эмма? О том, что Карстерсы в долгу перед Эрон-дейлами?

Джейс засунул руки в карманы.

– Конечно, помню. И удивлен, что *ты* помнишь.

– Мне кажется, ты должен поговорить с Тессой, – настаивал Саймон. – Наверняка она может многое рассказать об Эрондейлах. Такое, чего ты еще не знаешь.

– Хм-м... – протянул Джейс. – Я подумаю об этом.

И он вышел из столовой. Саймон глядел ему вслед, совершенно сбитый с толку. Сейчас ему как никогда хотелось вспомнить, какие отношения были у него с Джейсом – просто чтобы понять, последует ли тот совету.

– Он общается с тобой как с другом, – заметил Джордж. – Или как минимум с равным. Вы и правда хорошо друг друга знаете. То есть я, конечно, и так был в курсе, но...

Как и следовало ожидать, стоило только Джейсу уйти, к Саймону с Джорджем тут же подкатился Джонатан Картрайт.

– Разговаривали с Джейсом, да? – поинтересовался он.

– Ты что, детектив? – отозвался Саймон. – В таком случае твоя наблюдательность просто поражает.

Картрайт пропустил насмешку мимо ушей.

– А мы с Джейсом попозже поболтаем.

– Слушай, ты что, собираешься и дальше притворяться, что знаком с Джейсом? – разозлился Саймон. – Потому что, если ты не в курсе, должен тебя предупредить: это не срабатывает. В конце концов Джейс просто скажет во всеуслышание, что ни разу в жизни тебя не видел.

Джонатан хмуро покосился на Саймона, но прежде чем он

успел что-то ответить, раздался сигнал к продолжению урока. Все ринулись обратно в зал, и Саймон поспешил ускользнуть от Картрайта, смешавшись с толпой. Ученики заняли места и устроились поудобнее, приготовившись слушать Терезу дальше.

– Итак, мы решили патрулировать этот район Лондона по ночам, – начала Тесса. – Как Сумеречные охотники мы были обязаны защищать мир простецов от влияния демонов. Мы ходили по улицам, мы наблюдали, мы предупреждали всех, кого могли. Женщины в Ист-Энде стали осторожнее и старались не ходить поодиночке, насколько это было возможно. Но те, которые интересовали Потрошителя, редко заботились о своей безопасности. Я, конечно, догадывалась, что живется им нелегко, но не представляла насколько...

Лондон, 9 ноября 1888 года

Тесса Эрондейл, конечно, знала, что такое нищета, и знала, что это не редкость в мире людей. После того как умерла ее тетушка, Тесса, совсем юная беззащитная девушка, осталась в Нью-Йорке одна-одинешенька и чувствовала холодное дыхание нищеты, будто чудовища, идущего по пятам. Но за тот месяц, что они с Сесили ходили по улицам Ист-Энда под видом проституток, Тесса поняла, как бывает, если бедность настигает человека и рвет его своими когтями.

Они надевали старые, изодранные платья и ярко румянили щеки. Но этого было мало: для маскировки приходи-

лось использовать чары. Выпавшие зубы. Пожелтевшая кожа. Тела, иссушенные недоеданием и согнутые болезнями. Все ужасные приметы женщин, которые были вынуждены вышагивать по улицам всю долгую ночь напролет – просто потому, что им негде было спать, некуда даже присесть. Они продавали себя за пенни, чтоб купить джина, потому что только алкоголь мог их согреть, унять боль хотя бы на час и притупить чувство ужасающей, невыносимой реальности их жизни.

Если этим женщинам и хватало денег, чтобы найти себе крышу над головой, то даже и в этом случае о кровати нечего было и мечтать. Лучший ночлег, какой они могли себе позволить, – это место на полу, где можно лечь в полный рост. А чаще – просто стена, к которой можно прислониться полусидя. Веревка, натянутая вдоль стены, удерживала спящих от падения. А с первыми лучами рассвета их вновь выкидывали на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.